

Классика
дипломатии

Аббат Мабли

Принципы переговоров

Классика
дипломатии

Серия
«Классика дипломатии»

Издается с 1999 года

Ответственные редакторы:

Ю.Е. Фокин
В.А. Лякишев
О.А. Колобов

Аббат Мабли

Принципы переговоров

Москва
«Научная книга»
2014

ББК 66.49 + 63.3(2)6-7

М12

Мабли аббат.

М12 Принципы переговоров / Пер. с франц., примеч. и указат. Л.А. Сифуровой; предисл. О.О. Хохлышевой. – М.: Научная книга, 2014. – 304 с.: ил. – (Классика дипломатии).

ISBN 978-5-91393-124-5

Очередное издание из серии «Классика дипломатии» впервые представляет русскому читателю полное невероятных парадоксов сочинение знаменитого политического философа XVIII века Габриэля Бонно де Мабли «Принципы переговоров» (1757) – о политических и дипломатических способах борьбы крупных держав за преобладание в Европе, а малых – за выживание. Книга предназначена как для специалистов в области международных отношений, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и теорией дипломатии, историей международного права, геополитикой, проблемами становления сообщества европейских государств и ведения международной политики разными по влиянию державами.

Перевод с французского, примечания и указатели

Л.А. Сифуровой

Предисловие

О.О. Хохлышевой

ISBN 978-5-91393-124-5

© Л.А. Сифурова, перевод на русский язык, примечания, указатели, 2014.

© О.О. Хохлышева, предисловие, 2014.

© Научная книга, оригинал-макет, оформление, 2014.

Габриэль Бонно де Мабли (1709—1785)
Худ. Ф. Бонвиль, гравюра Ф. Юо

Парадоксы Мабли

Владейте, чем хотите, пусть будет именем то, что прежде называлось державой, присваивайте, что можете, — все равно того, что не ваше, будет больше¹.

Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. LXXXIX. 20.

Жизнь и философско-политическое творчество Габриэля Бонно де Мабли, или, как его называли при жизни, аббата Мабли действительно полны парадоксов.

Во-первых, практически все исследователи, как российские, так и зарубежные, писавшие о нем, отмечают, что до нашего времени дошло довольно мало сведений о жизни этого знаменитого политического философа эпохи Просвещения и всего лишь один-два портрета, а между тем в свое время он был известен не менее Руссо или Вольтера, причем не только среди соотечественников, но и за границей.

Во-вторых, в советской (впрочем, не только советской) научной литературе Мабли называли — совершенно безосновательно — не иначе как коммунистом-утопистом, выдвигая на передний план его эгалитаристские концепции о владении имуществом² и неприятие им даже ограниченной,

¹ Пер. С.А. Ошерова.

² Мабли считал, что коммунистическое общество существовало только среди первобытных людей, что его возрождение невозможно и стремиться к этому не следует.

конституционной монархии. При этом как-то стыдливо обходили молчанием многие другие идеи Мабли, в том числе те, что касаются международной политики, а ведь их назвать коммунистическими просто невозможно.

В-третьих, еще при жизни Мабли обвиняли в том, что он, философ-затворник, берется писать о вещах, разбираться в которых может якобы только дипломат-практик или политический деятель, причастный к управлению государственными делами. Критики забывали о том, что в свое время Мабли фактически исполнял обязанности министра иностранных дел и дипломатического агента, а с течением лет приобрел столь высокий моральный авторитет в Европе и так глубоко постиг тайные пружины европейской политики, что многим дипломатам Людовика XV было до него чрезвычайно далеко. Мабли составил проект конституции Польши и потрясающий своей прозорливостью отзыв о государственном устройстве и законах США¹, а своими идеями оказал довольно значительное воздействие на творцов американской Конституции (А. Гамильтон, Т. Джефферсон, Б. Франклин), на деятелей Французской революции (Сьейес, Дюпор, Барнав и др.)², на политиков (некоторые декабристы), историков (О. Тьерри, Ф. Гизо), философов (А.Н. Радищев, П.Я. Чаадаев). Обращался к его трудам и Наполеон.

Наконец, *в-четвертых*, сама книга, что Вы, читатель, держите в руках, просто изобилует парадоксами, облеченными в емкие, подлинно афористичные высказывания, которые

¹ В частности, в той работе Мабли предсказывает, что развитие имущественного неравенства в США приведет к их агрессии против других народов, в результате чего Соединенные Штаты станут новыми карфагенянами, против которых народы объединятся и окажут им сопротивление.

² Примечательно высказывание Барнава: «Господин аббат де Мабли <...> постоянно утверждал, что политика французской нации должна осуществляться не по секрету, но по справедливости» (выступление в Национальном собрании 20 мая 1790 г.).

кому-то могут показаться циничными, а кому-то — наивными (еще один парадокс). Ведь в наше время, когда ложь, обман и право сильного в самых разных сферах (от государственной политики до частного бизнеса, от культуры до повседневной жизни) возведены на пьедестал и почитаются как проявления ума и умения жить, нечасто можно прочесть (по крайней мере применительно к внешней политике государства) о том, что на самом деле честность и справедливость приносят больше плодов, чем обман и грубая сила; что добродетели выгоднее пороков; что ни в коем случае нельзя превращать более слабое государство во врага, и т. д. И все эти парадоксы приводятся не просто как голословные утверждения, призванные эпатировать читателя, — нет, они подкрепляются неоспоримыми доводами и наглядными примерами.

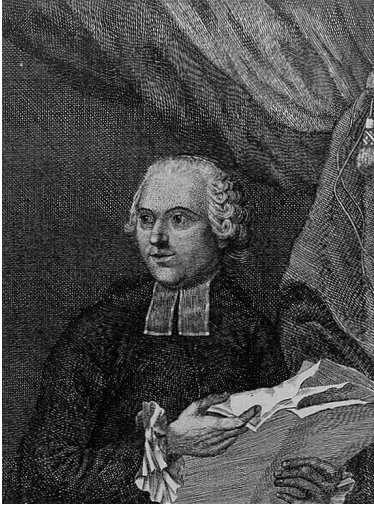
Чтобы читатель смог лучше разобраться в парадоксах аббата Мабли, мы изложим вкратце биографию знаменитого французского философа, расскажем о том, что он был за человек, опишем его систему взглядов на международные отношения.

* * *

Габриэль Бонно де Мабли (Gabriel Bonnot de Mably) родился 14 марта 1709 г. в Гренобле¹. Он происходил из довольно

¹ Основные сведения о биографии Мабли содержатся в нескольких источниках. См.: 1) *Brizard [G.], L'Abbé. Éloge historique de l'abbé de Mably. Discours qui a partagé le Prix au jugement de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres, en 1787* // [G.B.] *L'Abbé de Mably. Œuvres complètes. À Lyon: Chez J.-B. Delamollière, 1792. Т. I. P. 1–120*; 2) *Levesque P.-Ch. Éloge historique de l'abbé de Mably* // L.-P. Béranger. *Esprit de Mably et de Condillac, relativement à la morale et à la politique. Grenoble: chez le Jay-fils, 1789. Т. I. P. 1–237*; 3) *Barthelemy [L.], L'Abbé. Vie privée de l'Abbé de Mably* // [G.B.] *L'Abbé de Mably. Œuvres complètes. À Paris: Chez Volland, 1790. Т. XIII. P. 159–252.*

Именно из этих работ современников Мабли черпают факты его биографии все нынешние исследователи. Однако к сообщаемой там информации следует подходить осторожно: авторы порой склонны излишне превозносить своего героя.

Этьенн Бонно де Кондильяк

Мадам де Тансен

состоятельной семьи, принадлежавшей к «дворянству мантии». Его отец, Габриэль Бонно, который последовательно занимал должности сборщика налогов, королевского советника и секретаря парламента (суда) в Гренобле, в 1710 г. получил титул виконта де Мабли; мать, Катрин де ла Кот, принадлежала к богатому мещанскому семейству. Из их семи детей заслуживают упоминания двое, помимо Габриэля: старший брат Жан Бонно де Мабли (Jean Bonnot de Mably; 1696–1761), занимавший должность прево в Лионе, известен тем, что в 1740–1741 гг. в его семье домашним учителем служил Жан-Жак Руссо; а один из младших братьев, Этьенн Бонно де Кондильяк (Étienne Bonnot de Condillac; 1715–1780), впоследствии прославился как философ-просветитель и математик и поддерживал отношения с Габриэлем всю жизнь. Двоюродным братом Мабли был выдающийся энциклопедист д’Аламбер, внебрачный сын

Жан д'Аламбер

мадам де Тансен, женщины, сыгравшей немаловажную роль на ранних этапах взрослой жизни будущего политического философа.

В сентябре 1726 г. в возрасте 60 лет скончался отец семейства, виконт де Мабли. Примерно тогда же окончательно определилась судьба его сына, названного в честь отца: решением семьи он был предназначен к духовному званию и отправлен в знаменитый иезуитский коллеж в Лионе, где изучал классиче-

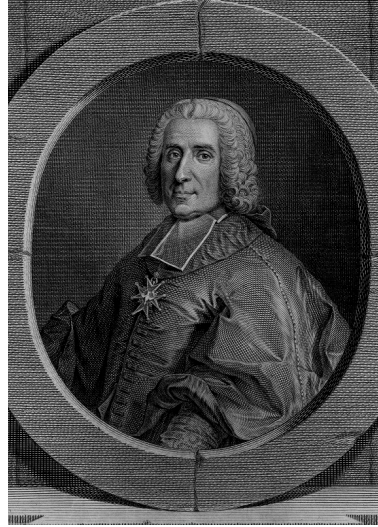
ские языки, древнюю историю, приобретал навыки толкования различных текстов.

По окончании коллежа Мабли отправился в Париж и по рекомендации своего родственника, кардинала де Тансена, поступил в семинарию Сен-Сюльпис. Ему была уготована блестящая карьера прелата, однако несмотря на настоятельные просьбы семьи, он отказался двигаться дальше звания помощника диакона. Закончив учебу, Мабли вернулся в Гренобль, где занялся глубоким изучением классической литературы и даже, по некоторым сведениям, написал небольшой исторический труд, который не был напечатан, но стал, по-видимому, основой для более позднего сочинения. По сообщениям биографов, Мабли почти наизусть знал многие произведения Плутарха, Цицерона, Фукидида, Платона, Ксенофонта; возможно, это преувеличение, но нет сомнений, что он ежедневно читал этих древних авторов, а в своих работах нередко их цитировал. Знакомился он

также с трудами французских публицистов и видных английских философов, из которых самое сильное влияние на его психологию, политические и социальные взгляды оказал Джон Локк.

Вскоре Мабли переезжает в Париж и становится навсегда блестящего политического салона своей тетки, мадам де Тансен, который посещали практически все знаменитости того времени из числа политических деятелей, писателей, философов, светских львов и львиц и др. Бывали там, в частности, Монтескьё, Гельвеций, Честерфилд, Болингброк, аббат Сен-Пьер и Жанна-Антуанетта Пуассон, графиня д'Этьоль (впоследствии маркиза де Помпадур).

В 1740 г. Мабли опубликовал свой первый историко-политический труд под названием «Сравнительный обзор истории Рима и Франции с точки зрения политического устройства» («Параллели между римлянами и французами»)¹, принесший молодому автору известность и признание. В этой работе Мабли, еще не знакомый с нищетой, в которой жило большинство населения Франции, защищал деспотизм, умеренный одним лишь обычаем, призывал крепить королевскую власть как гарант благосостояния и свободы граждан, одобрял разделение нации на богатых и бедных, рассуждал о том, что государству необходимо расширять границы, рас-

Кардинал де Тансен
(1680—1758)

¹ См. список сочинений аббата Мабли в Приложении I к наст. изд.

сматривал роскошь и изобилие как движущую силу прогресса. В скором будущем философ, которого жизнь заставила пересмотреть многие взгляды, стал стыдиться этого раннего труда, никогда не включал его в собрания своих сочинений и, как свидетельствует биограф, даже прилюдно разорвал один экземпляр, случайно увиденный у знакомого.

Как бы то ни было, именно успех этого произведения навел мадам де Тансен на мысль устроить Мабли секретарем к ее брату Пьеру Герену де Тансен, тогда еще архиепископу, назначенному в 1742 г. министром иностранных дел. Тансен, который до того времени решал лишь церковные вопросы и явно не обладал необходимыми способностями для столь высокого государственного поста, чувствовал себя на новом поприще как будто не в своей тарелке, а особенно сильно смущался, когда ему предстояло высказать мнение по той или иной проблеме в Королевском совете. С подачи Мабли он добился разрешения подавать в Совет письменные доклады, и готовил их для него не кто иной, как племянник. По словам биографа, именно Мабли сделался настоящим государственным министром, а архиепископ Тансен — его представителем в Королевском совете¹. Помимо докладов для короля, Мабли нередко составлял и отправлял депеши и инструкции послам, получал от них донесения, проводил важные переговоры. Есть сведения о том, что в 1743 г. он тайно вел переговоры с представителем Фридриха II и составил текст договора, вскоре представленный Вольтером прусскому королю, с которым тот был близко знаком. Кроме того, именно Мабли сочинил меморандумы, послужившие руководством к действию для французских полномочных представителей на конгрессе в Бреде, начавшемся в апреле 1746 г.

Во время работы в министерстве иностранных дел Мабли сделал в помощь своему патрону обзор всех европейских до-

¹ См.: *Levesque*. Op. cit. P. 9.

говоров, начиная с Вестфальского мирного договора 1648 г. Этот обзор, показавший, в сколь запутанном и плачевном состоянии находится европейское публичное право, лег в основу позднее написанных философом работ по международному праву и позволил ему со знанием дела рассуждать о всех вопросах, связанных с различными договорами, в разное время заключенными между европейскими государствами.

Перед Мабли, показавшим незаурядные знания и умения в дипломатической деятельности, требующей специальной подготовки и целого набора особых качеств, открылись бы, возможно, еще более блестящие перспективы, чем в отвергнутой им церковной карьере. В целом приобретенный им опыт практической работы в политике и дипломатии был для него самого и его последующего творчества чрезвычайно ценен, а для политических философов того времени он поистине уникален: никто другой такого опыта не имел. Однако, несмотря на успех, в 1748 году Мабли, поссорившись со своим патроном¹, уходит из министерства, перечеркнув все виды на дальнейшую политическую и дипломатическую карьеру. Этот эпизод ярко иллюстрирует такие качества характера Мабли, как твердость, непреклонность, стремление пожертвовать всем во имя принципов.

С того момента Мабли жил очень уединенно, виделся лишь с немногими избранными друзьями и занимался исключительно научной и литературной деятельностью. Отныне его целью стал поиск путей, которые приведут человечество и, в частности его собственных соотечественников, к счастью. Изучая историю, Мабли постигал причины текущего положения вещей, раскрывал основополагающие

¹ Причина ссоры была в следующем: кардинал де Тансен в качестве архиепископа Лионского аннулировал брак католика и протестантки – вопреки мнению своего советника, считавшего, что в этом случае долг кардинала состоял в том, что вести себя как политик, а не как священнослужитель.

принципы общественного устройства и механизмы политики, а читая древних философов, черпал рецепты и формулы, каковые при правильном применении способны вырвать Францию из тисков страданий и порока, способствовать воцарению в ней счастья и добродетели.

Разрыв с кардиналом де Тансеном произвел полный переворот в социальных и политических взглядах Мабли. Способствовало тому и тесное знакомство с придворной жизнью, с характером и привычками короля Людовика XV. Вращение в этих кругах, где господствующая мораль так радикально расходилась с его собственной, лишь укрепило природный аскетизм будущего философа, ставшего к тому же горячим поклонником Спарты, ее государственного устройства, спартанских установлений и обычаев.

Нет сомнений в том, что определенное влияние на формирование взглядов Мабли оказал Ж.-Ж. Руссо, с которым он встретился в лионском доме своего брата в 1741 г. Точнее будет сказать, что влияние этих ученых мужей было обоюдным, хотя по ряду существенных вопросов они расходились.

Рамки вступительной статьи не позволяют охватить все философское наследие аббата Мабли: об идеях и произведениях нашего автора написаны целые тома¹. Мы не ставим себе задачу предложить даже краткий обзор его системы взглядов на историю, политику, экономику, общество и человека. Отсылаем читателя к специальным работам, в которых эти взгляды подробнейшим образом разбираются². Достаточно

¹ См., в частности, обширную библиографию в книге: *Мабли Г.-Б. де. Об изучении истории. О том, как писать историю.* М.: Наука, 1993. С. 393–399. (Памятники ист. мысли)

² См., напр., обстоятельный труд английского ученого Э. Уитфилда: *Whitfield Ernest A. Gabriel Bonnot de Mably.* L.: George Routledge & Sons, Ltd., 1930. — 324 р. Любопытно, что эта книга, где утверждается, в частности, что называть Мабли коммунистом — значит не понимать сути его идей, в советское время

перечислить основные темы, которые Мабли затрагивал в своих сочинениях, чтобы хотя бы в общих чертах представить себе его эрудицию: природа человека; происхождение, развитие и организация общества; формы государственного устройства и правления; мораль и нравственность; основания политики; история древняя и современная; собственность, торговля, богатство и роскошь; свобода; равенство; закон; разделение властей; образование; федерализм; взаимоотношения политики и морали; международные отношения.

Несмотря на то, что Мабли жил едва ли не затворником, он пристально следил за событиями во Франции и за границей и давал им свою оценку. Благодаря незаурядной способности глубоко анализировать предшествующие события и происходящие перемены, философ неоднократно в своих работах и беседах с друзьями безошибочно предсказывал, как будет развиваться ситуация в том или ином случае. Так, он предвидел два крупнейших события конца XVIII в. — Французскую революцию 1789 г. и судьбу Национального собрания чуть ли не в хронологическом порядке, а также отделение американских колоний от Великобритании, случившееся в 1774 г. (революцию во Франции он предсказал еще в 1758 г. в своей работе «О правах и обязанностях гражданина», а освобождение колоний — в 1762 г., в момент расцвета Британской империи). Друзья в шутку называли его «пророком бедствий», а он отвечал им: «Это правда, я достаточно хорошо знаю людей, чтобы не ожидать легкомысленно [чего-то] хорошего» и все время повторял излюбленное изречение Лейбница: «*Le temps présent est gros de l'avenir*»¹.

Случалось философу-отшельнику и привлекать общественное внимание своими сочинениями на актуальные темы, про-

находилась в специальном хранилище Библиотеки им. Ленина (ныне — РГБ), о чем свидетельствуют проставленные на ней штампы.

¹ «Будущее кроется в настоящем» (*фр.*).

изводившими немалое впечатление на читающую публику не только во Франции, но и в других странах. Например, его произведение «Беседы с Фокионом о взаимоотношениях морали и политики» (1763) удостоилось в Берне специальной премии как имеющее «наивысшую ценность для человечества», а первая часть «Заметок по истории Франции» (1765), где разбиралось, каким образом люди от первоначальной свободы пришли к деспотизму, от которого страдают и по сей день, вызвала серьезный резонанс при дворе и навлекла на автора враждебность Парижского парламента (главного судебного учреждения)¹. То же самое произошло и после выхода в Амстердаме его книги «О законодательстве, или Принципы законов» (1776), где он вновь обрушился на тиранию двора и Парламента, призывал — раньше, чем кто бы то ни было во Франции — к созыву Генеральных штатов (сословно-представительного органа, прототипа современного парламента). Кабинетный мечтатель на глазах у всех превратился в действующего политика. Когда же Мабли за одно из своих сочинений, «Принципы морали» (1784), подвергся преследованиям со стороны богословского факультета Сорбонны, его популярность в обществе чрезвычайно возросла.

В 1770 г. Мабли предпринял поездку в Польшу, что стало ответом на визит в Париж графа Вельгурского, специально посланного во Францию, чтобы посоветоваться с Руссо и Мабли на предмет новой конституции для страны. Убеденный, что конституция любого государства должна отвечать его традициям, обычаям и характеру народа, философ решил изучить все это на месте. Результатом его годового пребывания в Польше стало сочинение «О государственном устройстве и законах Польши», которое было напечатано мизерным тиражом для раздачи друзьям, а в широкую пе-

¹ К счастью, благодаря вмешательству влиятельных друзей, ответный удар, который Парламент готовился нанести дерзкому смельчаку, удалось отвести.

чать вышло только в 1781 г. Вторично Мабли побывал в Польше в 1776–1777 гг. Когда он проезжал через Германию, при дворах многих князей ему устраивали теплый прием. Однако ситуация в Польше стала для Мабли горьким разочарованием: он увидел, что польские вельможи отнюдь не заинтересованы в том, чтобы заложить прочные основания государственного устройства своей страны, а заняты мелкими личными дрязгами и удовлетворением корыстных интересов¹.

Позднейшие сочинения Мабли посвящены тому, как надо писать и изучать историю². Сегодня они, возможно, остаются самыми читаемыми из всех его трудов.

Умер аббат Мабли 23 апреля 1785 г. в Париже и был похоронен в церкви св. Роха. Церковные власти запретили устанавливать памятник на его могиле³ — что довершило его сходство с Фокионом Афинским, с которым французского философа не раз сравнивали⁴.

И после своей кончины Мабли продолжал иной раз вызывать бурные страсти. Когда в 1788 г. друзья покойного философа напечатали вторую часть «Заметок по истории Франции» и распространили в Версале во время второго заседания нотаблей, книга произвела настоящий фурор, особенно после того как хранитель печатей, заявив, что «это взрывоопасная книга», приказал запереть 1,6 тыс. экземпляров в Бастильских темницах. Поскольку брожение умов в обществе тогда уже сильно

¹ Как известно, эти факторы сыграли не последнюю роль во втором и третьем разделах Польши (1793, 1795 гг.).

² См.: Мабли Г.-Б. *де*. Указ. соч.

³ Точнее говоря, викарий церкви соглашался дать согласие на установку памятника с одним условием: чтобы под эпитафией было воспроизведено порицание, вынесенное в адрес Мабли Сорбонной.

⁴ «...враги Фокиона, словно все еще не насытившись борьбою, провели новое постановление — чтобы труп его был выброшен за пределы Аттики и чтобы ни один афинянин не смел разжечь огонь для его погребального костра» (*Плутарх*. Фокион. 37. *Пер.* С.П. Маркшиса).

возросло, подобная мера, лишь возбудившая любопытство и подстегнувшая патриотизм, привела к тому, что в короткое время столица и провинция оказались наводнены этой книгой, напечатанной подпольно. Как пишет один из друзей Мабли, участвовавших в публикации, «никогда еще никакое сочинение не вызывало более сильного взрыва». А на жившего в Париже известного немецкого литератора барона Ф.-М. Гримма книга произвела такое сильное впечатление, что он, обычно скептический и сдержанный в оценках, даже признавал, что в ней содержались «страницы, достойные Тацита».

В целом можно сказать, что творческому наследию Мабли посчастливилось. В 1789 г. друзья Мабли выпустили в свет другое ранее не выходившее сочинение — «О правах и обязанностях гражданина», написанное за тридцать один год до того. Поразительно, сколь актуально это произведение, содержащее проект конституции для Франции и рекомендации, какие последовательные шаги следует предпринять, чтобы ввести его в действие, прозвучало в год начала революции! А вскоре душеприказчики Мабли выпустили в свет полное собрание его сочинений, составившее 15 томов. Кроме того, еще в 1785 г. некий аноним¹ предоставил Академии надписей и изящной словесности необходимую сумму на учреждение золотой медали за сочинение, в котором будет дана наиболее полная оценка жизни и творчества Мабли. В 1787 г. премия была поделена между двумя аббатами, чьи похвальные слова в адрес знаменитого философа до сих пор служат основными источниками биографических сведений о нем².

¹ Из переписки барона Гримма выяснилось, что дарителем выступила герцогиня д'Анвиль.

² См.: *Brizard [G.], L'Abbé. Op. cit.; Levesque P.-Ch. Op. cit.*

* * *

У потомков, знакомящихся с трудами философов, нередко возникает вопрос: а какими были в жизни сами ученые мужи, что брали на себя смелость наставлять современников, а иной раз и последующие поколения, стремились учить всех добру, справедливости, скромности и умеренности?

В отношении Мабли можно сказать, что жизнь его была идеальной иллюстрацией его сочинений. Он придерживался ровно тех принципов, которые проповедовал. В его характере и образе жизни не было ничего показного, в том числе показной добродетели.

Все биографы отмечают бескорыстие философа. Так, он ничего не получал за свои сочинения, а из тиражей брал лишь несколько экземпляров для подарков. Один из мемуаристов пишет, что двор предпринимал попытки соблазнить аббата милостями, а король лично просил епископа Орлеанского выделить для Мабли бенефиций из числа тех, коими епископ распоряжался. Однако купить Мабли оказалось невозможно.

Известен был философ и своей скромностью в быту (всю жизнь довольствовался лишь одним слугой), равнодушием к почестям и славе. Например, однажды он отказался от приглашения к министру, сказав, что посетит его, когда тот оставит свой пост. Был слух, что Мабли предлагали стать воспитателем одного из европейских кронпринцев, но аббат заявил, что станет воспитывать мальчика на основе принципа «короли для народов, а не народы для королей», после чего предложение было отозвано.

Маршал Ришельё настоятельно убеждал философа выдвинуться в члены Французской академии. Мабли сделал вид, что поддался на уговоры, так как не хотел обижать триумфатора в сражении при Маоне, но затем упросил своего брата Кондильяка освободить его от обещания, по-

сколько не хотел произносить похвальное слово кардиналу Ришельё или обижать его внучатого племянника, от этого слова отказавшись. Говорил, что не хочет, чтобы люди спрашивали, с какой стати он вдруг попал в Академию, пусть лучше спрашивают, почему он до сих пор не там.

Несомненно, Мабли, превосходно знавшему древних авторов, пришло на ум высказывание Катона-старшего, славившегося своей непреклонностью в отстаивании высоких моральных принципов. Когда люди изумлялись, что многим недостойным воздвигнуты статуи, а ему, Катону, нет, он отвечал: «Мне больше по душе вопрос “Почему нигде не стоят твои статуи?”», нежели “Почему они стоят?”»¹.

Из скромности Мабли никак не хотел, чтобы при жизни рисовали его портрет. Тот, что известен всем, выполнен художником Пюго (Pugos) и содержит стих из Ювенала:

Acer et indomitus,
Libertatisque magister².

* * *

Итак, мы познакомились с жизнью, творчеством и личностью философа, написавшего эту книгу. Теперь настало время подробно осветить его представления о том, как устроена и как функционирует система международных отношений.

Выше уже отмечалось, что Мабли ни в коем случае нельзя считать фантазером, придумывавшим в тиши кабинета абстрактные конструкции, никогда не существовавшие в действительности. На самом деле глубокое практическое знание тайных пружин дипломатии вкупе с мышлением

¹ *Плутарх*. Марк Катон. 19. *Пер. С.П. Маркиша*. См. также: *Плутарх*. Изречения царей и полководцев. 80. Катон Старший. 10 (198 E–F).

² «Неукротимый и строгий учитель свободы...» (Сатиры. 2. 77. *Пер. Д.С. Недовича*).

философа позволили ученому провести скрупулезный и точный анализ современной ему европейской системы и политики, предложить на его основе государствам разного типа четкие рекомендации, как они могут добиваться своих целей дипломатическими методами.

Международные отношения в политической теории Мабли

Свои воззрения на организацию системы международных отношений и международной политики (что они собой представляют и что *должны* представлять) Мабли изложил в целом ряде сочинений¹. Здесь мы приводим основные положения его теории международных отношений.

I. Устройство человечества. По мысли нашего философа, все человечество на самом деле представляет собой единое целое. Различные национальные государства, его составляющие, — это не отдельные образования, существенно различающиеся между собой, а лишь разные группы единого братства, подобные греческим полисам в Древней Элладе. Разделение человечества на государства, имеющие каждое свой собственный центр власти, преследует одну цель — обеспечить удобство управления столь большим организмом, как мир. Идеальной формой организации международных отношений, считает Мабли, была бы федеративная республика — на манер все той же Древней Греции или современной Швейцарской конфедерации. Впрочем, никаких конкретных механизмов создания подобной «лиги наций» он не предлагает, считая,

¹ См.: «Европейское публичное право, основанное на договорах», «Принципы переговоров», «О законодательстве», «О том, как изучать историю», «Беседы с Фокионом», «О политическом положении Польши в 1776 г.», «Заметки по истории Франции» и др.

видимо, что в этом вопросе, как и в других, правительства должны руководствоваться чувством справедливости.

II. На каких основаниях должна строиться политика государств. Неразрывную связь между *справедливостью* и политикой Мабли, воспитанный на древних авторах, раскрыл во многих своих сочинениях, показав, что справедливость (*équité*) является источником и фундаментом общественного благополучия¹. Тот же тезис он положил в основу своей теории международных отношений. При этом справедливость для Мабли — не абстрактное понятие из разряда благих пожеланий, а вполне конкретный инструмент, с помощью которого одни государства могут сохранить свое могущество, а другие — достичь благоденствия и процветания. Можно сказать, что Мабли возвращается к сократовско-платоновскому содержанию справедливости — «отдать каждому свое».

Но что такое «свое» применительно к государствам? Смысл этого понятия Мабли раскрывает в основополагающих принципах политики разных по статусу государств². Для доминирующей державы (на современном языке — супер- или сверхдержавы) справедливым будет неагрессивное поведение, сдержанность и умеренность, которые позволяют ей играть роль всеобщего арбитра; для державы-соперницы (как бы мы сегодня сказали, государства, претендующего на статус сверхдержавы) — забота о своем экономическом процветании; для второстепенных держав — лавирование между двумя первенствующими державами, чтобы обезопасить себя от неприятностей извне и удержать, а при случае и нарастить свою мощь; для третьестепенных — стремление всеми силами сохраниться как самостоятельное государство.

¹ См. в: *Levesque*. Op. cit. P. 41.

² См. наст. изд. Гл. 3–8.

Никакое государство не вправе вмешиваться во внутренние дела и внутреннюю политику других государств¹.

Можно заметить, что вышеприведенные принципы вытекают из разумных соображений — казалось бы, при чем тут справедливость? Но как раз для Мабли, как когда-то для Сократа, понятия «справедливости» и «разума» неразделимы. *Разум* у Мабли противопоставлен естественным, что называется, животным страстям. Все справедливое разумно и, более того, выгодно, а потому целесообразно. Это одно из краеугольных положений теории французского философа, сумевшего изящно объединить в своем учении некоторые элементы стоицизма и утилитаризма.

Что же касается международного права, которому государства должны подчинять свое поведение на мировой арене, то, по убеждению Мабли, основанием этого права должны стать естественное («природное») право, требования гуманизма и все тот же разум. Между тем, пишет Мабли, то, что именуется у нас международным правом, представляет собой беспорядочное и по большей части совершенно лишенное какой-либо внутренней логики нагромождение

¹ По поводу этого принципа необходимо сделать важное замечание. На самом деле, идея о том, что вмешательство в *некоторые* внутренние дела государства допустимо, существует столько же, сколько теория суверенитета: труд Жана Бодена «Шесть книг о государстве» (*Six livres de la république*, 1577), где провозглашается всемогущество верховной (суверенной) власти, и анонимное сочинение «Требования к тиранам» (*Vindiciae contra tyrannos*, 1578), в котором заявлено о праве вмешательства в дела государства с целью защиты терпящих притеснения французских гугенотов, появились практически одновременно. С течением времени количество и разнообразие проблем, выходящих за государственные границы, существенно возросли; экономические и торговые интересы также не терпят ограничений пределами одного государства. Эти вопросы решаются в международных договорах, где нередко предусматривается известное ограничение суверенных прав государств-участников. Однако следует иметь в виду, что ограничение ряда суверенных прав не означает упразднения государственного суверенитета в целом, и опасения, которые можно нередко слышать на сей счет, пока что не имеют под собой оснований.

договоров и обычаев, зачастую устаревших, следование коим иной раз просто неразумно, а потому преступно.

III. Взаимосвязь внутренней и внешней политики. Как и его современник, англичанин Эдмунд Бёрк, Мабли считал, что внутренняя и внешняя политика органически связаны между собой. Как может государство проводить неизменно успешную внешнюю политику? Только строя ее на рациональных основаниях, в гармонии с условиями, существующими внутри страны. «Стремишься подготовить почву для легких и успешных переговоров с зарубежными странами? Тогда стремись вести себя благо-разумно в своей собственной стране», — пишет Мабли в сочинении «Об изучении политики».

IV. Мир и война. Территории. Колонии. Какуже говорилось, Мабли полагал, что человечество по необходимости разделено на государства. И раз уж это произошло, все государства должны быть суверенны, а первой их заботой должно быть сохранение независимости, которое предполагает способность к самообороне. Да, мир — естественное состояние человека, ибо применение силы оправдано только среди животных, неспособных руководствоваться отсутствующим у них разумом. К миру надлежит всеми силами честно и неуклонно стремиться, принося ему в жертву славу нации и ложное чувство патриотизма (каковые к тому же зачастую скрывают под собой алчность и честолюбие)¹. Однако заботясь о мире, нельзя забывать о том, что война возможна и что к ней надо готовиться.

¹ В «Беседах Фокиона» Мабли задается риторическим вопросом: коли природа заповедала человеческим существам любить, а вовсе не пожирать друг друга, то мудрая ли политика — хотеть, чтобы патриотизм побудил граждан искать счастья своей страны в несчастьях соседей?

Причинами войн становятся подозрительность (из-за желания сохранить независимость мы склонны смотреть на зарубежные страны скорее как на врагов, нежели как на друзей) и стремление к завоеваниям, подогреваемое двумя опаснейшими пороками: алчностью и честолюбием.

К войнам первого типа, оборонительным, Мабли относится терпимо: независимость, самостоятельность настолько важны для интенсивного развития любого сообщества, что их приходится порой отстаивать с оружием в руках, нередко ценой огромных потерь. Но даже в такие войны следует вступать, лишь тщательно взвесив все «за» и «против»; объявляя войну, надобно опубликовать манифест, разъясняющий причины, побудившие государство взяться за оружие;¹ мир же нужно восстановить немедленно, как только представится такая возможность.

Завоевательные войны философ безоговорочно осуждает. Эти войны ведутся ради новых земель и не сулят завоевателю ничего, кроме гибели. Мабли бросает вызов всем сторонникам завоевательных войн: пусть назовут хоть один единственный случай начиная с середины XVI в., когда бы территориальные приобретения не привели завоевателя к краху. И несмотря на столь пагубные последствия подобных войн страны по-прежнему хотят расширять границы и покорять соседей! Проявлением мудрости, по мнению Мабли, стало бы публично сделанное всеми государствами заявление, что они твердо настроены не совершать агрессивных действий.

Государства, пишет философ, должны быть удовлетворены той территорией, которую занимают; им не следует стремиться к обладанию как можно более обширной территорией. Престиж владения огромными по размеру зем-

¹ По мнению Мабли, прерогатива объявлять войну должна принадлежать законодательной, но никак не исполнительной власти.

лями — опасная иллюзия, столь же пустой звук, как титулы и звания, коими без счета осыпают себя земные владыки. Крупные империи неизбежно рассыпаются. Убеждение, будто завоевание дает право на владение территорией, абсурдно и ошибочно. Во-первых, право сильного не имеет разумных оснований. А во-вторых, власть правителя крупного государства во многих, особенно отдаленных от центра, провинциях прозрачна и лишена реального содержания, в лучшем случае она зиждется на привычках и мифологических представлениях местных жителей. Вместо того чтобы укреплять свое могущество, государство, покоряя соседей, лишь подрывает свои основы: попавшие под иго люди питают ненависть к завоевателю и вынашивают планы мести, а другие народы взирают на него с опаской и недоверием.

Также не следует государствам обзаводиться колониями и заморскими владениями: с одной стороны, их существование ведет к тирании, а с другой, они просто невыгодны, так как получаемая от них дань едва ли покрывает расходы на управление колониями и содержание их в подчинении¹. Кроме того, угнетение и тирания в отношении других народов в конце концов приведут к отрицательным последствиям для самого угнетателя. Во-первых, пострадает свобода у него в стране: война дает правителям возможность под предлогом наступления чрезвычайных обстоятельств расширять свои полномочия и посягать на права и свободы граждан. Во-вторых, говорит Мабли, победители склонны перенимать

¹ По мнению Мабли, для Испании стало настоящим бичом золото Южной Америки: испанцы разучились трудиться, и в конце концов их империя рухнула; и напротив, благом была для этой страны потеря Южных Нидерландов и итальянских владений, отошедших к Австрии, которая лишь ослабила себя этими территориальными приобретениями. И Англия, пишет Мабли, немало выиграет, если утратит американские колонии: пусть сократятся масштабы ее торговли, но зато она сможет обратить более пристальное внимание на свои внутренние дела.

пороки, свойственные побежденным, что ведет к ослаблению вчерашнего завоевателя и делает его легкой добычей других алчных честолюбцев, которым эти пороки пока что незнакомы (особенно много тому примеров в древности).

Государство, желающее стать по-настоящему великим, должно не завоевывать новые земли, а как можно лучше обустроить имеющиеся у него территории, способствовать развитию земледелия, мануфактур, торговли, заботиться о благосостоянии граждан.

Во время войны надо приложить все усилия для скорейшего заключения мира. Следует предпринимать даже казалось бы заранее обреченные на провал попытки вернуть мир: шанс на успех, пусть призрачный, есть всегда. По крайней мере такие попытки позволяют выявить позиции и умонастроения воюющих сторон, определить препятствия, стоящие на пути к миру, а также сократить срок подготовки к мирным переговорам.

В отношении мирных договоров, заключаемых по итогам войн, Мабли настроен пессимистично: поскольку в ходе войны честолюбие и алчность редко оказываются удовлетворены даже у победителей, не приходится ожидать, что мирный договор будет составлен мудро и справедливо, а в каждом несправедливом договоре зреют семена будущих войн. Именно поэтому воюющим сторонам нужно приложить все усилия, чтобы снять взаимное раздражение и озлобление, устранить причины будущих разногласий: следует воздерживаться от захвата трофеев и наложения контрибуции; всех пленных надлежит освободить без выкупа; желательно сразу же дозволить свободное взаимодействие граждан воевавших между собой стран. Сепаратный мир Мабли не отвергает. Он считает, что если перед кем-либо из союзников открывается возможность заключить справедливый мир, он должен уведомить об этом остальных

участников альянса; в случае их отказа присоединиться к переговорам сепаратный мир вполне оправдан. Единственным исключением является ситуация, когда цель военных действий была заранее четко определена; тогда заключение сепаратного мира допустимо лишь после достижения этой цели, если, конечно, какому-то из союзников не угрожает полный разгром и уничтожение.

V. Взаимодействие государств. Союзники. Вступать в союзнические отношения с соседями — проявление мудрости. Каждой нации следует выявить среди всех прочих такие, которые настроены к ней наиболее благожелательно — это естественные союзники. Особенно часто ими становятся государства, имеющие общего врага, а потому заинтересованные в объединении для противостояния этому врагу. Такие союзы должны быть тесными и носить постоянный характер.

Естественными врагами делает государства непосредственное соседство, соперничество и конкуренция. Союзы между врагами возможны, но они носят временный характер. Отдавая себе отчет в том, что всегда нужно быть готовым к схватке с врагами, из соображений благоразумия государству следует руководствоваться в отношениях с ними сдержанностью и справедливостью. Вообще, надлежит всячески гнать от себя враждебные чувства и подозрительность к соседям, проявлять терпение, культивировать терпимость, стремиться к дружбе и добрососедству. Только это позволит государству выступать посредником и миротворцем в ссорах между другими народами — особенно если само оно неизменно руководствуется справедливостью.

От постоянных альянсов с естественными союзниками следует отличать союзы конъюнктурные, заключенные по сиюминутным причинам. Как пишет Мабли, державы

второго разряда, чья цель — нарастить могущество за счет великих держав, не заинтересованы в постоянных союзах. Их стратегия (учитывая порочность европейской политики) заключается в том, чтобы выжидать, а при случае с максимальной для себя выгодой воспользоваться обстоятельствами, продав свою дружбу тому, кто предложит наибольшую цену.

Особенно тщательно нужно прописывать условия оборонительного союза, который может принести пользу только в том случае, если союзник видит в нем выгоду для себя. Зачастую государство, первым начавшее войну, на самом деле является пострадавшей стороной, вынужденной открыть боевые действия под давлением обстоятельств или в результате прямой провокации. Вот почему союзники должны как следует оценить обстановку, чтобы не ввязаться в несправедливую войну на стороне того, кто ее в действительности затеял. Желательно, считает Мабли, предусматривать в союзнических договорах период, в течение которого союзник, не вступая в войну непосредственно, должен приложить все старания, для того чтобы добиться примирения между уже воюющими сторонами.

VI. Переговоры. Договоры. Тайная дипломатия. По мнению Мабли, активное взаимодействие между народами — прискорбный факт, поскольку результат его один: страны заражаются друг от друга пороками, распространение коих гораздо опаснее, чем нашествие вражеских войск¹. Ликург, уверен Мабли, был совершенно прав, запрещая спартамцам выезжать за пределы госу-

¹ «Соседние народы, которые, благодаря торговле, прививают нам праздность, изнеженность, пышность, роскошь и корыстолюбие, более опасны, чем опустошающие наши нивы войска» (Мабли Г.-Б. де. Об изучении истории // Г.-Б. де Мабли. Указ. соч. С. 33).

дарства, за исключением особых миссий, и назначая для наблюдения за приезжающими в Лакедемон чужеземцами специальных лиц, в чьи задачи входило ограждать местных жителей от пагубного влияния извне. К минимуму должна быть сведена и международная торговля, поскольку торговцам, преследующим только личную выгоду, неведомо чувство родины.

Когда же государствам приходится поневоле вступать в общение, им надлежит придерживаться определенных правил. Великое искусство переговоров должно преследовать одну цель — заручиться уважением других участников союза или договора. Добиться этого можно только одним способом: проявляя искренность и честность. Всяческие интриги, уловки, происки и ухищрения здесь неприменимы — ведь именно им обязаны своей дурной репутацией Людовик XIV и Карл II, и нет сомнения, убежден Мабли, что паутина, которую плетет Фридрих II, в конечном счете также придет в негодность из-за стремления прусского короля перехитрить всех и вся.

Мабли, по-видимому, так и не смог разрешить для себя вопрос о том, позволительно ли государству отвечать на интриги и нечестные поступки соседа тем же. И если в «Беседах Фокиона» философ самым решительным образом заявляет, что отступать от честности и открытости неразумно, то в «Принципах переговоров» он уже не столь категоричен и допускает, что нация, которая всегда поступает честно, может потерпеть крах. Недобросовестность настолько прочно вошла в привычку у правительств, в отчаянии замечает Мабли, что оказывается просто невозможно придумать способ, как заставить их держать слово. Ни клятва на святых мощах, ни привлечение гарантов для этого не годятся, так как доказали свою неэффективность: Церковь может освободить от клятвы, а гаранты склонны

отстаивать свои собственные, а отнюдь не общие интересы. Наилучшей гарантией выполнения договоров, по мнению Мабли, является мудрость и честность тех, кто их составляет, а также просвещение подданных во всех странах. И чем могущественнее государство, тем сильнее оно должно стремиться к выполнению своих обязательств.

Кроме того, говорит Мабли, заключать договоры, которые не имеешь намерения выполнять, — не только безнравственно, но просто неразумно с политической точки зрения. Когда государство хоть раз прибегло к мошенничеству и интриге, ему уже трудно от них отказаться, однако результат такой политики будет всегда один: крах того, кто ее проводит, и несчастье для его народа.

Договоры должны быть сформулированы четко и ясно, а все условия прописаны в точности. В противном случае открывается путь коварству, софизмам и различным уверткам, от которых, к стыду человечества, часто зависят судьбы мира и счастье народов. Надо тщательно следить за тем, чтобы устаревшие договоры вовремя денонсировались и заменялись новыми, так как в противном случае они могут угрожать миру.

Тайные договоры, по мнению Мабли, недопустимы: они нарушают принципы международного права. Да, тайные договоры «освящены» обычаем, однако само по себе это их не оправдывает, ведь международное право — это не существующая порочная практика, а то, что должно регулировать международные отношения в идеале. Нельзя также забывать и о том, что тайные договоры попирают права народа — единственного законного носителя верховной власти в государстве.

Открытая дипломатия позволяет избегать неопределенности, подозрений и страхов, подпитывающих недоверие и враждебность и в конечном счете ведущих к войне. Кроме

того, публичность позволяет снизить риск дипломатического жульничества.

В области заключения договоров особенно часто проявляется нерациональность, хаотичность внешней политики европейских государств. Как показал Мабли в своем сочинении «Европейское публичное право, основанное на договорах», государства Европы заключают между собой огромное количество договоров, но нередко оказывается, что договоры эти противоречат друг другу, а потому их совершенно невозможно выполнить. Особенно много бессмысленных договоров заключают великие державы: они не могут пренебречь даже сомнительными договорами с второстепенными державами¹ (которые с легкостью предадут вчерашних союзников, лишь бы оказаться в нужный момент на стороне победителя), но, как правило, отдают себе отчет в том, что из сотни договоров лишь один, может быть, окажется по-настоящему полезен.

Особенно энергично Мабли протестовал против того, как монархи, заключая между собой договоры, распоряжаются судьбой территорий и проживающих на них народов, словно территории — это фермы, а народы — скот. В XVII—XVIII вв. целые провинции переходили от одного государства к другому (достаточно назвать Испанские Нидерланды и принадлежавшее Испании Неаполитанское королевство, отошедшие по условиям Утрехтского мира 1713 г. к Австрии), но при этом народы, судьбы которых передача территорий непосредственно затрагивала, никак не участвовали в обсуждении таких договоров. Да и в целом, пишет Мабли, народы понятия не имеют о том, какие договоры заключают стоящие над ними правители и какие

¹ «...никакой державе никогда не следует становиться врагом более слабого государства...» (с. 112 наст. изд.).

обязательства на себя берут — хотя когда дело доходит до войны, все тяготы ее несет на себе именно народ.

VII. Совет, управляющий иностранными делами. Мабли считал, что для осуществления текущей деятельности по управлению иностранными делами, в каждом государстве должен быть создан возглавляемый королем специальный совет из шести членов, имеющих опыт работы за границей. Полномочия такого органа философ предлагал ограничить, оставив ему, в частности, выбор только чрезвычайных посланников и тайных агентов; послов же, по мнению Мабли, должен назначать законодательный орган. Также, писал Мабли, в каждой стране нужно создать специальную постоянно действующую коллегия из должностных лиц, в обязанности которых будет входить поддержание дружественных отношений с другими государствами и сглаживание любых трений, которые могут возникать в этих отношениях. Подобная коллегия могла бы направлять общественное мнение у себя в стране, чтобы оно всегда содействовало проведению здоровой внешней политики.

VIII. Послы и другие представители государств. Мабли сетует, что зачастую полномочные представители, ведущие переговоры на международных конгрессах, оказываются недостаточно осмотрительны и внимательны к общим интересам. Они занимаются рутинными вопросами и порой упускают из вида важные подробности и обстоятельства¹. Между тем послы обязаны всегда помнить о том,

¹ «Полномочные представители обязаны знать законы и принципы, формирующие публичное право нации, с которой они ведут переговоры, дабы в том случае, если составляется какой-либо договор, этим законам и принципам противоречащий, специально указать, что в данном случае отступление дозволительно» (*Mably, l'abbé de. Le droit public de l'Europe...: En 3 vol. Amsterdam; Leipzиг: Arkstée et Merkus, 1761. Ch. X. Vol. II. P. 244*).

что они выступают посланцами мира и единения между народами.

Государства должны выполнять взятые на себя обязательства, причем даже в тех случаях, когда эти обязательства были им навязаны их же полномочными представителями, превысившими данные им тайные полномочия, — при условии, что эти представители в целом не вышли за пределы своих функций. И напротив, сами представители несут полную ответственность за совершенные ими действия. Впрочем, указанных неудобств, связанных с превышением полномочий, можно легко избежать, поскольку международные обязательства только формулируются полномочными представителями государств, а ратифицируются позднее правительствами (сегодня — выборно-представительными законодательными органами).

Мабли считает, что нет нужды описывать идеального посла¹. Даже если бы нашелся человек, обладающий в высшей степени мудростью, тактом, знаниями, честностью и т. д., то, вполне вероятно, государству было бы невыгодно и просто-таки опасно давать ему дипломатические поручения! Он оказался бы неуместен в развращенной атмосфере европейских дворов, где его стали бы презирать как нелепого педанта. Какая-нибудь посредственность, наделенная очарованием и, может быть, пороками, преуспела бы куда больше. Есть и еще одна причина, почему бессмысленно давать рецепты по воспитанию идеального посла: послы отражают добродетели и пороки своих повелителей, которым имеют склонность

Заслуживает внимания и еще одно высказывание: «Лица, ведущие переговоры, ни в коем случае не должны довольствоваться лишь тем, чтобы устранить реальные трудности; еще им следует преградить все пути крючкотворству» (Ibid. P. 245).

¹ Следует напомнить, что в подавляющем большинстве сочинений «о посольствах и послах», вышедших в XV—XVII вв., делаются попытки представить образ «идеального, или совершенного, посла».

угождать. В стремлении сделать блестящую карьеру послы, забывая о том, что обязаны докладывать своим правительствам только правду, нередко сообщают ложные сведения, льстящие самолюбию государя или его министров.

Сочинение «Принципы переговоров»

Предлагаемое в настоящем издании произведение «Принципы переговоров» сначала вышло отдельной книгой в 1757 г., а затем автор стал включать его в качестве введения в выпущенный им ранее, в 1748 г., и впоследствии неоднократно дополнявшийся сборник «Европейское публичное право, основанное на договорах».

Это последнее сочинение выросло из обзора договоров, составленного аббатом Мабли в его бытность секретарем министра иностранных дел. Оно представляет собой свод международных договоров, заключенных европейскими державами, начиная с Вестфальского мира 1648 г. Мабли тщательнейшим образом проанализировал и обстоятельно прокомментировал все договоры. Цель его состояла в том, чтобы проследить, как зарождаются в Европе распри и противоречия, понять, как можно добиться от государств соблюдения взятых ими обязательств.

Книга «Европейское публичное право», ставшая важной вехой в развитии международного права, завоевала огромную популярность¹, даже удостоилась благосклонного отзыва Фридриха Великого, была переведена на ряд языков. В университетах Англии по ней преподавали международное право, государственные деятели называли ее «учебником

¹ «...написанная для государственных мужей и простых граждан», она пользуется громадным успехом «во всех кабинетах Европы от Петербурга до Луккской республики» (*Brizard [G.], L'Abbé. Op. cit. P. 99*).

для министров» (*manuel des ministres*)¹, мемуарист Гримм — «азбукой современной политики»². Автора поставили в один ряд с прославленными правоведами Гроцием и Пуфендорфом; многие считали, что он даже их превзошел³. Это произведение Мабли высоко ценили и рекомендовали к прочтению своим воспитанникам М.Н. Муравьев и Ф.-С. Лагарп, наставники великих князей Александра (будущего императора Александра I) и Константина⁴. Лагарп, например, писал, что эта книга — «наилучшее краткое изложение того, что написано о дипломатии»⁵. Имелась она и в библиотеке А.Н. Радищева. Известна история о том, как в 1771 г. Радищев и другие русские студенты Лейпцигского университета отказались слушать лекции тамошнего профессора-правоведа, согласившись с мнением одного из своих товарищей, что лучше за три месяца основательно изучить сочинение Мабли⁶, где превосходно изложено «учение о тех обстоятельствах, каковые должны сблизить европейские государства в силу заключенных друг с другом договоров»⁷.

Что касается «Принципов переговоров», то и эта книга, по свидетельству Гримма, наделала немало шума при выходе, ибо содержала резко критическую оценку Версальского договора 1756 г., заключенного Францией с Австрией в ре-

¹ См.: *Levesque*. Op. cit. P. 41–42.

² Цит. по: *Сафронов С.С.* Исторические взгляды Мабли // Французский ежегодник. 1971. М.: Наука, 1973. С. 270.

³ Между тем, когда Мабли еще только обратился к властям за разрешением опубликовать этот свой труд, его иронически спросили: «Кто вы такой, господин аббат, чтобы писать об интересах Европы? Посланник или министр?» (цит. по: *Искюль С.Н.* Габриэль-Бонно де Мабли и его исторические труды // Г.-Б. де Мабли. Указ. соч. С. 297).

⁴ См.: *Искюль С.Н.* Указ. соч. С. 326–327.

⁵ Цит. по: Там же. С. 327.

⁶ Там же. С. 323.

⁷ Цит. по: *Гуковский Г.А.* Примечания к «Размышлениям о греческой истории» Мабли // А.Н. Радищев. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 2. С. 410.

зультате так называемой «дипломатической революции», случившейся накануне Семилетней войны (1756–1763 гг.). Данное произведение имелось в библиотеках Б. Франклина и Т. Джефферсона; в одном из своих политических эссе («Federalist», № 6) его цитировал А. Гамильтон.

В России сочинение «Принципы переговоров» было известно в изданиях на французском языке и продавалось в 1760–1780-х годах как в Москве, так и в Санкт-Петербурге, причем и отдельной книгой, и в составе сборника «Европейское публичное право...»¹. Для своей библиотеки его, по-видимому, приобрел и М.В. Ломоносов: во всяком случае в каталоге библиотеки Санкт-Петербургского Мраморного дворца (частью которой и была библиотека Ломоносова) значится трехтомное амстердамское издание «Европейского публичного права» 1761 г. с комментариями Ж. Руссе де Мисси² (представленное, правда, лишь первым томом, в котором как раз и помещены «Принципы переговоров»)³. Было это произведение (в издании 1757 г.) и в библиотеке Вольтера, купленной Екатериной II в 1779 г. и размещенной неподалеку от ее кабинета в Зимнем дворце⁴.

* * *

«Принципы переговоров» — пожалуй, одно из самых парадоксальных произведений в творчестве аббата Мабли. В нем философ словно выворачивает наизнанку веками складывавшиеся в Европе представления о том, как надлежит вести внешнюю политику, формулируя совершенно новые для своего времени принципы поведения, иной раз

¹ См.: *Искюль С.Н.* Указ. соч. С. 329.

² Его выходные данные см. в преамбуле к Примечаниям.

³ См.: *Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б.* Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л.: Наука, 1975. С. 159.

⁴ См.: *Искюль С.Н.* Указ. соч. С. 336.

оказывающиеся теми, что действовали в древности. В отличие от многих других реформаторов-теоретиков, Мабли мог предложить государствам практические рекомендации для решения их насущных проблем, и нельзя не поразиться тому, сколь и сейчас актуальны эти принципы, впервые или заново открытые ученым.

Действительно, в наши дни первостепенный для Мабли принцип, что размер территории для государства не важен («ведь не число городов и даже не число провинций составляет могущество государства»), а главную роль в его судьбе играет экономическое благополучие, уже мало кем оспаривается: аббат приводит пример Англии и Испании, а мы таких примеров можем привести десятки. К сожалению, в нынешней России этот принцип Мабли осознан лишь наполовину: конечно, к завоеваниям новых территорий сейчас могут призывать, пожалуй, только те, кто живет имперским прошлым страны и не желает трезво посмотреть на реалии сегодняшнего дня, однако нельзя сказать, что вторая часть принципа — надлежащим образом обустроить уже имеющиеся территории — как следует осознана властями предержавными.

Другой парадоксальный принцип: честность и справедливость приносят выгоду доминирующей державе. Только так эта держава может сохранить имеющихся союзников, приобрести новых и выступать арбитром в европейских делах. Следует отметить, что и в дипломатии — инструменте внешней политики — без честности и справедливости уже не обойтись. Далеко в прошлое ушли времена короля Фердинанда Арагонского, похвалявшегося тем, что не раз обводил вокруг пальца короля Франции; не годятся для нас по большей части и максимы его младшего современника Макиавелли, причем не потому, что они противоречат нормам морали и религии (лгать нехорошо), а как раз из тех

соображений, о которых напоминает Мабли: ложь и произвол приносят вред в первую очередь тому, кто идет на них. К сожалению, и этот принцип нынче нередко нарушается в международных отношениях.

Еще один парадокс касается державы-соперницы: доминирующей державе невыгодно уничтожение соперницы, а той невыгодно становится доминирующей; добавим из своего опыта — невыгодно даже пытаться ею стать. Пример из недавней истории: взаимоотношения СССР и США. Советский Союз, стремясь «догнать и перегнать Америку», надорвал силы (был нарушен еще один принцип Мабли — адекватно оценивать свои возможности), так и не заняв положения доминирующей державы, а Соединенные Штаты, лишившись столь мощного противника, сдерживавшего их имперские устремления, вместо одной серьезной угрозы сталкиваются теперь с несколькими одновременно (Китай, исламизм, международный терроризм, расползание ядерного оружия).

Во времена «холодной войны» в поп-культуре Запада был распространен такой сюжет: на Землю нападают инопланетяне, и СССР и США вынуждены объединиться перед лицом общей угрозы. Действительно, только опасность полного уничтожения всего живого могла заставить непримиримых врагов искать сближения (вспомним, что потепление в их взаимоотношениях началось с переговоров по ядерным вооружениям — была осознана вполне реальная угроза, и гипотетические марсиане не понадобились). Однако, если применять парадоксальные принципы Мабли, нет ничего более разумного, чем союз между великими державами: объединившись, они держали бы под своим контролем весь мир (у Мабли — всю Европу), обуздывая всякого, кто посмел бы лелеять агрессивные планы.

Приводить примеры парадоксов Мабли можно еще и еще: нельзя ссориться с малыми державами, не следует препятс-

твовать абсолютно всем замыслам противника, ведь может стать, что, воплощая какие-то из них, он сам навредит себе больше, чем любой враг, и т. д.

Возникает вопрос: почему принципы Мабли — столь логичные и бесспорные, если над ними хорошенько поразмыслить, — зачастую игнорируются государствами при проведении внешней политики? Скорее всего именно потому, что эти принципы требуют размышлений, требуют от политиков ума более тонкого и изощренного, нежели такового, каким чаще всего обладают заурядные государственные мужи. Мабли специально подчеркивает, что его принципы, не имеющие ничего общего с назиданиями морально-этического характера, обращены не к лучшим чувствам в человеке, а к честолюбию, эгоистическому стремлению защитить свои интересы, добиться выгоды. Между тем инстинктивные человеческие, а точнее животные реакции (захватить побольше; насмерть поспориться с противником, отрезав себе путь к примирению; чинить произвол, коль позволяют силы), проще, а потому и оказываются нередко движущей силой внешней политики.

Тит Ливий писал: «...все установления человеческие, а особенно великие державы и царства, подвержены многим случайностям»¹. Эта мысль, распространенная у древних, главенствует в рассматриваемом сочинении и даже вынесена в его эпиграф — оттого-то и предлагаются автором правила поведения для государств, призванные снизить различные риски, возникающие в условиях нестабильности. Естественно, сегодня государствами движут другие интересы, нежели во времена Мабли, и отношения между европейскими державами совсем не те, что прежде, однако, по нашему убеждению, нельзя считать труд философа лишь ценным историческим памятником, свидетельством того,

¹ *Тит Ливий. История Рима от основания Города. 42. 50. Пер. Н.Н. Трухиной.*

каково было политическое положение Европы в XVII и XVIII в. Да, он дает точное представление об этом, но любой вдумчивый читатель без труда убедится и в другом: принципы внешней политики, сформулированные французским аббатом в 1757 г., применимы и поныне.

*Хохлышева Ольга Олеговна,
профессор, доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
зав. кафедрой мировой дипломатии
и международного права Института международных от-
ношений и мировой политики,
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
действительный член Академии военных наук*

Принципы переговоров

...Humanis quæ sit fiducia rebus admonet.

Æneid. Lib. X

...о том, сколь дела людские непрочны.

Вергилий. Энеида. X. 152. Пер. С.А. Ошерова

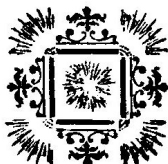
DES PRINCIPES
DES NÉGOCIATIONS.

POUR SERVIR D'INTRODUCTION
AU DROIT PUBLIC
DE L'EUROPE,

FONDÉ SUR LES TRAITÉS.

..... *Humanis quæ sit fiducia rebus
admonet. Æneid. L. X.*

Par M. l'Abbé de MABLY.

A LA HAIE.

M. DCC. LVII.

Титульный лист первого издания книги аббата Мабли «Принципы переговоров». Гаага, 1757 г. (изображение увеличено).

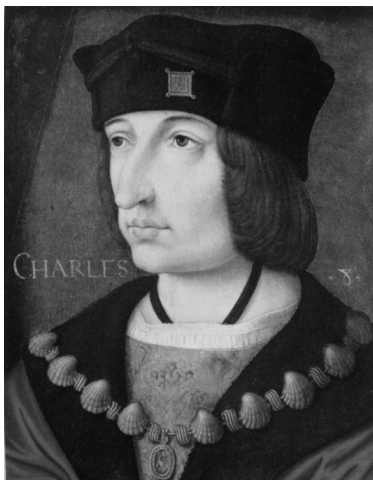
Глава первая

Происхождение переговоров. События, положившие начало установлению взаимоотношений между европейскими державами. Предмет переговоров

Едва лишь образовались первые человеческие сообщества, едва лишь они вкусили плодов относительного внутреннего спокойствия, как тут же перестали заниматься только собою и, бросив взгляд на своих соседей, преисполнились завистью, ежели видели, что те процветают, или презрением, если те казались им слабыми, — и возымели желание их ограбить либо поработить; отсюда и первые войны. Поскольку, объединившись в сообщество, люди создали, собственно говоря, не что иное как оборонительный союз против насилия, было естественно ожидать, что наименее сильные племена станут объединяться и далее, дабы противостоять тем, которые вознамерились бы злоупотребить преимуществом, обретенным благодаря наличию силы; таково происхождение первых переговоров.

Но зачем обращаться к первым векам существования рода человеческого? События, имевшие место в современной Европе, служат довольно похожей иллюстрацией того, что, по всей вероятности, происходило у древних людей; к тому же эта картина и сама по себе может по праву нас заинтересовать, и ее одной достаточно, чтобы преподать нам урок.

Со времен заката династии Карла Великого*¹ и до той поры, когда французский король Карл VIII отправился в Италию*, чтобы отстаивать права на Неаполитанское королевство*, которые давала ему принадлежность к Анжуйскому дому*, наследником коего он являлся*, различные нации, составлявшие Европу, не поддерживали между собой почти никаких взаимоотношений. Погрязшие в беспросветном варварстве,

Карл VIII

они не могли отвлечься от бесконечных внутренних распрей, а потому дела соседей были им чужды; и если Англии приходилось почти все время отстаивать свои интересы в спорах с французской короной*, то объяснялось это тем, что английские короли владели по ту сторону пролива* более значительными по территории землями (fiefs)*, чем их собственное королевство*.

Европа того времени представляла собой огромное войско: все — сеньоры, дворяне, мещане и крепостные — были вынуждены носить оружие, а единственным качеством, ценившимся сколько-нибудь высоко, оставалась личная храбрость. Впрочем, несмотря на это, ни одна нация не располагала тогда всем необходимым, чтобы быть в состоянии вести завоевательные войны.

Верховная власть (souveraineté), коей всякий сеньор

¹ Здесь и далее звездочки отсылают к примечаниям в конце книги. См. с. 231—263. В постраничных сносках, если не указано иное, содержатся примечания автора. — *Примеч. пер.*

Фердинанд Арагонский

обладал в пределах своих владений в силу феодальных законов, междоусобные войны знати и привилегии *коммун*, в какой-то степени превращавшие каждый отдельный город в независимое государство (*république*), не давали ни собрать воедино разрозненные силы государства, ни, соответственно, сформировать систематические и последовательные планы относительно внешнего мира.

Независимость тех, кто носил оружие, мешала подчинить их той суровой дисциплине, что составляет благополучие и славу армий. Из-за краткосрочности службы, на которую призывались вассалы и подданные, никакие длительные и крупномасштабные походы оказывались невозможны, а победа в том или ином сражении вовсе не означала, что победителю удастся воспользоваться ее плодами, извлекая выгоду из обретенных преимуществ.

Потрясения (*révolutions*), пережитые каждой нацией внутри себя, изменили облик Европы в целом. Немцы, познавшие на своем горьком опыте, какие беды несет анархия, научились чтить закон, и после того как была обнародована Золотая булла*, стали подчиняться определенным правилам, посредством которых в идеале предполагалось слить воедино могущество императоров и вольницу князей Империи*. Испания, со своей стороны, освободившись из-под гнета мавров*, уже не была расколота на столько враждебных друг другу королевств, сколько в ней насчитывалось провинций, и две из них — Кастилия и Арагон, — объединенные в конце

концов благодаря браку Фердинанда и Изабеллы*, образовали по ту сторону Пиренеев грозную державу. Произошло это в то же самое время, когда Карл VIII стал преемником французских королей, которые, воспользовавшись неосмотрительностью, легкомыслием и ревнивым соперничеством всех сословий в своей стране, мало-помалу прибрали к рукам всю государственную власть*.

Правители, тем более великие, чем ничтожнее оказывались их подданные, получили чересчур щедрый подарок судьбы, чтобы распорядиться им с умеренностью, ведь почувствовать свою силу — значит испытать искушение употребить ее во зло. Честолюбивым людям того времени приходилось проявлять чрезвычайную предприимчивость, ибо из-за бытовавших тогда диких нравов никто не допускал и мысли, будто славу можно добыть иным путем, кроме как с помощью оружия, и ни одно государство не отдавало себе отчета ни в пороках своего государственного устройства (*gouvernement*)*, ни в собственной слабости, являвшейся неизбежным следствием оных. При этом для государей с их неустойчивой властью было важно занять ведущимися за границей войнами своих праздных и преисполненных отваги подданных, которым были неведомы почти никакие из наших суетных потребностей (*besoins frivoles*) и которые, памятуя о вольнице своих отцов, не проявляли склонности к повиновению.

Изабелла Кастильская

Когда Карл VIII предпринял завоевательный поход на Неаполь*, Италия представляла собой прообраз того, чем сегодня стала Европа в целом: две могущественные державы — Рим и Венецианская республика — боролись в ней за единоличное господство (domination). Короли Неаполитанские, герцоги Миланские и флорентийцы плохо ладили между собой, становясь то их союзниками, то противниками, — в зависимости от того, как поворачивалась ситуация в тот или иной момент времени, — и только стремились, воспользовавшись всеобщими распрями, захватить под шумок какую-нибудь крепость. Прочие государства, уставшие от бесконечной войны, которая то прекращалась, то вновь вспыхивала в неурочный час, тщетно жаждали мира и, мечтая лишь о сохранении своей свободы, плыли по течению, подхваченные водоворотом событий, всегда пристально следя за тем, чтобы не оказаться под пятою врагов или союзников.

Одни с радостью приветствовали вступление французов в свои земли, рассчитывая превратить их в своих защитников*. Другие, несмотря на легкомыслие, проявленное Карлом, который после успешного для него сражения при Форново* начисто позабыл обо всех завоевательных планах и помышлял лишь о том, как бы спастись бегством в собственных землях, ничуть не успокоились насчет его честолюбивых замыслов и, опасаясь еще одного вторжения со стороны нации, настолько самоуверенной, что она отважилась начать войну, как следует к ней не подготовившись, внимали исключительно зову клокотавшей в них злобы* по отношению к державе, вознамерившейся отнять у них верную добычу. Итальянцы, не предвидя нависшей над ними угрозы, поделились своими тревогами, опасениями и надеждами с некоторыми правителями*, ревностно следившими за опустошительными успехами французов, и с той поры интересы четырех могущественных наций* оказались переплетены между собой.

Предпринимая тщетные попытки изгнать *варваров** и погубить одних при помощи других, Италия обрела столько властителей, сколько у нее было союзников.

Людовик XII упорно проводил в жизнь планы по завоеванию Неаполитанского королевства и Миланского герцогства*, не имея при этом сил, необходимых для воплощения столь грандиозного замысла. Король Фердинанд Арагонский водил его за нос, внушая ложные надежды, и

Людовик XII

стремился лишь измотать французов, воспользовавшись их силами для расширения собственных владений*. В то же самое время император Максимилиан, вечный возмутитель спокойствия, разжигал распри и тешил себя иллюзией, что возникшие в Италии неурядицы вновь приведут ее под власть Империи.

Посольства, до той поры отправлявшиеся крайне редко, стали более многочисленными, и вскоре отовсюду стали прибывать официальные представители или секретные посланцы, которые затевали и вели переговоры и заключали соглашения; это доказывает, что политика в те времена представляла собой лишь бесформенную смесь одинаково грубых страстей и представлений.

Стремление Франции овладеть Италией беспокоило лишь Максимилиана и Фердинанда; остальная Европа еще совершенно не интересовалась судьбой Италии, когда на имперский престол был возведен Карл V*. Этот

Карл V

государь унаследовал земли Бургундского дома*, он был королем Испании, располагал обширными областями в Германии и Неаполитанским королевством в Италии, а Америка, щедро поставляя свои богатства, помогала ему, казалось, осуществлять самые масштабные замыслы. Пусть Карл V не умел формулировать стройных планов по расширению территории и подчинять все свои действия единой цели, тем не менее он по крайней мере владел ис-

кусством вести каждое отдельно взятое дело с невиданной доселе ловкостью, благодаря чему прослыл величайшим человеком своего времени. Наблюдая за распрями князей, видя, что они не способны распознать, в чем состоят их интересы, и что хитрость заменяет им политику, он решил, что самой судьбой ему предназначено их покорить. Всех соседей он рассматривал как врагов и стремился в целях расширения своих владений извлекать выгоду буквально из всего, что посылала ему фортуна.

Чем больше честолюбия демонстрировал Карл V, тем шире распространялся внушаемый им страх. Правители, с безразличием взиравшие на походы Людовика XII и на бесшабашные, пусть и отважные поступки Франциска I*, начали всерьез опасаться нового императора. За исключением северных королевств, тогда еще слишком занятых своими междоусобными войнами, чтобы искать надежных союзников на Юге, и продолжавших обособленное существование,

Мария Медичи**Кардинал Ришельё**

все прочие европейские державы стали проявлять интерес к борьбе между Австрийским домом* и Францией*.

В конце концов политика установила взаимосвязь между интересами Севера и Юга. В череде этих потрясений целой эпохой явилось правление кардинала Ришельё*. Он вступил в должность первого министра после того, как Францией некоторое время руководила до крайности дискредитировавшая себя верхушка. Мария Медичи, фактически стоявшая во главе государства в период несовершеннолетия своего сына*, и коннетабль де Люин, правивший королевством после нее, были слишком слабыми натурами, а потому не могли бы рассчитывать на укрепление власти внутри страны, если бы государство не пребывало в состоянии полнейшего внешнего мира*; и они поддерживали его, покупая самыми недостойными уступками дружбу Испании и венского двора.

Ришельё другими глазами посмотрел на заговоры кучки вельмож, полугасшего честолюбия коих хватало лишь на

то, чтобы выклянчивать милости, которые королевское правительство в силу собственной бездарности давало скрепя сердце тем, кто умел внушить ему страх*. Жесткий, надменный, дерзкий, предприимчивый и властолюбивый*, кардинал хотел повелевать и добиться всеобщего уважения. Чтобы заставить Европу говорить о себе и чтобы подчинить своей воле слабого и мнительного короля, чьей властью он распоряжался, Ришельё не придумал ничего лучшего, как создать для него такие затруднения за границей*, масштабы которых его поразили бы и которые он был бы не в силах разрешить самостоятельно.

Однако на тот момент у Франции остался лишь один единственный союзник, на которого она могла бы рассчитывать, — Соединенные провинции*, чье 12-летнее перемирие* с Испанией истекло в 1621 г. Англией тогда управлял Иаков I, который из-за свойственной ему робости и нерешительности мало годился, чтобы содействовать замыслам Ришельё. Итальянские князья не осмеливались доверять посулам Франции, ибо после кончины Генриха IV та в каком-то смысле покинула их на милость испанцев. Слабость и малодушие, проявленные Марией Медичи в истории с Юлих-Клевским наследством*, заставили германских князей отвернуться от союза с Францией, а Ульмский договор*, заключенный при посредничестве Людовика XIII, довершив крах надежд и чаяний курфюрста Пфальцского, избранного королем Богемии*, привел к тому, что Германия более не отваживалась на попытки стряхнуть ненавистное ей иго императора Фердинанда*.

Ришельё был вынужден поэтому искать союзников на Севере. К счастью для него, Швеция наконец одержала верх над своими врагами*, и чтобы еще больше подчинить их своей власти, распространяя при этом славу о свершенных подвигах и наращивая собственное могущество, Густав-

Адольф воспользовался случаем, чтобы привести войска в Империю. Он вступил в тесный союз с Францией* и, стоя во главе непобедимой армии, провозгласил себя защитником всех правителей, желавших сохранить свободу*.

Известно, какое влияние северные королевства стали оказывать с той поры на дела Юга; торговые интересы умножали число связей, начало которым положили честолюбивые замыслы, а французы и испанцы перестали взирать на войны, что вели Швеция, Польша, Россия и Дания, как на театральное зрелище, не имеющее отношения к их собственной политике.

Честолюбие, алчность, страх — вот что побудило все нации идти навстречу друг другу, просить помощи, предоставлять ее или получать в ней отказ; тем же страстям подчинена торговля между ними, и те же страсти заставляют их направлять друг к другу обыкновенных послов или посланников*, коим поручают наблюдать за всем происходящим, раскрывать секреты, которые хотят от них утаить, и без усталости работают над тем, чтобы привлечь на сторону своего повелителя ту державу, куда их отрядили с посольством.

На протяжении более двух столетий мы видим в Европе две доминирующие державы, которые соперничают между собой* и считают, что им на роду написано покорять других. Приводя в движение все дела на свете, они наслаждаются

Густав-Адольф

своим богатством, лишь покуда стремятся его приумножить. И пока что конца-края этим бедам не видно. Стремясь уничтожить соперника в надежде наконец-то восторжествовать над ним, а затем покорить без труда другие государства, они добиваются дружбы союзников, коим не доверяют, коих совершенно не жалуют и хотят обмануть. Те страны, которые достаточно сильны, чтобы решиться на участие в ссорах двух гигантов и тешить себя иллюзиями, что удастся поживиться за их счет, выставляют свою помощь на торги и продают ее тому, кто дороже заплатит, тогда как правители держав третьего разряда, не располагающие возможностями для воплощения в жизнь последовательных планов, направленных на увеличение богатства и расширение территории, стараются лишь держаться от бури подальше либо безрассудно отдаются на ее волю.

Когда кажется, что в Европе установилось совершенно безмятежное спокойствие, кабинеты политиков, пусть и незаметно для чужих глаз, продолжают сотрясать ненависть и прочие страсти, охватывающие целые нации; иногда возникает опасение, что они выплеснутся наружу; они никогда не прекращают бурлить и клокотать. Каждый прощупывает умонастроения союзников, пытаясь заразить их своими надеждами и страхами. Каждый стремится внести раскол в ряды противников, посеять среди них подозрения. Если некоторые державы по неведению пренебрегают своими интересами или если неодолимая лень сковывает их силы, то брожение умов возрастает, и все начинают заниматься только тем, что составляют планы для покорения этих держав.

Какое государство, намеревающееся крупно обогатиться или, наоборот, занятое лишь собственным спасением, не испытывает в подобной ситуации нужды наблюдать за движением страстей и вести переговоры, то есть в том,

чтобы обзавестись союзниками и заручиться их помощью, чтобы предвидеть замыслы врагов, предупреждать их действия или оказывать сопротивление их маневрам? Всякая держава, которая стала бы проявлять самоуверенность, полагаясь исключительно на собственные силы, неизбежно продемонстрировала бы глупость, чванство или нечувствительность к переменам — иначе говоря, явные признаки приближающегося упадка.

Именно переговоры помогают подготовить успех, которого государство рассчитывает добиться благодаря имеющимся у него силам, приумножая их посредством заключения альянсов, а также примирить друзей, найти опору слабым и таким образом управляться с людьми (*manier les esprits*), чтобы они не испытывали ни зависти к нашему процветанию, ни искушения покинуть нас в пору невзгод.

Глава вторая

Почему наука переговоров столь мало распространена в Европе.

Каковы ее основополагающие принципы

Людвик XII по воле случая становился поочередно то другом, то врагом всех тех, кто набивался к нему в союзники или против кого ему предлагали вести военные действия. Едва он затевал войну, как, будучи тронут горестями, от которых страдал его народ, сейчас же начинал искать мира. Впрочем, это человеколюбивое настроение длилось у него недолго, и он всегда стремился вновь взяться за оружие, — то ли потому, что постоянно заключал лишь бесполезные договоры, не обеспеченные никакими гарантиями*, то ли потому, что льстил себя надеждой извлечь урок из прежних ошибок и добиться в будущем большего успеха. Однако опыт не делает великим того, кто от роду наделен весьма заурядными способностями; и переговоры Людовика, которым всегда не хватало размаху и которые обыкновенно касались какого-нибудь частного вопроса, носившего преходящий характер, вместо того чтобы охватывать замысел короля целиком, обесценивали имевшиеся у него ресурсы и даже сводили на нет победы, одерживаемые его войсками.

Подобное поведение со стороны государя, являвшегося главной движущей силой во всех делах, становилось примером для подражания, и политика дворов, с которыми он вел переговоры, легко заражалась присущими ему качествами: слабостью, неуверенностью и эксцентричностью (bizarre-

ге), тем более что дворы эти, оказавшись в совершенно новой для себя обстановке, испытывали недостаток опыта, а еще больше таланта, который способен его восполнить.

Честолюбие зародилось в них раньше, чем они научились его обуздывать и направлять в правильное русло, а потому все разом опрометчиво отдались на его волю. Все державы пришли в волнение, но ни одна из них не смогла бы в точности объяснить, чего же она требует. Поскольку никаких планов заранее никто не составлял, поскольку все действовали лишь сообразно обстоятельствам или под влиянием постоянно сменявших друг друга мимолетных событий и поскольку в силу этого никто не умел ничего довести до конца, все державы занимались только тем, что без конца строили всё новые и новые планы. Чтобы исправить собственные ошибки, им приходилось прибегать к самым крайним мерам, каковые, впрочем, все равно ничего не исправляли, а между тем череда стремительных перемен давала толчок новым страхам, новым чаяниям, новым замыслам, новым переговорам и новым обязательствам — столь же бессмысленным, как и прежние. Отсюда — успехи, достигнутые благодаря чистой случайности, дела, завершившиеся из-за неспособности их продолжать, и всякое попрание доверия, опозорившее тот век, в котором у людей хватало бесстыдства чваниться своим вероломством. Когда Людовик XII пожаловался, что король Арагонский трижды его обманул, Фердинанд возразил: *«Пьянчуга солгал. Я надул его больше десяти раз»*.

Поведение Карла V преподало Европе хороший урок. Будучи сам по себе не более честным человеком, чем Фердинанд, он привнес больше честности в свою политику, ибо оказался талантливее. Как и Макиавелли, он полагал, что однократное вероломство может иногда принести пользу, но дурная репутация всегда опасна*.

Франциск I

Союзы, образованные против этого государя, отличались большей прочностью, потому что сам он воплощал свои замыслы куда настойчивее, чем это делалось раньше. И тогда уже все начали проявлять большую последовательность в составлении планов, меньше сосредоточивать внимание на текущем моменте, устремили взор в будущее, стали смутно различать свои подлинные интересы.

Англия поняла, что нельзя допустить полного разгрома Франции, хотя и привыкла считать ее врагом, а Франция почувствовала, насколько для нее важно защищать свободу германских владетельных князей. Начался поиск новых союзников, и ими стали дорожить. Франциск I вел переговоры в Константинополе и Стокгольме, а Карл V — в Копенгагене и Варшаве. Одним словом, сношения между дворами участились, когда правители, подавленные весомостью вынашиваемых ими великих замыслов, испытали нужду восполнять нехватку сил ловкостью и сноровкой.

Искусство переговоров все еще оставалось, однако же, искусством плести интриги. Вместо того чтобы договариваться между собой исходя из основополагающих принципов, делающих переговоры наукой, благодаря которой растет и крепнет величие государств, довольствовались тем, что в зависимости от обстоятельств выстраивали Государственный совет таким образом, каковой считали наиболее подходящим для скорейшего достижения успеха в каждом конкретном

деле. Таким образом политика, неизменно занятая пустяковыми подробностями и лишенная панорамного зрения, не только не становилась хозяйкой судьбы, но, напротив, была вынуждена подчиняться всем ее прихотям и заставляла часто сожалеть даже о достигнутых успехах. Набираясь опыта в течение двух веков, мы сегодня ничуть не искуснее, и удивляться этому не приходится, ибо устройство европейских государств мешает распространению науки переговоров. Действительно, некоторые государи и министры, достойные тех тронов и постов, которые занимали, наставляли свои нации на путь истинный, однако их способ действий не послужил уроком ни для кого. Иной раз их преемники оказывались неспособны постигнуть глубину их воззрений, а порой, движимые собственными страстями, действовали скорее ради личной выгоды, нежели во благо государства.

Лишь в хорошо устроенных государствах (*républiques*), где наиболее талантливые могут наверняка рассчитывать на получение самых высоких должностей, просвещение ширится, а знания распространяются и хранятся в неприкосновенности. Когда же люди добиваются постов случайно или с помощью интриг, ими и руководят случайность или интрига.

Если рассматривать искусство переговоров как средство для успешного осуществления того или иного конкретного дела, то политика не может предписать дипломатам* никаких правил на сей счет. Любая линия поведения может оказаться как правильной, так и неправильной; и на самом деле было бы нетрудно перечислить сотню ошибок и сотню проявлений благоразумия, из-за которых достигнутый результат оказался прямо противоположен тому, которого следовало с полным основанием ожидать.

Однако если считать переговоры общим средством, которое любое государство задействует для приумножения

богатства или его сохранения, если изучить, как политики должны использовать их для управления всею совокупностью государственных дел и взаимодействия с иностранцами таким образом, чтобы это вело к получению всеобщей выгоды — надежной и постоянной, то начинают вырисовываться принципы, служащие верными ориентирами во всякое время и при любых обстоятельствах. И тогда становится ясно, что все переговоры, в которых участвует та или иная держава, должны затеваться и вестись сообразно ее основополагающим интересам. Являясь продуктом единой системы, все переговоры в обязательном порядке должны преследовать одну и ту же цель.

Переговоры ни к чему не приведут, ежели поставленная цель не будет правильно соотнесена с принципами государственного устройства и правления. И это еще не все: поскольку для того, чтобы потешить самомнение, людям удобнее отдавать приказы, а не убеждать, и потому они вступают в переговоры лишь тогда, когда ощущают известную неспособность осуществить желаемое, стало быть, переговоры, по своей природе призванные восполнить недостаток силы, должны помогать ей в осуществлении различных замыслов, но не могут полностью ее заменить. Иначе говоря, держава начнет получать пользу от переговоров лишь тогда, когда станет проявлять мудрость и не будет строить планов, которые ей не по силам.

Всякое государство, исходя из своих законов, нравов и географического положения, выбирает подходящий ему образ действий, который один и определяет его подлинные интересы. Придерживаясь этого образа действий, государство увеличивает территорию, сохраняет целостность или замедляет свой крах — в зависимости от того, позволяет ли его устройство расширять территорию, сохранять целостность или же обрекает его на недолгое существование.

Если цель проводимых государством переговоров противоречит этим основополагающим интересам, то оно остается, несмотря на все свои усилия и некоторые мимолетные успехи, неспособно преодолеть расстояние, отделяющее его от поставленной цели. Оно слабеет, истощает силы, и ничто не может возместить урон, причиняемый им самому себе.

Если Совет, руководящий иностранными делами* какой-либо нации, не соберет воедино нити всех предпринимаемых им действий, дабы направить их к одной цели, очень скоро ему волей-неволей придется идти на поводу у обстоятельств. Каждый из его дипломатических представителей вполне может добиться единичного успеха на тех переговорах, которые ему поручены, но из всех этих успехов возникнет лишь такой хаос в делах, в котором будет невозможно разобраться. Выгоды, полученные вчера, сведут на нет те, которые захочется получить сегодня. Мнения будут противоречить друг другу, а сам Совет, вечно занятый тем, чтобы выразить раскаяние по поводу того, что натворил, будет только еще больше усугублять неразбериху.

Не сообразуя свои действия с существующим характером правления, государство оказывается вынуждено — будь то в пору успеха или же, напротив, в годину неудач — прибегать к чрезвычайным мерам, расшатывающим его устои (constitution). Когда государство берет привычку перенапрягать свои механизмы (ressorts), для него становится невозможно руководствоваться твердыми правилами, и оно неизбежно деформируется. Но как, утратив всякую прочность, сможет оно избежать презрения со стороны соседей, я уж не говорю творить великие дела? Возможно ли, чтобы сам народ, наиболее заинтересованный в сохранении государства и в его прославлении, оказался готов питать к нему то уважение и

доверие, благодаря которым зарождается привязанность и которые гораздо больше способствуют достижению верного успеха на переговорах, чем самое изощренное коварство послов? Разумеется, нет, и эта первая ошибка непременно приводит к еще одной, и более серьезной: государство начинает вынашивать планы, что ему не по силам, и с этого момента любая выгода, которую ожидают получить на переговорах, служит лишь для того, чтобы скрыть сползание к пропасти.

Римляне всегда останутся нашими учителями в политике*. С каким благоразумием этот народ, создавший такие учреждения в собственном государстве, что ему, казалось, на роду написано завоевать мир, но при этом еще более мудрый, чем отважный, избегал ситуаций, когда ему пришлось бы решать две серьезные проблемы одновременно!* Если они вели войну против одного врага, то умели не замечать наносимого им оскорбления и поджидали, когда смогут отомстить без всяких хлопот. Чем больше они стремились расширить свое господство (*empire*), тем настоятельнее ощущали необходимость беречь силы. Одним словом, никогда ради завоеваний Рим не выставлял тех ресурсов, коими изумил Ганнибала, когда тот подошел к его воротам* и грозил ему гибелью.

Сколько раз из-за неверно выбранного курса великие державы возвращались в строй держав второстепенных! Ведь могущество лишь тогда имеет настоящую цену, когда у государства сохраняется возможность свободно строить планы и воплощать их в жизнь. А те державы, казалось, просто согнулись под тяжестью проблем. Их внимание было расплывлено между огромным количеством разнообразных целей и не могло охватить ни одной из них целиком. Чем чаще они отваживались на решение трудных задач, дабы возместить потери, тем более умножали их, утрачивая при этом свою репутацию. Их умение искусно вести переговоры,

их хитроумные уловки, обещания не могли успокоить или ободрить союзников, более мудрых, чем они, и напуганных их неосмотрительностью или возмущенных их безрассудством; и очень скоро, когда они в конце концов попадали в стесненные обстоятельства, диктовавшие им свою волю, даже те, кто прежде имел глупость поддаться на лживые увещевания, отдалялись от них и переставали защищать их интересы.

Я знаю, конечно, что некоторые честолюбивые правители становились знамениты как раз потому, что выжимали до отказа все механизмы своего правления и строили лишь такие планы, которые были им не по силам, но мне известна также и разница между головокружением, что испытывает завоеватель, стремящийся лишь всех поразить и наделать шума и не задумывающийся о том, что станет с его королевством после него, — и продуманной политикой государства, которое, расширяя сферу своего влияния (*domination*), хочет укрепиться.

Государь, от рождения наделенный качествами, которые мы называем героическими, может на несколько мгновений возвысить свою нацию над самой собою, он может вселить в нее невиданную энергию — примерно так же, как горячка придает сил умирающему, — но после кончины такого государя истощенная нация ощущает лишь слабость.

Внушающее подозрения всем союзникам, враг всех соседей — такому государству нужен лишь еще один герой, чтобы добить его окончательно, и великий человек в таких обстоятельствах прилагает невероятные усилия, дабы справиться хоть с частью тех бед, что причинила державе безумная жажда славы.

В отношении устройства собственной судьбы государям невозможно предписать никаких правил, ибо зачастую она зависит лишь от счастливой случайности. Какого-то одного

события бывает довольно, чтобы сделать блестящим царствование монарха, наделенного заурядными способностями. Судьба нации, напротив, складывается на протяжении длинной вереницы столетий, а потому не может зависеть от каких-либо редко выпадающих и из ряда вон выходящих случайностей, но всегда является продуктом целенаправленной работы.

Ежели я не ошибся в своих рассуждениях, то каждая европейская держава должна, стало быть, с учетом своих сил, политических законов и положения провинций выработать собственную манеру вести переговоры или договариваться с иностранцами. Одна держава может потерпеть неудачу, следуя принципам, которые обеспечат процветание (*prosperité*) другой. И на основании результатов этого осмысления должны быть сформулированы первичные правила.

Глава третья

Доминирующая европейская держава не должна рассчитывать на расширение территории посредством переговоров, если намерена совершать завоевания в сопредельных странах

Когда народы Европы создали менее варварскую администрацию, чем та, что существовала в феодальных владениях и держалась на постоянно действующих вооруженных отрядах; когда сумели приобрести качества, необходимые нациям, собирающимся вести завоевательные войны, произошли два достопамятных события, которые должны были сократить численность вооруженных сил и сделать мир более насущной составляющей благополучия европейских народов.

Я имею в виду открытие испанцами Америки*, а португальцами — морского пути в Ост-Индию* в обход мыса Доброй Надежды. Богатства Нового Света, щедро пролившиеся на нас, и дивные азиатские излишества, одновременно наводнившие Европу, тотчас привнесли в нее роскошь*, распространение коей породило у наших предков тысячу новых потребностей, стали толчком к развитию древних искусств — пока еще в грубых формах — и созданию и совершенствованию множества новых.

Перемены в образе жизни произвели переворот (*révolution*) в политике. Правители старались наперебой поощрять роскошь и торговлю, что придавало их дворам больше блеска и увеличивало доход от пограничных сборов. Европейцы стали плавать по всем морям, создавать во всех уголках света торговые конторы, основывать колонии.

Для работы на мануфактурах и занятия торговлей требовалось немало людей, которые прежде сделались бы воинами; и поэтому воинственный дух продолжал жить лишь в крупных вельможах, мечтавших командовать армиями, или в дворянстве, остававшемся в праздности в мирное время и нуждавшемся в воинском жалованье как средстве к существованию либо надеявшемся сколотить состояние грабежами во время войны.

Одним словом, Европа столь изменилась, что народы, которые в силу недостатка деловой хватки (*industrie*) или из-за своего положения не сделались торговцами, оказались без гроша в кармане, что лишало их всякой возможности предпринимать что-либо против соседних стран, и были вынуждены, продавая свою отвагу и кровь, наниматься на службу к тем правителям, которые лучше платили. Деньги стали движущей силой (*nerf*) войны и политики, и всякой нации, стремившейся к завоеваниям, нужно было преуспевать в торговле, чтобы быть в состоянии обеспечивать свои войска.

Кто бы не поверил, что европейские державы, усмирённые новым духом мирной жизни, что вселила в них торговля, займутся лишь накоплением богатств, станут наслаждаться в полной мере обретенным материальным благополучием и, кроме того, займутся обеспечением обороны своих владений? Без сомнения, если бы народы сами себе устанавливали законы, то их политика соответствовала бы новым страстям. Однако государи, ими правившие, сделавшись богаче своих предшественников, возомнили себя и сильнее них. Они не поняли, что роскошь, отнимающая у людей мужество, обесценивающая труд ремесленников и опустошающая деревни, уже ослабила их силы и подорвала ресурсы, предназначенные для ведения войны, что на деньги, на которые они ранее набирали наемные армии,

Елизавета I**Филипп II**

составленные случайным образом из всякого сброда, нельзя наберовать солдат, пригодных для завоевания новых территорий; а их слепое честолюбие руководствовалось противоречивыми соображениями.

Останутся ли сомнения в том, что страсть к войне с той поры должна была стать причиной упадка государств, а торговля — источником их процветания, если сравнить судьбы Англии и Австрийского дома? Генрих VIII оставил своим потомкам лишь часть острова Великобритания и Ирландию, а Карл V разделил между своими обширные провинции, откуда, казалось, он властвует над всей остальной Европой. Филипп II унаследовал устремления, политику и честолюбие своего отца, а Елизавета I, наоборот, не поддавалась коварным призывам этого государя поучаствовать в гражданских войнах, что разгорелись во Франции из-за честолюбия и фанатизма, и сдерживала пыл англичан, которые были склонны полагать (и это весьма естественно),

что честь требует от них возвратиться в наследственные владения, принадлежавшие некогда их королям*.

Ведя бесконечные переговоры, Филипп изнурял Европу и возмущал в ней спокойствие. Он только и делал, что вынашивал великие планы насчет войны, его войска находились в постоянном движении: он полагал, что уже царит над соседями, и однако оказался не в состоянии вернуть под свое иго некоторые из восставших против него провинций*.

Елизавета же сделала главной целью политики торговлю. Англичане ходили в Ост-Индию, создавали поселения в Америке и на побережье Африки, они научились извлекать выгоду из богатств своего острова и, по мере того как приумножали их своим трудолюбием, приобретали все большее уважение в глазах иностранцев.

В то время как короли Испании и германские императоры продолжали вести войну для расширения своих владений, в Англии правил монарх, который проводил время лишь за богословскими спорами и падал в обморок от одного вида обнаженной шпаги. Отвага австрийских монархов истощала их государства, а робость Иакова I, вызывавшая презрение к нему лично, сохраняла в его королевстве мир, коим его подданные пользовались для обеспечения развития и процветания торговли.

Несмотря на внутренние распри, сотрясавшие Англию в царствование Карла I*, Кромвель уже выступал арбитром в отношениях между Францией и Австрийским домом. Этот прирожденный правитель употреблял имевшиеся в Англии ресурсы лишь для поощрения промышленности, их производящей, и когда Карл II в конце концов взошел на престол своих предков*, лишь от него зависело, сможет ли он занять в Европе то место, которое австрийские государи были вскоре вынуждены покинуть, и сделать Англию одной из двух доминирующих держав.

Рассматривая нынешнее положение дел в Европе, нельзя не заметить, что причины, не позволявшие Карлу V и его преемникам лелеять мечты о завоеваниях, стали еще многочисленнее, чем сто лет назад. Поскольку война мешала торговле, истощала ресурсы промышленности и приводила в упадок государственные финансы, в то время как правители добивались с помощью оружия лишь незначительных преимуществ, за которые им к тому же при-

Оливер Кромвель

ходилось платить дорогой ценой, обычных податей, коими они облагали своих подданных, для утоления их честолюбия уже не хватало. Они решили было ввести новые налоги — народ стал роптать. Поначалу они не обращали внимания на его стоны, однако в конце концов из опасения вызвать всеобщее восстание прибегли к чрезвычайно вредной финансовой операции: стали брать в долг крупные суммы; а из-за непривычки к бережливости и отсутствия предусмотрительности никто и не помышлял о том, чтобы в мирное время погасить долги, накопленные во время войны*.

Анализируя поведение римлян*, я прихожу к выводу, что они никогда не вели такой войны, которая бы не пополняла государственную казну средствами, необходимыми для ведения новой, и что, даже обогащая солдат, участвовавших в дележе добычи, война приносила изобилие всем гражданам; такому народу дозволено быть честолюбивым. Однако в нынешней ситуации война приносит выгоду лишь интендантам

и кучке офицеров, которые занимаются тем же ремеслом. Всякая военная кампания лишь увеличивает государственный долг. Безрассудство наших предков возложило на нас тяжкое бремя, а наше собственное честолюбие навверняка разорит наших потомков.

Если тщательно рассмотреть все беды, порожденные дурным управлением финансами, тягостное бремя обычных налогов, беспросветную нужду, в которой живет народ, роскошь богатых, падение общественных нравов, снижение торговой активности, упадок земледелия, являющегося душою всего и вся, не возникнет ли вполне естественное изумление по поводу того, что правителям все еще мнится, будто они держат в руках орудия для удовлетворения своего честолюбия? В такой ситуации, когда налицо все признаки надвигающегося упадка (*faiblesse*), им следовало бы, казалось, бережнее распоряжаться имеющимися у них силами, и однако же в середине прошлого века* Европа вдруг бросилась затевать самые крупные планы за всю свою историю, и они потребовали более значительных расходов, чем она когда-либо производила.

До тех пор даже самые могучие государства располагали весьма немногочисленными армиями. Кардинал Ришельё считал*, что Франции достаточно содержать в боевой готовности 40 тыс. пехотинцев, 4 тыс. конников и иметь корпус ополченцев, состоящий из 60 тыс. человек, всегда готовых собраться и выступить в поход по первому приказу. Герцог де Роган полагал, что самая большая армия не должна превышать 40 тыс. человек, а г-н де Тюренн* признавался, что командование 30 тысячами уже вызывало у него определенные затруднения. Без сомнения, преемники этих полководцев были куда способнее. Под их командование ставили армии численностью в полтора, а то и в два раза больше. Между державами происходило своего рода соревнование: кто наберет больше солдат, однако такое раздувание (*bouffissure*) численности

войск, да простят мне это выражение, лишь свидетельствует об очередном недуге и приближающемся упадке.

Крупные армии наносят большой урон населению и тем самым ослабляют государство; и наверняка сейчас в Европе меньше жителей, чем столетие назад*. Огромное число остающихся в праздности воинов, которых государства из тщеславия содержат в мирное время, способны только вселить в них безосновательную уверенность в своих силах и затруднить рекрутские наборы во время войны. Сто лет назад с небольшими армиями удавалось воплощать в жизнь серьезные замыслы; завоевания можно было совершать, затратив на войну не так уж много средств*. При наших огромных армиях, чтобы возместить военные расходы, сегодня нужно было бы завоевывать целые королевства. Денежные ресурсы самого богатого правителя истощаются за 2—3 кампании. Каких бы успехов ни удавалось добиться на первых порах, они теряют почти всякий смысл, так как для того чтобы извлечь из них выгоду, ведя войну с неослабной энергией, не хватает буквально всего. А потому ее ведут ни шатко ни валко, поджидая момента, когда необходимость вынудит сложить оружие сразу обе стороны. Какая держава была бы теперь в состоянии выдержать тридцатилетнюю войну?*. При нынешних колоссальных по численности армиях современные чересчур короткие войны не в состоянии утолить наши страсти. Воюющие стороны заключают мир, а между тем озлобление и мстительность не исчерпаны до конца и все еще кипят в умах, и честолюбие еще не обуздано длительным опытом. Да и мир у нас — это обыкновенно лишь мимолетное перемирие, а наши договоры, вместо того чтобы способствовать разрешению проблем, часто лишь кладут начало новым разногласиям.

И какая бы держава ни заняла главенствующее положение в Европе, поверит ли кто-нибудь — в свете того, что я сказал выше, — что она поступит разумно, поставив перед

собою цель расширить территорию посредством завоеваний? Даже если бы стало казаться, что превосходство над всеми врагами дает ей эту возможность, все равно было бы безумием пытаться ею воспользоваться. Если она желает добиться лишь незначительных приобретений, то возбуждает сильную ненависть и подвергается огромной опасности ради ничтожной выгоды. А уж коли ее честолюбие столь же велико, как у Австрийского дома, то она неминуемо потерпит крах, ибо крупномасштабные планы требуют логически составленной политической программы, основанной на длинной веренице последовательных действий, что реально неосуществимо, учитывая, какие формы правления преобладают у нас. К чему скрывать: за исключением Венеции и Швейцарии*, где стоящие у руководства страной должностные лица сами руководствуются духом и законами нации, так что один и тот же политический курс удается сохранять без труда, ни при какой другой форме правления сколько-нибудь долгосрочные проекты осуществлять невозможно; и я не исключаю и самые свободные нации*.

Даже в Англии разделение государственной власти (*puissance publique*) проведено без соблюдения надлежащих пропорций, призванных обеспечить общность интересов всех сословий в государстве, дабы они все одинаковым образом вели себя по отношению к иностранцам. В постоянном перетягивании каната между государем, стремящимся расширить королевскую власть (*prérogative royale*), и его подданными, желающими сохранить свободу, в обстановке интриг кучки честолюбцев, которые, притворившись сторонниками какой-либо партии, пытаются в действительности обратить общественные настроения (*passions*) к своей частной выгоде, национальные интересы никак не могут в течение длительного времени рассматриваться с одних и тех же позиций. Попеременно партия двора и

партия народа берут верх в принятии решений, и каждая неизменно придерживается принципов, противоположных тем, которым следовали поверженные ими противники. Из-за этого государственный организм охватывают различные потрясения, а зачастую и конвульсивные движения, и такая политика, подверженная непрерывным изменениям, почти что сводит на нет половину имеющихся у англичан сил.

Шведы, не пришедшие к согласию, как лучше распорядиться своей свободой, только формируют у себя новое правление, но еще и сами не знают, что с ним станется. А поляки, у которых из-за неправильно понимаемой ими свободы рождаются лишь тираны и рабы, собирают заседания Сейма и обсуждают свои дела, однако неспособны действовать, так как не могут принять решения*.

Что касается чисто монархических государств, где характер государя налагает отпечаток на характер правления, а нация руководствуется его знаниями и действует под влиянием его страстей, возникает ощущение, что их политика, неизбежно принимающая тысячи обликов, неспособна в течение долгого времени преследовать одну и ту же цель.

Так каким же образом доминирующая держава, имеющая внутри себя столько препятствий, мешающих умножению ее богатства, может рассчитывать на свое превосходство для покорения сопредельных стран? Если ее честолюбие внушит им ужас, если она, всячески стремясь увеличить свои силы, их истощит, если примется без конца менять образ действий и не будет придерживаться никаких незыблемых принципов, то может ли она рассчитывать на то, что ей удастся исправить столько пороков посредством переговоров? С помощью искусства переговоров она, быть может, сумеет обвести вокруг пальца кого-нибудь из врагов или пустить пыль в глаза кому-нибудь из союзников, но эти редкие и мимолетные удачи способны разве что отсрочить ее гибель.

Глава четвертая

Каким образом доминирующая европейская держава может с помощью переговоров добиться увеличения благосостояния

До того как все народы Европы установили между собой постоянные связи, доминирующая держава могла в ходе переговоров добиваться значительных преимуществ. Тогда было легче заставить друг друга врасплох, ибо у государств не существовало никаких союзов, освященных обычаем, и они не были готовы действовать сообща; никто из них не охватывал широким взором интересы Европы в целом — все занимались лишь своими ближайшими соседями. Так обстояли дела в мире, завоеванном римлянами. Даже если доминирующая держава добивалась тогда значительной выгоды, все равно нации, захваченные врасплох, не отваживались на создание союзов. Каждый рассчитывал лишь на свои силы, а следовательно доминирующая держава могла без труда развить посредством переговоров успехи, достигнутые с помощью оружия.

Однако с тех пор как положение вещей изменилось и государства стали направлять друг к другу обыкновенных послов или посланников, участь доминирующей державы — притягивать всеобщее внимание, возбуждать зависть и даже ненависть.

Имеющиеся у нее ресурсы (*forces*), а зачастую и ее благодеяния вызывают у других вечную тревогу. Хотя вследствие этого ей должно быть куда труднее завязывать переговоры и добиваться на них конкретных результатов, чем державам

более низкого разряда, однако у нее все же остается один способ превратить их в орудие достижения высочайшей степени благополучия; это может произойти, когда душою ее политики станут справедливость, умеренность и желание помочь ближнему (*bienfaisance*). Пусть читатель не подумает, будто я собираюсь проповедовать избитые истины насчет морали и что, идя по стопам Платона и аббата Сен-Пьера, позволил себе увлечься назидательными правилами, не приспособленными для существ, объятых страстями, подобными нашим*. Мои нравственные устои настолько лишены суровости, что я требую в читателе вовсе не порядочных людей, а просто честолюбцев, хоть сколько-нибудь употребляющих свой разум.

Лакедемон отнюдь не потому занял доминирующее положение в Древней Греции, что был там самым могущественным городом, — ведь несмотря на наличие у него силы и отвагу его жителей, он утратил господствующее положение (*empire*), как только решил сохранять его путем насилия. На самом деле он добился этой роли потому, что Ликург научил его быть справедливым, никогда не вести захватнических войн, а за оружие браться лишь во имя общего блага всей Эллады и ради частных интересов своих соседей, а также всех слабых и угнетенных.

Как утверждают историки, спартанцы постоянно занимались тем, что утихомиривали внутренние распри у своих соседей, наказывали тиранов, узурпировавших власть у себя на родине, и прекращали ссоры между городами. Благодаря посредничеству, которое они всегда предлагали всем нуждающимся и которое было неизменно направлено на установление порядка и справедливости и обеспечение общественного блага, Лакедемон приобрел тем большее влияние и уважение, что, поскольку все прочие республики ощущали на себе одна за другой его благодеяния и не испытывали ни ревности, ни беспокойства по поводу действий державы, приносившей им добро, ни одна из них не решилась бы пойти наперекор ее советам. Все привыкли слушаться спартанцев, потому что было бы

безумием не уважать их за мудрость, справедливость и стремление творить добро. Незаметно для себя и, так сказать, помимо своей воли город сделался столицей Греции и, не встречая противодействия, осуществлял командование ее соединенными войсками.

Приведу еще один пример как повод к размышлению для политиков. Пусть они проследят, как росло благосостояние римлян и попробуют доискаться до причин этого роста.

Они увидят горстку рабов и разбойников, превративших свой вертеп в столицу и владычицу мира. Если бы эти люди, поначалу вызывавшие применением насилия ненависть у соседей, не усвоили в конце концов принципы высокой морали и не сделали основой политики справедливость и умеренность, то разве смогли бы они избежать краха, невзирая на все свое мужество, свободолюбивый нрав, воинскую дисциплину и любовь к родине? Они бы погибли, как множество других народов, под натиском сговорившихся против них врагов, которых нажили бы из-за непомерного честолюбия, и им ничего не оставалось бы, как оказаться погребенными под руинами своей страны, чтобы не искать милости у победителя. Римляне не льстили себя надеждой, что можно безнаказанно творить несправедливость, продиктованную честолюбием. И все их поступки были в высшей степени разумны, справедливы и преисполнены величия. Проникнувшись под влиянием авгуров* и оракулов убеждением в том, что Рим должен стать властелином мира*, они вовсе не считали, что столь великой цели можно достичь низменными способами, проводя политику, основанную на хитрости и обмане. Они не рассчитывали, что их послы повсюду встретят людей достаточно глупых, чтобы поверить, будто республика, не уважающая право народов*, возмущающая покой всех соседей и ежедневно ведущая несправедливые войны, дабы расширить свою территорию, стремится к миру, не преследует честолюбивых целей и заслуживает того, чтобы заключить с ней союз и поспешить оказать содействие ее замыслам.

Хотя римляне беспрерывно вели войны, они, однако, неукоснительно

прислаивались правила нападать лишь на тех врагов, которые нанесли им оскорбление и отказали при этом в справедливом удовлетворении, и поэтому, несмотря на постоянные завоевания, казалось, что римляне всегда находятся в положении обороняющегося. Когда римляне не присоединяли побежденные народы к себе, они обращались с ними с величайшей гуманностью; они владели искусством представляться друзьями, а не владыками, оставляя завоеванным народам прежние обычаи, законы и местное самоуправление. Беря эти народы под свое покровительство, римляне превращали их в союзников, которые не имели других интересов, помимо интересов самого Рима, и предоставляли в его распоряжение свои силы, дабы увеличить его мощь.

Когда римские легионы отправились за моря, добродетели римлян внушали жителям чужих стран не меньшее уважение, чем италийцам. Римляне с еще большей ловкостью скрывали свое честолюбие и старались не нагонять страха на те народы, коим несли войну. Греция, которой римляне завладели, не переставала превозносить их бескорыстие и, рассматривая их как защитников своей свободы, полагала, будто они ведут войну лишь для того, чтобы укрепить среди народов власть закона и принести им благоденствие. Действительно, долгое время казалось, что Римская республика одерживает победы скорее ради блага союзников, нежели своего собственного. Она остерегалась захватывать территорию крупных держав, которых ей было важно унижить; и все с восхищением взирали, как народ-победитель отказывается от плодов завоеваний, делит их между царями из числа своих сподвижников и правит лишь благодаря тому, что вызывает признательность, коей заслуживают его благодеяния.

Я признаю, что добродетель, не подкрепленная силой, выглядит как слабость; что государство, которое стало бы обороняться от могущественных соседей, пуская в ход только справедливость и умеренность, рано или поздно было бы покорено. Однако, какими бы порочными ни представлялись нам люди, они таковы, тем не менее, что неизбежно доверяют умеренности спартанцев или вели-

кодушию римлян, когда эти качества сопровождаются наличием силы и храбрости, нежелание злоупотреблять коими встречается столь редко. Стало быть, возникновению того самого доверия способствуют как раз такие чувства, которые наиболее естественны для человеческого сердца. Напрасно Ганнибал, для которого будущее было в настоящем, объявлял, когда наступит предельный срок существования этой добродетели, подорванной излишним благополучием; тщетно хотел показать он ту бездну, куда суждено упасть всем народам. Одних в пользу римлян заставляли высказываться алчность, страх или надежда, других — лень, гордыня или восхищение. Ганнибал никого не убедил: римляне продолжали находить союзников, причем в гораздо больших количествах, чем им было необходимо для сокрушения врагов. Все наперебой домогались их дружбы, и последний гражданин Рима мог бы отлично представлять республику в качестве посла, потому что требовалось совсем мало искусства, чтобы вести переговоры, ведь благодаря мудрости общегосударственной политики проводить их стало легко и просто*, — тогда как в наше время из-за узости взглядов, хитрых уловок и интриг, распространенных в современной политике, переговоры усложнились и проведение их затруднилось.

Мне известно, что Филипп Македонский хотел поработить Грецию и действительно поработил ее с помощью переговоров и коварных интриг, о которых я поведал в другом сочинении¹. Однако если бы этот царь возник среди нас на троне самой могущественной монархии, верит ли кто-

¹ См.: *Mably. Les observations sur l'histoire de la Grèce, ou Des causes de la prospérité et des malheurs des grecs. Liv. III.*

Произведение «Заметки о греческой истории, или О причинах благоденствия и несчастья греков» издавалось на русском языке (см. Приложение, разд. II). Обычно его включают в собрание сочинений А.Н. Радищева, который впервые подготовил его русский перевод. — *Примеч. пер.*

нибудь, что он стал бы лелеять надежду завоевать Европу, проводя точно такую же политику, посредством которой покорил Грецию? Применяя немалое искусство, чтобы скрыть свои замыслы и невероятную ловкость, дабы подготовить и осуществить задуманные походы, он довольно долго поддерживал в соседях заблуждение на собственный счет, что дало ему время захватить две-три крепости и выиграть одно-два сражения, которые и положили конец свободе греков, запертых на короткой и узкой полоске земли.

Однако Европа занимает обширную территорию, где на каждом шагу встречаются естественные преграды в виде широких рек и неприступных гор, а также цитадели*, способные сдержат натиск целых армий.

Подобно Филиппу Македонскому, Карл Пятый и его сын* действовали во время переговоров все, что наиболее способно ввести людей в искушение, иначе говоря, религиозное рвение, хитрость, лукавство, обман, а также видимость справедливости и добросовестности. Подобно ему, они щедрою рукой рассыпали деньги; подкупали министров своих врагов; обещали, льстили, угрожали; давали клятвы и заключали договоры, нарушая их, когда того требовали их интересы;* и тем не менее все эти ухищрения пропали для них даром. Поскольку Европу никак нельзя было завоевать за несколько лет, как Грецию, то и друзья, и враги государей из Австрийского дома должны были неминуемо догадаться о сути их политики еще до того, как она начала бы приносить свои плоды; и с той поры она стала для тех, кто ее проводил, столь же вредна, сколь была полезна Филиппу, перед которым стояла задача осуществить замыслы, требовавшие куда меньше времени. Властолюбие и неприкрытая алчность Австрийского дома* рождали столько подозрений и ненависти, что они не шли ни в какое сравнение с тем доверием, которое могло возникнуть благодаря искусности габсбургских послов, поднаторевших в обмане.

Мудрость Спарты и Рима, которая кажется почти недосягаемой, никак не может стать образцом для подражания в Европе, я это осознаю. Соперничество между народами и их ненависть друг к другу, каковой они заразились, властность, с коей эти страсти ими повелевают, распущенность общественных нравов и царящий почти повсюду произвол не позволяют нам перенять сегодня великодушие, которое спартанцы и римляне не сумели сохранить. Окажись на троне Сократ, он смог бы, вероятно, воскресить некоторые черты ушедшего «золотого века»;^{*} однако наши современные правительства не способны придерживаться одних и тех же принципов в течение длительного времени, как мы имели возможность наблюдать.

Меня могут спросить, а зачем тогда нужна вся эта бесполезная теория, изложенная мною выше. Отвечаю: я установил истину, способную, по меньшей мере, выявить ошибки тех авторов политических сочинений, которые ни в грош не ставят добродетель, которые полагают, что искусство царствовать есть искусство вести разбой в отношении своих соседей, и которые, не уразумев, что в конечном счете для сильного государства обман всегда оказывается вреден, рекомендуют к нему прибегать, потому что в отдельных случаях он позволял добиваться успеха.

Не моя вина, если обнародование великих истин не приносит нам никакой пользы. Сказанное мною, конечно, не изменит картины дел в Европе, однако мы хотя бы будем располагать мериллом, с помощью которого сможем судить о благородстве (*bonté*) действий, совершаемых доминирующей державой. Может быть даже — и я смею на это надеяться — плоды моих размышлений убедят кого-то, кто, встав однажды у руководства государственными делами, принесет с собой не распространенные предрассудки, а будет, напротив того, придерживаться моральных принципов,

почерпнутых из чистейших источников, и доставит своему народу хоть несколько мгновений счастья, не отнимая при этом оно у соседей. Какую более полезную цель может ставить перед собой писатель?

Обратимся, однако, к вещам, которые скорее соотносятся (*plus proportionnées*) с нашими образами правления, нашими нравами и нашими страстями.

Глава пятая

О том, что доминирующая в Европе держава должна думать лишь о сохранении своего превосходства. Каким образом этому могут способствовать переговоры.

О поведении доминирующей державы по отношению к державе-сопернице

Следом за всеми своими предшественниками император Леопольд повторял: «Как бы ни сложились обстоятельства, давайте всегда стремиться к расширению и строить грандиозные планы; по крайней мере прославимся тем, что никогда не предпринимали ничего заурядного, а зачастую отыщем у себя ресурсы, о которых прежде и не подозревали. Какого бы успеха ни удалось добиться на первых порах, держава продвинется далеко вперед, когда оставит потомкам своего рода заделы на будущее*, которые напомнят им о долге и сподвигнут их завершить начатое дело».

Именно следуя подобным принципам, Австрийский дом добился того, что утратил и силы, и величие. И государь, обладающий достаточной мудростью, чтобы извлечь для себя урок из этого грандиозного примера, напротив, придет к выводу, что подлинные интересы доминирующей державы состоят в том, чтобы ограничиваться заботой о сохранении своего превосходства.

«Прославиться как нация, никогда не бравшаяся за вещи заурядные, — скажет он, — мысль заурядная сама по себе, особенно когда герой, пришедший в замешательство от того, что ему встретились препятствия, которые не могли не возникнуть и которые он не предвидел, терпит неудачу непосредственно в ходе осуществления своих замыслов. Преодолевая серьезные

трудности, я могу проявить мужество, твердость и некоторые другие похвальные качества; однако, поскольку по-настоящему великим и по-настоящему прекрасным является лишь мудрое, то придет философ и, изучив, из каких принципов исходило мое честолюбие и какую цель оно преследовало, заставит увянуть лавры, коими увенчают меня толпа и придворные. Сей философ будет смотреть на меня как на человека, чьи умственные способности (*lumières*) до крайности ограничены — если я не пред-

Император Леопольд I

видел, сколько бед мои триумфальные достижения причинят государству, либо, если я предвидел это, но как одержимый принес свой народ в жертву дикому стремлению к славе; и он заклеймит мое царствование, объявив его позорной эпохой упадка нации. Не знаю, — продолжит рассуждать мудрый государь, — насколько способным окажется мой преемник; если я создам план постройки чересчур высокого здания, не следует ли мне опасаться, что я тем самым подогрею в наследнике безумное желание со мной посоревноваться, и он окажется раздавлен обломками сооружения, которое захочет достроить? Своей умеренностью я, напротив, усмирю зависть врагов и крепче привяжу к себе союзников; и, ежели наследник не пойдет по моим стопам, он сможет благодаря проявленной мною мудрости безнаказанно совершить несколько промахов, а моя держава, крепкая и могучая, выстоит и, по крайней мере, не погибнет от ран, нанесенных его честолюбием».

Природное устремление (*penchant naturel*), побуждающее людей расширять свою власть и проявляющееся особенно ярко в благополучные времена, способно без труда внушить доминирующей державе губительное честолюбие, ибо она всегда считает себя сильнее, чем есть на самом деле, и часто испытывает раздражение по поводу ревнивого отношения со стороны державы-соперницы. Я называю так державу, которая, не будучи равна ей по силам, подошла, тем не менее, к ней ближе, чем другие государства.

В течение долгого времени такое положение занимала Франция по отношению к Австрийскому дому, а сегодня его занимает Англия по отношению к Франции. Поскольку держава-соперница превосходит все прочие государства, она сильнее всех негодует по поводу того, что над ней стоит еще кто-то. Чем меньше она скрывает свою зависть, тем чаще доминирующая держава поддается чувству ненависти, коей заслуживает соперница, тогда как ее первой заботой должно быть этих проявлений не допускать. Доминирующая держава полагает, что, добившись краха соперницы, устранив единственное препятствие, стоящее на пути к ее собственному благоденствию. Она заблуждается: на смену поверженному врагу придет другой и, возможно, еще более грозный, ибо ему будет противостоять победитель, ослабленный самим одержанным триумфом.

Не подлежит сомнению, что фортуна, которая сильнее человеческого благоразумия и осмотрительности, готовит великое множество невзгод для наилучшим образом управляемых наций; и ее капризы неизбежно вызовут потрясения, каковые весьма часто случаются в Европе, ибо правитель небольшого государства, наделенный значительными талантами, может без труда унижить могущественного государя, коего природа обошла стороной.

Делать отсюда вывод о том, что доминирующая держава должна всегда стремиться к приобретениям, чтобы иметь

возможность, в свою очередь, идти на уступки (*cessions*), не теряя при этом превосходства, означает совершить серьезную ошибку. Ведь не число городов и даже не число провинций составляет могущество государства. Смогут ли эти ничтожные завоевания вознаградить его, при том, что они возбуждают ненависть у врагов и чреваты утратой союзников? К тому же, накапливая столь значительные ресурсы для преодоления превратностей судьбы, разумно ли умножать причины, к невзгодам приводящие?

Стало быть, доминирующая держава сохранит свое превосходство лишь в том случае, если будет искренне желать мира. Однако поскольку нет сомнений в том, что, несмотря на умеренность и справедливость поступков, ей никогда не удастся уничтожить все ростки войны, желание сохранить мир не должно оборачиваться утратой сил. Если доминирующая держава не будет находиться в постоянной готовности к самозащите и ведению войны, это станет еще одним поводом для ее соперницы вести себя несправедливо и нагло, и тогда никакие переговоры не помогут.

Доверять врагу — значит побуждать его расставлять нам ловушки; и после этого первого просчета избежать его опасных последствий уже не удастся. Доминирующая держава должна, следовательно, испытывать постоянное недоверие к сопернице; но это недоверие, которое призвано быть, что называется, лишь оборонительным оружием, едва ли не всегда становится оружием наступательным. Почти во всех случаях мы видим, как недоверие вырождается в мелочность и злобу, которые, будучи не в состоянии причинить серьезный вред, стремятся хотя бы ранить. Доминирующая держава и ее соперница беспрестанно придираются друг к другу и пытаются насолить противнику буквально во всем. Некоторые министры по-другому и не поступали, но эта привычка вечно ставить друг другу палки в колеса (весьма

распространенная привычка, кстати сказать, ибо избавляет от неприятной необходимости размышлять) должна тем не менее допускать ряд исключений.

Если какая-нибудь держава вынашивает планы, которые должны оказаться для нее вредными или просто бесполезными, что бывает нередко, то зачем же мешать ей в этом? Не могу понять также, с какой целью державы столь часто пытаются создавать препятствия для замыслов противника, когда ясно, что почти наверняка он добьется успеха. Чем больше доминирующая держава демонстрирует неприятие своей сопернице, тем больше друзей она к ней привлекает. И к тому же что она выигрывает, подогревая в сопернице злобу? Эта держава будет, в свою очередь, искать случая ей навредить и вынудит ее, быть может, взяться за оружие в таких обстоятельствах, когда она будет более всего заинтересована в сохранении мира. Сколько войн, опустошивших Европу, были начаты не по политическим соображениям и не из честолюбия, а по причине дурного настроения некоторых правителей или иных министров, которые нажили себе великие неприятности, разобидевшись из-за какой-нибудь безделицы! Эти смехотворные обиды, положившие начало военным действиям, еще больше затрудняют мирные переговоры. Достаточно почитать несколько донесений послов, коим поручали вести переговоры на каком-нибудь конгрессе, чтобы сделать вывод о том, что мелочное злопамятство и пустяковые обиды, в которых по меньшей мере должно быть просто стыдно признаваться, часто являются гораздо более серьезным препятствием для заключения договоров, нежели важнейшие интересы народов.

Мне представляется, что доминирующая держава всегда будет действовать с учетом своих подлинных интересов, когда при решении вопросов, по которым спорит с соперницей, станет исходить из принципа справедливости (*règle de la*

justice). Ей не следует никогда отвергать требования, продиктованные чувством справедливости (*équité*), надлежит выслушивать, не проявляя ни горячности, ни высокомерия, самые неразумные предложения, и не отказываться от проведения совещаний и вступления в переговоры под тем предлогом, что это ниже ее достоинства, или из ребяческого опасения умалить свои права. Она получит осязаемую выгоду от проявленного ею великодушия всякий раз, когда оно не сможет быть расценено как страх. Она должна опережать соперницу, оказывая добрые услуги в малых делах, да и в важных тоже, когда те не противоречат напрямую ее интересам.

Последний совет чрезвычайно мудр, однако я замечаю, что, к сожалению, он еще более бесполезен: ибо государственный муж, обладающий широтою мысли и величием ума и наделенный чувством справедливости, не нуждается в том, чтобы его предостерегали от излишне пристального внимания к пустякам, а для министра, отличающегося узостью мышления и ограниченным умом, склонного к лжи и двуличию, не существует способа научиться видеть вещи такими, какие они есть на самом деле. Ему могут пригрезиться несуществующие связи между явлениями, и большое воображение, что будет рисовать ему призраков, которых больше никто не видит, заставит его возомнить себя человеком выдающихся умственных качеств. Всё находящееся в пределах досягаемости покажется ему великим, а всё, что превышает его возможности, — ничтожным или фантастическим; и он станет оспаривать право на обладание какой-нибудь хижинкой или деревушкой с таким жаром, как если бы речь шла о крепости, дающей ключ к целой провинции.

Великое искусство, которым должна владеть доминирующая держава для сохранения своего превосходства, состоит, если не ошибаюсь, в том, чтобы путем изучения характера правления, положения и национального духа своей сопер-

ницы предвидеть, чего именно следует опасаться, дабы заранее отыскать средства для устранения угрозы.

Например, когда на переговорах по заключению Утрехтского мира* французский двор увидел, что Англия вот-вот займет в Европе место, ранее принадлежавшее Австрийскому дому, ему следовало тут же подумать о восстановлении флота и о том, чтобы мало-помалу начать переброску основных сил на море.

Как только морская держава, озабоченная развитием торговли и стремящаяся к приобретению новых земель лишь в Америке, оказалась во главе европейской политики, матросы и корабли стали куда нужнее, чем сухопутные силы. Поступи Франция таким образом, она бы лучше подготовилась к переговорам, они бы легче для нее проходили и принесли бы больший успех.

Сдерживая англичан на море, Франция уменьшила бы их влияние на положение дел в континентальной Европе. Лондонский двор был бы уже не столь уверен в себе и не столь дерзок, а вел бы себя менее высокомерно и более добросовестно.

Инструкции послам выдают министр или Совет, отвечающие в государстве за иностранные дела*, и они же, собственно говоря, ведут переговоры с иностранцами; однако успех переговоров не зависит только от личностных способностей членов Совета или от талантов тех, кого они посылают за границу. Переговоры должны готовить все без исключения министры, каким бы ведомством они ни руководили. В государстве с непомерным налоговым бременем, в государстве, переполненном недовольством, в государстве, чьи финансовые ресурсы истощены, а торговля зачахла, в государстве, где воинской дисциплиной пренебрегают, где интриганы подавляют всякого, кто решится с ними соперничать, а вознаграждение получают бездарности, не приносящие никакой пользы, а то и про-

сто вредные, что может сделать министр иностранных дел, будь он даже одарен гениальнейшим умом? Все европейские страны прекрасно знают, как обстоят дела у других: никого нельзя обмануть относительно истинного положения вещей в стране. Ежели такой министр не обладает даром творить чудеса, то сумеет ли он убедить кого-нибудь в том, что его нация в состоянии дать отпор врагам, в то время как в действительности никаких ресурсов для ведения удачной войны у нее нет? Коль скоро в столь печальной ситуации он будет напускать на себя важный вид, то вызовет раздражение; если станет унижаться — возбудит у недругов презрение и придаст им дерзости; если попытается скрыть свою слабость, изображая умеренность, великодушие и стремление к справедливости, то все будут смеяться над его страхами, проглядывающими из-под маски, плохо их скрывающей. Между тем в отношениях с наиболее верными соратниками наступит охлаждение, и, если государство не подвергнется какому-нибудь серьезному оскорблению, если не понесет крупных потерь, то это можно будет расценить как невиданный подарок судьбы, рассчитывать на который всегда неблагоприятно.

Существует такая разновидность честолюбия, которая весьма способствует успеху переговоров, помогая снискать уважение и дружбу союзников и даже врагов; она заключается в том, чтобы, так сказать, совершать завоевания у самого себя, поднимая ценность каждой отдельной части государства.

Нация никогда не увеличит внутреннего благополучия, не повысив своей готовности защищать это благополучие от чужого посягательства.

Мы видим сегодня государя*, который, завоевав богатую провинцию*, не посчитал, что праздность и удовольствия являются конечной целью

его политики и одержанной победы. Он исправляет законы, поощряет развитие всех искусств и талантов, открывает своим подданным дорогу для занятия промышленностью и торговлей, с помощью искусных методов насаждает среди солдат строгую дисциплину, пример которой подают его придворные из числа военных, и воспитывает тем самым непобедимых воинов, а финансами управляет рачительно и следит за ними неусыпно. Если бы этот государь мог передать свой ум преемникам или основательно упрочить государственные институты, то Пруссия, остающаяся на сегодняшний день пока что второстепенной державой, оказалась бы вскоре во главе европейской политики*.

Ежели бы для того, чтобы начать поиск союзников, доминирующая держава стала дожидаться, покуда какое-нибудь из ряда вон выходящее событие не даст ей повод для беспокойства или не позволит сформулировать новые планы, то почти всегда это был бы напрасный труд. Поскольку ничего не было бы готово и подходящие условия еще не вызрели бы, она не смогла бы ни на что рассчитывать. Драгоценное время было бы растрчено на двусмысленные предположения, на всестороннее изучение и испытание друг друга, на беспорядочный отход назад и столь же хаотичное движение вперед. Тем временем обстановка накаляется, а государства еще не договорились между собой, однако у них возникает интуитивное чувство, что уже настала пора действовать, а не вести переговоры, и в конечном итоге по причине усталости или из-за нетерпения они берут на себя неопределенные, бесполезные или даже опасные обязательства.

Державу, привыкшую к праздности, не замечают; я не хочу сказать, что следует изнурять своих соседей бесконечными планами, — это означало бы лишь демонстрировать возмутительное беспокойство. Однако ни одно дело в Европе не должно ускользать от внимания ни доминирующей державы, ни ее соперницы; и если их посредничество или

добрые услуги оказываются отвергнуты, то они сами в том виноваты, и это показатель того, что они движутся к своему упадку.

Лишь с помощью постоянных переговоров при всех дворах обе эти державы имеют возможность получать достоверные сведения обо всем, что происходит, заранее оценивать все то, что недруги могут замышлять в ущерб их интересам, и, наслаждаясь собственным величием, его укреплять. От одной искры, которую не составляло труда погасить в зародыше, зачастую возникает сильный пожар. Так и события, приобретающие колоссальную важность, почти всегда предваряются возбуждением, которое предрекает их наступление и которое легко было подавить в самом начале.

Одним словом, когда доминирующая держава приобретает привычку вести переговоры, она без особых усилий находит тысячи случаев, чтобы обеспечить свои интересы, причем таких случаев, которые пропали бы втуне для правительства, погрязшего в лени. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, она укрепляет прежние альянсы и заключает новые. Она держит в своих руках нить событий и воспитывает новых государственных деятелей.

Глава шестая

О преимуществах державы-соперницы перед доминирующей державой на переговорах. В ее ли интересах становиться доминирующей державой?
Размышления о нынешнем положении Франции и Англии

Насколько затруднительно для доминирующей державы приобрести влияние или даже сохранить превосходство, не демонстрируя серьезной приверженности к справедливости и умеренности, — будь то при управлении собственными делами или при выполнении роли посредника между союзниками, соседями и врагами, — настолько же сопернице легко подняться на ее развалинах или по меньшей мере занять ее место. Все государства, испытывающие перед доминирующей державой страх или ненависть из-за ее высокомерия и честолюбия, тайно объединяются против нее как раз на основе этого общего страха или общей ненависти. Они стремятся вступить в союз лишь за тем, чтобы препятствовать осуществлению ее замыслов; им только недостает вожака, и держава-соперница естественным образом выступает у них в роли сборного пункта. Доверие, которое она им внушает, притворяясь, будто печется лишь об интересах общего дела, дает ей возможность без труда вступать в переговоры. Забота о собственной судьбе заставляет другие государства снисходительно относиться к ее поступкам, и ей часто прощают такие проявления несправедливости, которые со стороны доминирующей державы показались бы просто чудовищными.

Франциск I и его преемники имели множество союзников, и если они не приобрели их еще больше, то сами в этом виноваты; и, разумеется, Франции не пришлось бы дожидаться так долго, вплоть до заключения Пиренейского мира*, чтобы взять верх над Австрийским домом, если бы, проявив больше искусства во внутренней политике и больше постоянства в политических воззрениях, она сумела извлечь выгоду из своего положения и воспользоваться силами союзников, приобретенных благодаря непомерному честолюбию Габсбургов.

Желая упорядочить разнообразные страсти, бурлившие в Европе, королева Елизавета первой придумала выстроить из них политическую систему.

«Чтобы обеспечить общественную свободу, — говорила она главному министру Генриха IV на встрече с ним в Дувре*, — следует возратить германским князьям их прежнее достоинство, оказать поддержку усилиям Соединенных провинций в их стремлении освободиться от испанского владычества, призвать остальную часть Нидерландов сбросить иго и образовать независимую республику*. Следует обязать Империю отказаться от прав, на которые она все еще претендует в отношении швейцарских кантонов, и присоединить к последним Эльзас и графство Бургундское. Однако, — прибавляла эта государыня, — когда я говорю о том, что надобно отнять у Австрийского дома избыток величия, коим он злоупотребляет, я не имею в виду, что следует отдать эти богатства другой державе, которая стала бы представлять не меньшую опасность. Коль скоро король Франции вздумал бы осуществлять завоевания в испанских землях, я не потерпела бы этого и признала бы справедливым, если бы он, со своей стороны, стал противостоять планам по расширению территории, которые стал бы вынашивать кто-либо из моих преемников. Речь идет о том, чтобы поделить Европу на более-менее равные государства, чьи силы находились бы в равновесии, вследствие чего они боялись бы нанести кому-нибудь оскорбление и не осмеливались бы вынашивать чересчур грандиозные замыслы».

Смерть Елизаветы I и Генриха IV предала забвению эти едва намеченные в общих чертах идеи о равновесии, которые двум упомянутым монархам было бы невозможно осуществить.

Говорят, идеи эти заботливо подхватили венецианцы, и, хотя они все еще носились с ними во время Мюнстерского конгресса*, где исполняли обязанности посредников, однако почти не решились намекнуть о них в ходе переговоров. Франция слишком гордилась своими успехами, чтобы согласиться отныне на установление равенства, ибо желала доминировать, а Испания, которая из тщеславия старалась скрыть свою слабость даже от себя самой, была не так сильно унижена, чтобы потерять всякую надежду на то, что ей удастся преодолеть свалившиеся на нее невзгоды. Обе монархии держали оружие наготове и после Вестфальского мира*: они наконец прекратили воевать между собой*, но не перестали друг друга ненавидеть; их союзники и противники продолжали придерживаться в политике привычных для них принципов, и разговоры о равновесии возобновились лишь после того, как принц Оранский, ставший затем Вильгельмом III, занял должности, которыми его предки владели в Соединенных провинциях*.

Этот государь представил Европе систему, придуманную Елизаветой, но в исправленном виде и в такой форме, которая лучше годилась для привлечения сторонников. Речь шла уже не об установлении иллюзорного равенства между державами, которое, будь оно даже установлено, не помешало бы им вынашивать честолюбивые планы, ненавидеть и оскорблять друг друга; на повестке дня стоял лишь один вопрос: о том, чтобы всего-навсего поставить пределы власти Франции, и, вернув ее в те границы, в которых Франция оказалась по условиям Пиренейского мира, добиваться, чтобы она неизменно их придерживалась, дабы, как заявлял

принц Оранский устами своих сторонников, французское королевство и Австрийский дом, занятые соперничеством друг с другом, взаимно истощили честолюбие и силы и перестали внушать страх другим государствам. Можно сказать, что Европа превратилась бы в своего рода римский театр, где все правители должны были спокойно наслаждаться зрелищем того, как две великие монархии, вселяющие в них ужас, сталкиваются и рвут друг на друга на части.

Чтобы продлить до бесконечности эту схватку, которая никогда не должна была стать смертельной, следовало приходить на помощь тому из соперников, который был готов упасть от изнеможения, и, подкрепляя его силы, давать ему возможность вновь появиться на арене во всей красе.

Без сомнения, принц Оранский слишком хорошо знал, какие пружины движут людьми, чтобы рассчитывать на то, что второстепенные державы (*puissances subalternes*) станут принимать участие в распрях между Францией и Австрийским домом именно для того, чтобы эта борьба длилась вечно.

Не составляло труда увидеть, что вся эта грандиозная система, которая, как представлялось на первый взгляд, создана для сохранения свободы всей Европы, на самом деле придумана лишь для того, чтобы обеспечить частное благополучие ее создателя, который, будучи гражданином республиканского государства, нуждался в том, чтобы иметь в своем рас-

Вильгельм III

поражении армию и вести войну, дабы хоть сколько-нибудь возвыситься над магистратами* и законами. Он чувствовал слабые места своей системы и предвидел, что так называемые поборники равновесия будут часто поддаваться страху перед стремительным и внезапным натиском одной из двух враждующих держав; что большинство окажется чересчур робким, чтобы решиться в случае нужды стать на сторону слабейшего; что одних прельстит и ослепит сиюминутная выгода, а другими вскоре будет руководить лишь ненависть, которая заставит их гневаться и терять самообладание.

Хотя теория равновесия, как это неизменно подтверждали события на протяжении последних 80 лет, не может воплотиться на практике во время войны, тем не менее эта блестящая идея увлекла за собою всех людей, наделенных воображением. Ее успех был повсеместным, ибо, сводя всю политическую науку к одному слову, она льстила невежеству и косности министров, послов и их служащих. Как бы то ни было, это распространенное мнение (именно потому, что распространено) заставляет в мирное время искать противовес силам доминирующей державы; оно настраивает умы против союза с ней и заставляет их приветливо поглядывать в сторону ее соперницы.

Если бы держава-соперница воспользовалась имеющимися у нее преимуществами, дабы создать неприятности своему недругу, а затем разгромить его и занять его место, возможно, она пошла бы наперекор своим подлинным интересам. Не подлежит сомнению, по крайней мере, что она понесла бы значительные убытки и затратила огромные усилия — и все для того, чтобы навлечь на себя зависть и ненависть государств, защитницей которых прежде выступала. Переместиться со вторых ролей на первые означает, быть может, не что иное, как сделать большой шаг к упадку; ибо каким таким чудом нация, соблазненная блеском опасной

честь играть главенствующую роль, нация, не постигшая выгод прежнего положения, нация, которая должна преисполниться гордости по поводу своих триумфальных побед, если ей удастся унижить доминирующую державу, ни с того ни с сего вдруг станет проводить иную политику, которая более соответствует ее новому положению?

Неоспорима истина, гласящая, что превосходство в силе рождает иллюзии даже в самых сдержанных умах. Как только самоуверенность и гордыня приходят в движение, их уже с трудом можно усмирить; успех разжигает их еще больше, а всякое противодействие только раздражает.

Едва лишь Вестфальский и Пиренейский мирные договоры выдвинули Францию на ведущие позиции, которые до этого занимал Австрийский дом, как в ее адрес тут же посыпались те же самые упреки, которые она сама выражала мадридскому и венскому дворам.

Честолюбие, в котором упрекали и австрийцев, и французов, — вечный порок, который всегда будет характерен для доминирующей державы.

«*Один против всех*» — таков был девиз Людовика XIV; эта фраза, которую следовало рассматривать как довольно едкий сатирический выпад против неразумия тогдашнего Королевского совета*, была воспринята подданными короля в те времена (да и сегодня еще воспринимается) как похвала его мужеству — настолько мало доминирующая держава способна постичь свои интересы, осознать свое положение и правильно оценить свои силы!

Великое счастье, что Англия, предприняв во время войн 1688 и 1701 г.* бесполезные усилия ради того, чтобы сохранить Австрийский дом в качестве соперника Франции, была вынуждена затем логикой развития событий сама взять на себя роль, которую венский двор был более не в состоянии

Людовик XIV

играть, когда на испанском престоле утвердился Филипп V.

Европа могла бы наслаждаться разве что несколькими мгновениями мира, если бы во главе европейской политики стояли две державы, привыкшие ненавидеть и оскорблять друг друга, не имеющие недостатка в законных причинах для войны и обуянные маниакальным стремлением вести завоевания на территории

друг друга. Весьма вероятно, что, обессиленные до крайности еще до окончательного разрешения своих противоречий, они бы уступили место другим государствам, которых честолюбие также довело бы до краха, и что Европа, постепенно ослабевшая во всех частях, обрела бы мир лишь потому, что оказалась бы уже не в состоянии продолжать войну.

Теперь же европейские народы, напротив, могут поздравить себя с тем, что им выпала более счастливая доля, с тех пор как свободная торговая нация, не имеющая намерения вести завоевания на нашем континенте, делит с Францией преимущество занимать в Европе доминирующее положение. Я знаю, что если бы англичане не жертвовали часть тех громадных доходов, которые получают от торговли, на поддержку врагов, действующих против Франции на суше, то последняя перебросила бы свои основные силы на море, ущемив тем самым интересы Англии. Знаю также, что венский двор — естественный союзник Англии и что он ни в коей мере не отказался от своих прежних планов по расширению территории. Но не стоит опасаться, что во

имя честолюбивых планов Австрийского дома англичане станут действовать с тем же пылом, как если бы сами стремились к завоеваниям и сами вели войну ради собственной выгоды. Торговля, являющаяся главной целью их политики, должна незаметно побуждать их склоняться к миру, да и общественное мнение (*voeu public*) в свободной стране часто диктует правительству свою волю. Ко всему прочему, разве англичане не должны чувствовать, что их государственное устройство (*constitution*), куда бóльшая ценность, нежели вся американская торговля, находится в безопасности лишь в условиях мира и что война дает их королю тысячу благовидных предлогов для расширения монаршей власти (*prérogative royale*) и закабаления подданных?

Свойственные англичанам пристрастия должны передаваться и сопернице, и хотя я пишу в такое время, когда между двумя державами объявлена война*, осмелюсь сказать, что счастливые последствия этого влияния уже начинают сказываться, и, покуда будет существовать нынешняя система, Европа окажется подвержена менее частым и менее сильным потрясениям.

Помимо общих преимуществ, которыми Англия, как держава-соперница, обладает перед Францией, превосходство на море также должно помогать ей привлекать все больше союзников. Нация, обладающая могуществом лишь на суше, в действительности соседствует только с теми государствами, с которыми имеет общие границы, и зачастую ей бывает затруднительно выступить на помощь тому или иному союзнику. Морская держава благодаря своим кораблям соседствует со всеми странами и, поскольку может вследствие этого принести больше добра и больше зла куда большому числу государств, ее уважают сильнее.

Что выигрывают сегодня англичане и французы, ведя войну во имя торговых интересов?

Взаимные обиды, чинимые ими, играют на руку нейтральным державам, чьи купцы расширяют и умножают торговые связи. К моменту заключения мира военные расходы сильно подорвут благосостояние победившей нации, и она не только окажется неспособна развивать торговлю, но еще и в течение длительного времени будет вынуждена восполнять ущерб, который война причинит ее американским владениям. Пусть этот зловещий опыт по крайней мере убедит всех в неоспоримой истинности утверждения, что торговая нация должна вести войну для того, чтобы помешать краху своей торговли, но никак не для ее расширения.

Можно сказать многим честолюбивым правителям: вот вы стремитесь завоевать земли соседей, а между тем не удосужились даже распахать целинные угодья, что позорят ваши деревни! Зачем вам новые города, когда в ваших собственных царит разруха, а праздные горожане томятся и чахнут от безделья? Если вам нужно увеличить число подданных, то почему не обеспечить им благополучие? Счастливая жизнь скорее умножит их численность.

Я мог бы точно так же спросить у англичан: зачем вам наращивать количество колоний? Вы вполне уверены, что те, которыми вы уже владеете, будут процветать в полной мере? Если ваше трудолюбие может дать новый толчок развитию торговли, то почему же вы прибегаете к силе, чтобы ее расширить? План сделать свою державу единоличным владыкой моря и прибрать к рукам всю торговлю не менее фантастичен и не менее разрушителен, чем проект создания универсальной монархии* на суше. И остается во имя счастья всей Европы пожелать, чтобы англичане осознали эту истину до того, как им придется убедиться в ней на собственном опыте.

Франция уже много раз повторяла, что следует установить равновесие сил на море, но пока никого не убедила, ибо

является доминирующей державой, которую подозревают в том, что она хочет снизить роль англичан для того лишь, чтобы еще сильнее укрепить свою власть на континенте.

Но ежели Англия станет злоупотреблять теми силами, которыми обладает, ежели решит осуществлять в области торговли своего рода тираническое господство*, то очень скоро все государства, имеющие суда и матросов, придут в изумление от того, что не поверили Франции, и присоединятся к ней, чтобы помочь расквитаться за причиненные ей обиды.

А если англичане будут упорствовать в стремлении завоевать Северную Америку, то в конце концов все-таки вынудят Францию перебросить основные силы на море. Они истощат свои ресурсы, а их противник, разоружившись на суше, перестанет внушать подозрения соседям и переманит на свою сторону многих из нынешних союзников Англии.

Глава седьмая

Второстепенные державы. Принципы их политики.

О поведении двух доминирующих держав по отношению к ним

Если бы две главенствующие державы придерживались в политике тех принципов, которые я описал выше, то второстепенные государства, со своей стороны, не помышляли бы ни о чем другом, как о том, чтобы уцелеть или, по крайней мере, увеличить свое благосостояние за счет разумной предприимчивости (*sage industrie*), направленной на извлечение выгоды из собственных богатств. Но поскольку Австрийский дом и Франция хотели причинить друг другу больше зла, чем на самом деле могли, у них возникла нужда обратиться к помощи соседей, которых они вовлекли в свои распри. Покуда доминирующие державы рассматривали союзников лишь в качестве орудий своего благополучия, те и сами стали вынашивать планы нарастить территорию за их счет. Если некоторые государства и впрямь повысили благосостояние, продавая свою помощь, то другие, придерживаясь сходного политического курса, получили в результате завоеваний лишь незначительную компенсацию за беды, причиненные им войной.

Некоторые второстепенные державы уже почти играют роль доминирующих: таковы Австрия, Россия, Испания, Дания и др. Чем они крупнее, тем чаще должны придерживаться принципов, которые одни только и обеспечивают благополучие доминирующих держав. Умеренность поможет им приобрести союзников, а любовь к справедливо-

сти — не раз выступить арбитрами даже в отношениях между первостепенными державами.

Пока эти последние ведут между собой войну на взаимное истощение, в интересах второстепенных держав сохранять мир, поскольку благодаря ему они разбогатеют, вследствие чего пропасть, отделяющая их от главенствующих держав, уменьшится.

Политики* часто повторяли, что неразумно наблюдать за распрями соседей, не принимая в них участия, и что после первого завоевания победителю самое время совершить следующее, ибо с войсками, закаленными в битвах, он обрушил бы свою мощь на державу, остававшуюся все это время в праздности.

Но я уже говорил, что не существует более Римской республики, которая посредством войны увеличивала численность своих граждан и в войне с Карфагеном* приобретала ресурсы для победы над Македонией*, а в войне с Македонией — средства для завоевания Азии*. Сегодня любая нация, только что удачно завершившая войну, нуждается в отдыхе для восстановления сил, и в тот момент, когда она, как кажется, находится на пике славы, ее, быть может, легче всего унижить.

Главенствующие державы сохраняют превосходство над второстепенными, если не будут торопливо вмешиваться в их ссоры с целью положить им конец, но, напротив, станут распалать их взаимную ревность, являющуюся источником разногласий между ними. В особенности они должны остерегаться вовлекать их в собственные распри — разве что в случае крайней необходимости; ведь не исключено, что они привьют им вкус к войне, что повредит общественному спокойствию, охранять которое — в их собственных интересах; и весьма вероятно, что они сделаются врагами тех правителей, которых им следует призывать к сохранению нейтралитета.

Каждому народу в силу особого уклада присущи определенные свойства: одни для него полезны, другие — вредны. Доминирующие державы должны, так сказать, следить за тем, чтобы никакой народ не избавился от своих пороков. Когда благодаря какому-либо ошеломляющему поступку государство взлетает на небывалую для него высоту, вся Европа начинает испытывать по этому поводу беспричинную тревогу; но никто не обращает ни малейшего внимания на хитроумную политику нации, добравшейся до сути своих пороков, дабы искоренить их и заложить основы, обеспечивающие устойчивое процветание.

Может случиться так, что доминирующие державы, не испытавшие ни одного поражения за пределами своей территории и не пережившие никакого сколько-нибудь заметного потрясения внутри, лишь из-за некомпетентности правителя и его министров прекращают, так сказать, быть самими собой, а их правительства ничего не предпринимают, чтобы исправить положение.

Правитель второстепенной державы должен воспользоваться таким поворотом событий, дабы стать во главе европейской политики и, продемонстрировав мудрость, повысить к себе уважение. Однако ему следует воздержаться от желания создать на основе мимолетной случайности план по обеспечению долговременного благополучия. Лелеять честолюбивые замыслы ему будет дозволено только тогда, когда доминирующая держава придет в упадок и опустится из-за общего неустройства, распространившегося во всех частях государства, но не тогда, когда это произойдет по причине одной лишь некомпетентности ее нынешних правителей, которые, быть может, уже через неделю будут отставлены от руководства.

Всякий, кто принял бы слабость (*mollesse*) правительства, существовавшего во Франции в период между кончиной Генриха IV и при-

ходом к власти кардинала Ришельё, за симптом неминуемого упадка, обманулся бы в своих ожиданиях. Французское королевство, оставшееся таким же сильным, как и прежде, всего-навсего испытывало нужду в министре, который умел бы распорядиться теми силами, коими оно располагало.

Не так обстояли дела с испанской монархией после Пиренейского мира: ослабление государства в целом стало результатом слабости каждой из ее составных частей (membres). Война, мореплавание, освоение Америки и суверия* — все

это вместе привело к тому, что население Испании сильно сократилось. Промышленность была задавлена, а поскольку вследствие этого вся нация оказалась охвачена апатией и леностью, уже не представлялось возможным вселить в нее ту энергию (activité), что являлась некогда ее сильным качеством. Испания, которой следовало бы вести торговлю со всей Европой, не вела вообще никакой; и, несмотря на все мексиканское и перуанское золото, ее истощенная казна не могла предоставить достаточно средств ни для поддержания боеспособности крепостей, ни для выплаты жалованья солдатам, которые, живя за счет мародерства, не умели подчиняться дисциплине, что отличала прежнюю испанскую пехоту, погибшую при Рокруа*.

Разве нельзя сказать, исходя из вышеприведенных размышлений, что английский король Карл II придерживался, сам того не осознавая, политики, соответствовавшей истинным интересам его королевства, когда соглашался предоставить в

Карл II, король Англии

Граф д'Эстрад

распоряжение Людовика XIV всю свою мощь¹, чтобы помочь ему завоевать Австрийские Нидерланды?^{*} Политика Карла и его преемника^{*} была направлена на то, чтобы ускорить крах державы, которая более не располагала средствами, чтобы встать на ноги, и место которой Англии предстояло занять. Вильгельм III, величайший политик минувшего столетия^{*}, без сомнения, сумел бы правильно повести себя в этой ситуации и совершил бы благодаря таланту то, что Карл II и его брат Иаков II сделали по причине

слабости, страха, расположенности к деспотии (tyrannie) или из суеверия, — если бы его интересы заключались в том, чтобы править англичанами в соответствии с их собственными интересами. Однако он хотел войны, он в ней нуждался, и следовало воспользоваться предлогом, чтобы поддержать Австрийский дом в его борьбе против французов. Политика Вильгельма пережила его самого, и если бы великие подвиги, совершенные англичанами в войне 1701 г., были способны приостановить крах Австрийского дома путем возвращения Карлу VI всех

¹ В своем письме королю от 21 июля 1667 г. граф д'Эстрад сообщает, что, когда он был послом в Англии, Карл II дал согласие предоставить в распоряжение Людовика XIV все имевшиеся у него силы, чтобы помочь ему завоевать всю Фландрию, при условии, что король пришлет ему на подмогу 10 тыс. пехотинцев и какое-то число кавалеристов в том случае, если его, Карла, подданные начнут бунтовать. В послании от 9 декабря Людовик XIV пишет графу д'Эстраду, что Карл выдал ему карт-бланш, а потому он может делать с Нидерландами все, что ему заблагорассудится.

принадлежавших этому дому владений, то оказалось бы, что англичане понесли колоссальные затраты лишь для того, чтобы остаться второстепенной державой и по-прежнему идти в кильватере происходящих в Европе событий, а не задавать им тон.

Как случилось, что столь просвещенная нация, как Англия, так долго пребывала в эйфории от идей короля Вильгельма и лишь по чистой случайности стала вновь осознавать свои собственные интересы? Поразительно, что именно при лорде Болингброке, министре, от которого менее, чем от кого-либо, можно было ожидать, что он станет рассматривать бюрократическую косность или, иначе говоря, всеобщие предрассудки в качестве принципов политики, англичане взбунтовались против заключения Утрехтского мира, а он не разъяснил им в своих апологетических сочинениях, что этот мир является доказательством величия английской нации. Он удовольствовался тем, что изобразил англичан самыми горячими поборниками системы сдержек и противовесов и показал им, что если бы они осуществили проект передачи Карлу VI всего австрийского наследства, то им вскоре пришлось бы восстать против дела рук своих и перейти на сторону Франции.

Лорд Болингброк

* * *

Среди второстепенных держав существуют и государства иного рода. Не столь приблизившись к доминирующим держа-

вам, как те, о которых я говорил выше, они еще испытывают нужду в увеличении благосостояния, прежде чем достигнут положения, когда сумеют стать во главе политики. Они могут извлекать выгоды из распрей между более сильными державами и наращивать собственную территорию за их счет.

Досадно, что ради счастья человечества нельзя противопоставить честолюбивым устремлениям таких держав ничего, кроме нравственных увещаний, — но отнюдь не политические доводы. Добиваясь расширения территории, они не подвергаются никаким опасностям, которые из-за того же самого честолюбия нависают над более могущественными государствами. Поскольку такие державы играют в делах лишь второстепенную роль, основное внимание уделяется вовсе не им, ревнивые взгляды направлены никак не на них, и всеобщая ненависть, которая обходит их стороной, обрушивается всей мощью на державы, побуждающие их действовать и покупающие их помощь.

Часто, и опыт это подтверждает, им удавалось не навлечь на себя чужой ненависти, пусть даже для повышения благосостояния они пользовались совсем иными средствами, нежели такими, которые подсказывают справедливость и добросовестность. Их слабость служит им в какой-то мере извинением: то кажется, будто они действуют, лишь уступая необходимости, то счастливый случай посылает им какой-нибудь благовидный предлог для проведения той или иной политики.

Имея поддержку государства, ради которого совершили вероломный поступок, они не боятся его упреков, а сетования со стороны державы, которую предали, иногда воспринимают упрек как похвалу (столь порочны нравы!) либо объясняют как естественную реакцию обиженного.

Карл-Эммануил, герцог Савойский, первым взял себе за неизблемое правило не питать ни особой неприязни, ни привязанности к кому бы то ни

было, и попеременно становился на сторону то Франции, то Испании — в зависимости от того, кому из них удавалось проявить больше ловкости и предложить более выгодные условия за его временную лояльность. С тех пор как туринский двор добился от Франции уступки ему маркизата Салуццо¹, а затем Пиньероля, долин Праджелато, Улькса и Бардонеккьи и других земель, в результате чего захватил господство над Альпами и по своей прихоти может открывать и закрывать для Франции вход в Италию, союз с ним обрел ценность для всех государей, которые участвуют в войнах, ведущихся по ту сторону Альп*. Савойя выставляет союзнические отношения на торги, и прошлый опыт дает ей все основания рассчитывать на неплохой куш в будущем.

**Карл-Эммануил I, герцог
Савойский**

Чтобы привлечь к себе внимание в мирное время, второстепенные державы заинтересованы в том, чтобы глубже вбивать клин между великими державами, потакать их страстям и посредством хитроумнейших переговоров, полных двусмысленных намеков и проводимых как с одной, так и с другой стороной, внушать обоим мысль, будто они разделяют их взгляды, подавать надежду всем, не беря однако же на себя никаких определенных обязательств. Это правда, что, придерживаясь такой политики, правитель не снискает дружбы великих держав (да она и не принесла бы ему никакой поль-

¹ По Лионскому договору* между Францией и Савойей (1601 г.). Пиньероль был уступлен по Туринскому договору (1696 г.). См. также договор, заключенный между Францией и Савойей в Утрехте (1713 г.).

зы), но он приучает их ни в каком случае не обходиться без него, поддерживает в них готовность оказывать ему услуги и даже возбуждает среди них своеобразное соперничество, коим воспользуется в зависимости от обстоятельств. Война, несущая бедствия всем прочим государствам, — для него будто манна небесная. Он должен принимать в ней участие, если у него нет каких-либо особых причин этого не делать; ведь как правило война ведется вовсе не за его счет. Она даже приносит ему доход в виде субсидий, а мир по ее окончании непременно окажется ему выгоден, если, неизменно храня верность своим принципам, он проявит несложное искусство оказаться к концу войны союзником той державы, которой удача улыбнулась больше всех.

Я мог бы испытать неловкость от только что изложенных макиавеллистских принципов, если бы из них нельзя было извлечь выводов, полезных людям. Итак, не подлежит сомнению, что главенствующие державы менее враждебны друг другу, чем нижестоящим государствам, которые могут прирастить территорию лишь за их счет. Союз между великими державами заставил бы второстепенные смириться со своей судьбой; и представляется, что второстепенным державам не дозволено иметь полезных амбиций, помимо тех, что способны обуздать честолюбивые устремления главенствующих держав, чьи ссоры вызывают всеобщее опустошение.

Обязательства, взятые в мирное время правителями второстепенных держав, желающими расширить свои владения, редко выполняются скрупулезным образом, ибо противоречат основополагающему принципу их политики — не иметь никаких устойчивых союзнических отношений, не ставить себе никаких ограничений и сохранять за собой свободу извлекать выгоду из любых благоприятных обстоятельств.

Какими бы непрочными ни были эти договоры с рас-

плывчатыми формулировками, заключенные в расчете на определенное развитие событий, договоры, которые подписывают с намерением придать им силу в неопределенном будущем, все же доминирующие державы не должны ими пренебрегать. Подобные союзы могут иногда служить основой для более выгодных договоренностей, готовят почву для взаимодействия, в известной степени приучают государства считать друг друга партнерами (*amis*). Одним словом, заключать бесполезные или сомнительные договоры опасно лишь в тех случаях, когда их участники настолько бездарны, что не в состоянии определить им цену. Доминирующая держава должна заключать эти союзы, памятуя о том, что сто из них, если угодно, окажутся, бесполезны, однако сто первый, может быть, принесет ей выгоду.

В интересах правителя второстепенной державы — стремиться увеличивать свою территорию лишь за счет доминирующих держав. Тем самым он не наживет себе врагов: ведь какие бы ни были у них причины для жалоб в его адрес, еще больше у них найдется причин простить его и добиваться его дружбы.

Успехи туринского двора подтверждают мой тезис. Савойя сумела обогатиться лишь за счет тех уступок, которые были вынуждены сделать в ее пользу Австрийский дом и Франция; она поочередно становилась то союзником, то противником этих держав; они обе нередко сетовали на ее политику, однако не переставали добиваться союза с ней. Принцип, гласящий, что никакой державе никогда не следует становиться врагом более слабого государства, носит общий характер и, возможно, вообще не терпит исключений.

Глава восьмая

Третьестепенные державы. Об их интересах. О том, какую политику проводят по отношению к ним главенствующие державы

У третьестепенных держав имеется слишком много причин не питать честолюбивых замыслов и не помышлять о расширении территории. Всякий правитель, который не в состоянии обеспечить неприкосновенность своей территории и уважение к своему нейтралитету, должен опасаться быть втянутым в войну. В мирное время он ведет переговоры, и, когда его требования основаны на очевидном праве, бывает как-то стыдно не поделиться с ним хотя частью того, что ему принадлежит.

Если он наделен великими дарованиями, то обеспечивает подданным изобилие и прилагает усилия, чтобы сделать их счастливыми. Для своего народа он как отец семейства и постоянно, вновь и вновь, испытывает удовлетворение от того, что ничто не ускользает от его бдительного ока.

Ежели он человек обыкновенный, то ведет жизнь крупного вельможи, а имеющиеся у него богатства позволяют ему удовлетворять все свои прихоти.

Когда начинается война, ему приходится, напротив, принимать те законы, которые навязывает победитель — или суровая необходимость. Нередко даже союзники обращаются с ним как с врагом, и при наступлении мира его страна оказывается полностью разоренной. Зачастую бывает и так, что великие державы достигают примирения как раз за его счет; иногда под предлогом защиты его государства они размещают гарнизоны в принадлежащих ему крепостях, ос-

твляя ему в его же собственных владениях лишь видимость суверенитета (*souveraineté imaginaire*).

Какими бы законными ни были права третъестепенной державы, пусть она заранее готовится к тому, что они наверняка окажутся поставлены под сомнение и что ее вялые покровители будут проявлять ровно столько рвения для их защиты, насколько сами будут заинтересованы в том, чтобы оказать услугу правителю для них бесполезному или почти бесполезному.

Чтобы уязвить своего врага, великая держава способна под влиянием сиюминутного раздражения потребовать, чтобы он удовлетворил претензии какого-нибудь мелкого князька или возвратил ему некие ранее несправедливо захваченные владения. Когда же раздражение проходит, все возвращается в привычное русло.

Например, в 1664 г. Людовик XIV потребовал, чтобы римская курия отменила аннексию (*incamération*) княжеств Кастро и Ронсьйоне, отобранных у герцога Пармского*, и удовлетворила притязания герцога Моденского на крепость Комаккьо и прилегающие к ней долины*. Эта статья Пизанского договора* до сих пор не выполнена, а князья, в интересах которых она была составлена, ничего не получили, кроме пустого удовольствия наблюдать, как выдвигаются условия, мешающие их правам, которые не могут осуществиться, утратив силу за давностью лет.

В прежние времена герцоги Мантуанские владели городом, считавшимся самым укрепленным в Европе*; его местоположение позволяло им выторговывать для себя разные выгоды при заключении союзов во время итальянских войн*. Думаю, впрочем, что, может быть, эти князья обрели бы куда более осязаемые преимущества, проводи они политику как правители государства, вместо того, чтобы играть

на бирже, подобно банкирам. Не подлежит сомнению, по крайней мере, что они проявили бы больше достоинства и лучше бы выполнили свой долг по отношению к подданным, если бы заявили о нейтралитете, объявив двум армиям, что откроют крепость врагу той державы, которая станет предпринимать какие-либо враждебные действия в отношении их владений.

Стало быть, занять нейтральную позицию — это самое мудрое, что может сделать держава, когда у нее нет разумных оснований рассчитывать на увеличение своего благосостояния. Однако нейтралитет должен соблюдаться самым неукоснительным образом, ибо сильнейшей стороне достаточно будет самого ничтожного предложения, дабы воспользоваться на территории такой державы правом войны.

Некоторые мелкие князья предпринимали попытки привнести в свою политику больше изощренности (*raffinement*). Иногда они осмеливались подниматься на уровень политики, свойственной второстепенным державам: они нарушали обязательства и предавали союзников в надежде увеличить свое благосостояние, для чего всегда становились на сторону победителя. Однако при этом они не учитывали, что не обладают достаточной мощью, чтобы к ним стали питать благодарность за их вероломства; более сильные державы испытывали столь же сильное желание наказать их как следует и вволю похозяйничать в их землях, сколь получить помощь от их слабых сил.

Как нет ничего более неразумного, чем поведение государства, не умеющего при постановке целей учитывать собственную слабость, так и нет ничего более по-детски глупого, нежели тщеславное выставление напоказ своей мощи великой державой, когда она ведет переговоры с правителем небольшого государства. Все верховные правители одинаково независимы, и к этой независимости следует

повсюду проявлять равное уважение. Правитель крупной державы, находящий удовольствие в том, чтобы требовать от мелких государств соблюдения обязательств, которые их унижают, слишком, по-видимому, ослеплен благополучием, дабы оное заслуживать. Не совершает ли он безрассудства, приучая тем самым всю Европу к мысли о том, что бóльшим уважением у него пользуется право, основанное на силе, а не на справедливости? В интересах великих держав защищать тех, кто не внушает им никаких подозрений. Проявлять к ним великодушие так легко и вместе с тем так выгодно, что я никак не могу взять в толк, почему этой выгодой пренебрегают.

Одной из самых серьезных ошибок, допущенных преемниками Карла V, было то, что они вселили тревогу в мелких князей Германии и Италии. У одного из них они отнимали деревушку, у другого — замок, как будто подобные завоевания могли сильно ускорить процесс создания универсальной монархии. На самом деле подобные грабежи лишь вызывали к захватчикам всеобщую ненависть.

Когда великая держава затевает сегодня какое-нибудь дело, не предусмотрев его пагубных последствий, она уже не может никаким образом от него отказаться. Совершив опрометчивый поступок, она опасается, и не без оснований, как бы ее не заподозрили в том, что она идет на попятный лишь из страха; ведь и союзники, и враги стали бы ее презирать. Переговоры, которые держава ведет в такой ситуации, проникнуты страхом и ложно понимаемой честностью; они говорят о ее затруднительном положении; и в отчаянии она обыкновенно заканчивает тем, что усугубляет свою оплошность.

Если бы эта держава доказала в отношениях со слабейшими из правителей, что достойна уважения благодаря

любви к справедливости, если бы никогда не хотела, чтобы превосходство в силе рассматривалось как основание ее прав, то она бы, напротив, всегда располагала готовым ресурсом для устранения последствий своих промахов или неосмотрительных поступков. Никто бы не изумился ее сдержанности, и, отступая перед соперницей из страха, но сохраняя достоинство, она представила бы дело так, будто отдает дань справедливости и разуму.

Глава девятая

О союзах. Об их разнообразных типах. О том, как опасно их смешивать.
О естественных союзниках и врагах

Если не ошибаюсь, то, применяя принципы, описанные в предыдущих главах, к политике, которую европейские державы проводили на протяжении двух столетий, не составило бы труда заключить, сколь они слабы или сильны в настоящее время. В зависимости от того, насколько последовательно каждое из государств придерживается этих правил, можно увидеть, какое из них получит больше, а какое — меньше преимуществ от своих переговоров. В этом и только в этом состоит все искусство их подготовки — самая трудная и самая важная часть науки переговоров. В дальнейшем в ходе переговоров встает вопрос лишь о том, чтобы сформулировать несколько второстепенных принципов насчет союзников и обстоятельств, в которых государство вступает в переговоры с ними или же с врагами.

Все союзы имеют различную природу. Такой-то народ является моим естественным союзником, другой может мне предложить лишь сомнительный по надежности альянс или же присоединяется ко мне исходя из сиюминутных интересов или по случаю. Самым полезным союзам иногда не дают сложиться какие-нибудь разнонаправленные интересы, и не все союзы одинаково выгодны. Нет ничего важнее для государства, чем четко и ясно осознать все эти различия: в противном случае есть риск, что оно станет действовать наугад; оно обесценит свою дружбу, оно потеряет верного союзника, чтобы приобрести взамен фальшивого друга, и все его планы неизбежно начнут противоречить один другому.

Соседние государства естественным образом враждуют между собой, если только одинаково присущая им слабость не заставляет их объединиться в целях создания федеративной республики, а их устройство, которое подобно или аналогично тому, что существует в Швейцарии, не предотвращает противоречий, порождаемых соседством, и не гасит тайную ревность, заставляющую все государства наращивать территорию за счет соседей. Таким образом, по причинам противоположного характера две державы могут стать естественными союзниками, когда из-за своего внутреннего положения не в состоянии причинить друг другу никакого зла. Однако такой союз будет лишен животворящей энергии и останется бесплодным (*froide et stérile*), если они неспособны оказывать друг другу какие-нибудь услуги. Степень важности таких услуг свидетельствует, в свою очередь, о степени прочности союза между двумя нациями, о степени его жизнеспособности.

Например, Франция и Швеция заключили с Оттоманской империей образцовые союзы, которые могут связать государства теснейшими узами. Эти державы не в состоянии причинить друг другу никакого вреда, но, напротив, извлекают из своего союза громадные преимущества. У них имеются общие враги и, следовательно, военные действия, ведущиеся одним из союзников, дают передышку другому. В северных землях Швеция граничит с Россией, которая на юге соседствует с Портой; а Австрия, разделившая с Турцией Венгрию, также владеет территориями вдоль Рейна и в Нидерландах. Чем ближе к сердцу союзники будут принимать интересы друг друга, тем больше возрастет их влияние.

Имея дело с союзниками такого рода, не представляет труда уразуметь, исходя из каких принципов надлежит вести переговоры. Здесь не идет речь ни о хитрых уловках (*finesse*), ни о том, чтобы застать собеседника врасплох; самая искус-

ная (*habile*) политика — та, которая принесет наибольшую выгоду союзнику. Отказывать в добрых услугах из опасения столкнуться в ответ с неблагодарностью было бы грубейшей ошибкой. Пусть я не могу рассчитывать на признательность со стороны моего союзника при первом же случае, когда мне понадобится его помощь, но я не должен, по крайней мере, давать ему предлога для того, чтобы в ней отказать. Чем нагляднее я докажу ему, он поступит несправедливо и дурно, ежели меня подведет, тем меньше вероятность, что он это сделает, и таким образом я сумею сдерживать врагов. Коль скоро окажется, что, не придя мне на помощь, мой союзник действует наперекор своим же интересам, разумно ли будет мне самому в стремлении расквитаться с ним забыть о моих собственных? И в то время как я должен трудиться над укреплением связывающих нас уз, правильно ли будет окончательно разрывать их в порыве раздражения и досады?

Достаточно взглянуть на географическую карту и увидеть, какими землями владеют те или иные державы, чтобы понять, кто их естественные союзники или враги. Однако важно заметить, что под давлением конкретных обстоятельств и союзы, и причины для возникновения ненависти и соперничества могут меняться и видоизменяться сотней различных способов. Правители малых стран, граничащих с крупной державой, могут не рассматривать ее в качестве врага, если она сама занята борьбой с могучим противником, отвлекающим на себя все ее внимание, либо достаточно мудра, чтобы понимать, сколь важно не увеличивать территорию за счет государств, не представляющих для нее никакой угрозы, государств, которые будут вынуждены ей повиноваться, даже не будучи побежденными, ежели она сумеет побороть могучих врагов, мешающих ее процветанию. Не стану распространяться здесь о взаимных обязанностях, выполнения коих здравая политика требует в отношениях

с подобными соседями; мне пришлось бы лишь повторить то, о чем говорилось в предыдущих главах, или же вывести из вышесказанного заключения, которые и так не могут ускользнуть от пронизательного взора читателей.

Иногда две великие державы, которые никак не могут ужиться между собой и должны были бы демонстрировать взаимную ненависть, по каким-то определенным причинам объединяются.

Так, например, поступили в начале нынешнего века Франция и Испания. Будучи кровными родственниками, правители этих двух монархий создали союз двух наций*, и Филипп V, повздоривший со всеми естественными союзниками Испании, мог рассчитывать лишь на Францию при отстаивании прав своих сыновей от второго брака на пармское и тосканское наследства*.

А республика Соединенных провинций вскоре после заключения Пиренейского мира вступила в самый тесный союз с мадридским двором, владевшим [Южными] Нидерландами. Поскольку голландцы испытывали меньше страха перед застарелой ненавистью к ним со стороны сильно ослабшей Испании, чем перед честолюбием Франции, которая в надежде на расширение своей территории обращала жадные взоры в сторону Фландрии, они полагали, что в их интересах поддержать соседа, казавшегося им гораздо менее грозным, нежели его враг; и именно потому, что Соединенные провинции приобрели привычку с опаской смотреть на французское соседство, они возымели желание в начале нынешнего века воспрепятствовать усилиям Франции и сегодня по-прежнему считают своим оплотом венский двор.

Нередко бывает так, что территории двух держав отстоят далеко друг от друга, и тем не менее они не могут стать союзницами. Приведу один пример, чтобы пояснить свою мысль.

Уверяют, будто бы во время путешествия во Францию, которое царь Пётр Великий предпринял в период несовершеннолетия короля*, завязались некие переговоры в целях заключения союза между Францией и Россией. Будь этот союз заключен, он не принес бы никакой выгоды договаривающимся сторонам, ибо противоречил их интересам. Петербургский и версальский дворы может объединить лишь торговля; но при этом торговля, если только переговоры не идут с государством чисто купеческим, никогда не берет верх и никогда не должна брать верх над военными интересами, над стремлением обеспечить сохранение и безопасность собственных земель.

Пётр I

В силу расположения своих провинций Россия должна быть теснее связана с Австрией, нежели с Францией, ибо лишь с первой у нее есть общий враг*. Совершая полезный для союзника отвлекающий маневр, царь становится защитником Венгрии от турецких войск, и чем теснее его союз с венским двором, тем больший страх внушает он турецкому султану, который должен опасаться, что ему придется оборонять свои позиции на Дунае, ежели он вздумает открыть военные действия на Днестре. Заключи Россия союз с Францией, она вызвала бы недовольство в Вене и Лондоне, а Франция возбудила бы подозрения у Турции и Швеции. От такого союза пострадала бы репутация обеих сторон, и их стали бы обвинять в невежестве и легкомыслии.

На этом примере видно, сколь опасно бывает иногда заключать союзы: полагая, что увеличивает свои силы, государство, напротив, может их подорвать.

Хотя мудрая политика состоит в том, чтобы приносить как можно больше добра своему естественному союзнику, не следует, однако, делать отсюда вывод о том, что ради ослабления врага надо стараться причинить вред державам, которые с ним связаны и должны в случае нужды прийти к нему на помощь. Столь неразумная политика лишь укрепит соединяющие их узы.

Вообще, по отношению к естественным союзникам своего врага надлежит руководствоваться теми же принципами, которых, как я определил, доминирующая держава должна придерживаться в отношении державы-соперницы: ей следует постоянно быть настороже. Их нужно связывать обязательствами, создавать им помехи в делах малозначительных, но ни в коем случае не прилагать усилий для наращивания их могущества, ибо тот, кто это делает, рискует впоследствии пожалеть о своих благодеяниях.

Если некий правитель ощущает необходимость вступить в союз с моим недругом, если он действует в соответствии со своими интересами, почему бы и мне не показать ему, что я ценю его дружбу, пусть даже предвижу, что однажды придется бороться против него? И ежели я строил свою политику исходя из принципов справедливости и великодушия, то даже в момент разрыва отношений я смогу по-прежнему вести с ним переговоры.

Если же такой правитель начнет действовать против меня, то, значит, его вынудили к тому некие обязательства, взятые им на себя по какому-либо договору, но не под влиянием порыва, вызванного ненавистью. Может быть, поступая честно по отношению к нему (*par mes bons procédés*), мне удастся перетянуть его на свою сторону и побудить выполнять обязательства перед союзниками нехотя и с прохладцей. Может быть, он отыщет какие-нибудь причины, чтобы

и вовсе от них избавиться, и тогда в лице союзника моего врага я даже приобрету посредника.

Иногда случается так, что у естественных союзников интересы совпадают лишь частично, а частично расходятся.

В качестве примера можно привести взаимоотношения Австрии и Англии. Их территории расположены таким образом, что они не могут причинить друг другу никакого вреда. Англичане должны желать Австрийскому дому процветания, ибо для них он — тот жупел, которым они пользуются для устрашения Франции, чтобы не дать ей перебросить основные силы на море. Со своей стороны, венский двор питает благосклонность к англичанам. Не будучи торговой державой, Австрия не испытывает зависти к их коммерческим успехам, но, напротив, рассматривает торговлю как источник богатств, коими англичане нередко осыпали ее за оказанные им услуги.

Однако Англия — это торговая держава, которая должна вести войну лишь из соображений ближайшей или по крайней мере грядущей выгоды для ее торговли.

И напротив, Австрия, превратившаяся во второстепенную державу после того как пресеклась ветвь Карла Пятого*, сохранила тем не менее свои прежние притязания и еще не оставила мысль о великих завоеваниях.

Вот где интересы двух союзников начинают расходиться.

Почти все англичане в конце концов стали придерживаться того же мнения об Утрехтском мире, что и лорд Болингброк; они чувствуют, что нельзя позволить Вене усилиться до такой степени, чтобы она смогла обходиться без них, и что надобно подогревать ее честолюбие, одновременно его сдерживая. Если бы Англия начала проявлять по отношению к Австрии слепое снисхождение, она опустилась бы до роли банкира у нее на посылках; и для нее не было бы смысла, преодолевая колоссальные опасности, вести торговлю по всему миру, если бы она делала это лишь ради того, чтобы принести все ее плоды в жертву честолюбивым замыслам союзника.

В столь щекотливой ситуации Англия часто вела политику, заслуживающую всяческих похвал, проявляя ловкость при согласовании собственных интересов с интересами союзника: она выступает против учреждения им торгового заведения в Остенде, но становится гарантом Прагматической санкции* императора Карла VI и использует все свое влияние для поддержки нового порядка наследования императорского престола*. Чтобы сохранить имперскую корону за Австрийским домом, англичане ничего не упускают из вида, однако отказываются принимать участие в венгерских войнах — из опасения навредить своим торговым интересам в Леванте. Турция высоко ценит их сдержанность в этом вопросе, благодаря чему они обретают возможность оказывать Вене услуги; ибо когда та утратила в Венгрии избыток силы, который позволял ей вносить излишнее беспокойство на Западе, в интересах англичан стало помочь ей заключить мир.

Неучастие в войне, разразившейся между Францией и Австрией в 1733 г.*, было со стороны Англии проявлением или чрезвычайной ловкости, или же необыкновенной удачливости. Английское правительство полагалось в этом случае на миролюбивый характер кардинала Флёрри, которого тяготы войны приводили в слишком сильное замешательство, чтобы он вдруг стал пытаться злоупотребить первыми успехами французского оружия. Вне всякого сомнения, если бы Франция не подписала в 1735 г. прелиминарные статьи мирного договора*, которые предусматривали приостановку военных действий, англичане непременно пришли бы на помощь императору Карлу VI; однако им не следовало впасть в раздражение от того, что Вена столь неудачно попытала свои силы; раз убедившись на опыте в необходимости согласовывать собственные намерения с намерениями англичан, впоследствии она уже не проявляла былой прыти и куда сильнее была расположена считаться с интересами союзников.

Когда подобными союзами управляют неумелые (*mala-droits*) политики, они неизбежно создают всеобщую путаницу и неразбериху. В тех ситуациях, когда интересы союзников

совпадают и поэтому они в принципе могут сколько душе угодно проявлять предупредительность, оказывая друг другу добрые услуги, и всячески демонстрировать искренность и рвение, они делают все, чтобы создать себе как можно больше трудностей, и, сосредоточивая внимание лишь на том, что должно их разобщать, рассматривают все действия друг друга под увеличительным стеклом и этим взаимным недоверием замедляют движение к цели. Они ищут случая заставить друг друга врасплох и при ведении переговоров не проявляют той искренности и доброй воли, которые естественные союзники должны неизменно демонстрировать, даже обсуждая такие дела, которые вынуждают их действовать порознь.

Никогда, пусть и держа в руках точные весы, подобные политики не умеют как следует определять, в чем состоят их интересы, когда оные отличаются от интересов союзников или противоречат им. Они никогда не примеряют их к конкретным изменяющимся обстоятельствам, в которых попеременно оказываются, и не разбирают, какое значение им следует придавать в том или ином случае. Они плывут по течению и вязнут в повседневных заботах; отсюда обманутые ожидания, просчеты и все эти взаимные упреки и неприличные выпады, которые никак не могут излечить прошлых недуг и мешают поссорившимся союзникам помириться.

Сильнейший из участников союза никогда не должен злоупотреблять своим превосходством, чтобы с высоты положения склонить другого союзника к своей точке зрения — таким высокомерным отношением он только восстановит его против себя. Наоборот, ему следует мало-помалу приучить союзника к своему образу мысли посредством оказанных любезностей. Обыкновенно державы чересчур много думают о помощи, которой могут ожидать от союзников, и недостаточно о той, которую сами обязаны им предоставить. Эта ошибка

рождает тысячи других, в результате чего переговоры между союзниками проходят с большими затруднениями.

Венскому двору надо бы открыть глаза и трезво оценить свое положение. Хорошо бы ему уразуметь, что политики, по-прежнему считающие Австрийский дом соперником Франции, заблуждаются. Вене надлежит отдать себе отчет в том, что ее вклад в союз с Англией ограничивается бесполезными людскими ресурсами, которые можно привести в движение лишь на английские деньги, и что со своими деньгами англичане вообще-то способны найти союзников повсюду.

Англия же, со своей стороны, должна задуматься о том, что при прочих равных условиях новые союзы столь же хрупки, сколь прочны старые. Какие бы добрые намерения ни руководили новыми союзниками, их медлительность (*lenteur*) при ведении переговоров неизменно вредит осуществлению их планов. Иной раз проходит некоторое время, прежде чем они приобретут привычку действовать сообща и смотреть на вещи одинаково, установят доверительные отношения, которые позволяют обходить мелкие препятствия стороной.

Англичанам ничего не остается, как оказывать Австрийскому дому выгодные для него услуги, приходя ему на помощь; с другой стороны, бывают обстоятельства, когда Вена оказала бы весьма плохую услугу Англии, если бы взялась ради нее за оружие.

Например, в морской войне против Франции, которая слабее англичан на море, в интересах последних было бы разрешить возникшие противоречия без посторонней помощи. Если бы они побудили своих союзников начать военные действия против Франции на суше, они бы, что называется, бились с врагом там, где он сильнее. Оказавшись вынуждены поддержать союзников, они упустили бы из вида ситуацию на море и наверняка при заключении мира им пришлось бы вернуть захваченное, дабы и к союзникам возвратилось то, что они утратят.

Похоже, англичане как следует осмыслили то положение, в котором находились в начале нынешней войны*, ибо сперва вели переговоры лишь ради одной цели: не допустить, чтобы она перекинулась на сушу.

Однако что скажут политики, наблюдая за тем, как английское правительство в течение года пользовалось своим превосходством в силе? Франция получила время для организации флота и оказания помощи жителям американского континента, которых англичане своей деспотией (*tyrannie*) восстановили против себя. Осуществив ранее бесполезную для их целей и сугубо несправедливую разбойничью вылазку*, которая неизбежно должна была вызвать к ним всеобщее отвращение, англичане догадались прийти на помощь Минорке лишь тогда, когда форт Сан-Фелипе оказался в осаде*, да и то при этом эскадра, в конце концов посланная ими в Средиземное море, была не в силах что-либо предпринять*. Наконец, длинная цепь ошибок привела к тому, что они разожгли в Германии войну, которая наверняка заставит их слишком крепко увязнуть в континентальной Европе, чтобы они могли думать еще и о господстве на морях и об американских колониях.

Глава десятая

О союзах, заключенных исходя из сиюминутных интересов или по случаю

Когда держава вступает в союзы лишь исходя из сиюминутных интересов или по случаю, то самая серьезная оплошность, которую она может совершить, — это начать рассматривать такие союзы как устойчивые, постоянные или естественные. Подобная ошибка встречается гораздо чаще, чем думают; сплошь и рядом можно видеть, как державы, сблизившись благодаря случайному стечению обстоятельств, пользуются моментом, дабы побудить нового друга принять на себя бессрочные обязательства. Но для чего заключать договоры, которые никогда не должны быть выполнены, вступать в ситуации, могущие повредить твоим интересам, либо навлекать на себя заслуженные упреки в недобросовестности и невыполнении обещаний?

С любым государством, которое не является естественным союзником, можно вступить лишь во временный союз, и держава рискует свернуть на ложный путь, если не будет с предельным вниманием следить, существуют ли по-прежнему интересы, ради которых эти временные альянсы возникли.

Правители входящих в Империю княжеств, опасавшиеся после заключения Мюнстерского мира, как бы Австрийский дом, испытав унижение, не возымел желания отвоевать все, что потерял, и рассматривавшие императора как главного врага их свободы, завязали тесные отношения с Францией. И до тех пор пока эти ощущения у них сохранились,

нерушимости Рейнского союза* ничто не угрожало. Однако министры, пришедшие на смену кардиналу Мазарини*, разрушили это единение, которое было в интересах Франции, когда с удвоенной силой принялись наносить удары по императору и Австрийскому дому. По мере того как германские князья начали осознавать, что император Леопольд, занятый борьбой с текущими угрозами, все меньше думает о том, чтобы их покорить, единство Рейнского союза неизбежно стало ослабевать, — ведь в нем уже не было прежней нужды. Однако французское правительство этого не заметило и было повергнуто в изумление, когда императору удалось убедить Империю выступить в защиту Соединенных провинций в войнах 1672 г.*

Чем меньше ваш союзник нуждается в союзе с вами, тем менее он будет вам предан, а ежели его силы возрастают, то можете не сомневаться, что его дружеские чувства к вам поугаснут, ибо вполне естественно для государства, чувствующего свою силу, испытывать известную уверенность в себе, которая делает его более требовательным и более смелым.

Если подобная перемена в судьбе произошла вследствие какой-нибудь случайности, а не была достигнута благодаря разумной и осмотрительной политике, то она пробудит гордыню и дерзость; если же она стала результатом неустанной работы по управлению государственными делами, то держава, которая будет знать цену достигнутым преимуществам, не захочет безрассудно поставить их на кон. Ее поступки будут неторопливы и обдуманны, и она останется верным союзником лишь в той степени, в какой вы постараетесь доказать ей ценность союза с вами, ведя сходную с ней политику.

Бывали такие министры, которые, полагая, что все альянсы основываются исключительно на сиюминутных интересах, начинали заранее сомневаться в искренности

намерений союзника, испытывать ревность по отношению к имеющимся у него силам, и, чтобы крепче привязать его к себе, стремились сделать его более зависимым, для чего тайно мешали ему добиваться успехов, а услуги оказывали нехотя. Однако такая недостойная политика часто лишь ускоряла бегство союзников, коего опасались, и неизбежно приводила к тому, что государство лишалось части тех преимуществ, каковые ожидало получить в результате заключения союза.

Покуда держава является участником союза и у нее сохраняется заинтересованность в этом, ей следует руководствоваться принципами великодушия и преданности, которых должны придерживаться все искренние союзники. При помощи хитростей, уловок, половинчатых услуг нельзя никого обмануть и ни у кого вызвать благодарность, ведь отталкивая от себя одного из союзников, я дискредитирую себя и в глазах всех прочих. Ежели, видя, что тот или иной союз имеет преходящий характер, я не пожалею сил и сделаю все от меня зависящее, дабы его упрочить, безупречная репутация непременно расположит всех в мою пользу. Когда мой союзник покинет меня по причине того, что сохранять преданность более не в его интересах, он будет все еще опасаться нанести мне оскорбление; а перемены, постоянно происходящие в Европе, дадут мне возможность образовать какой-нибудь новый альянс, который вознаграждает меня за утрату прежнего и с момента зарождения будет прочен, ибо моя репутация внушит доверие новому союзнику.

Существуют союзы, которые должны разрушиться из-за процветания союзников. Так распадается единение двух держав, расположенных далеко друг от друга и объединившихся против общего врага, разделяющего их территории, по мере того как достигнутые ими успехи сближают их гра-

ницы и приводят к возникновению у них противоположных интересов.

Когда семь Соединенных провинций взялись за оружие, чтобы сбросить иго испанского владычества*, они встали на сторону врагов Филиппа II. Франции пришлось напрячь все силы, дабы оказать им содействие. Она видела огромную выгоду в том, чтобы подпитывать восстание, которое должно было отвлечь значительную часть испанских войск; а народившаяся республика, помышлявшая только о том, чтобы добиться признания своей независимости, на первых порах преследовала ту же цель, что и Франция: нужно было унижить Испанию – вот в чем состояла единственная забота обоих союзников. Однако когда им удалось добиться первых успехов, отвечавших их чаяниям, они начали неизбежно расходиться во взглядах. Франция, естественно, намеревалась извлечь выгоду из своего превосходства, дабы совершить завоевания и полностью очистить Нидерланды от испанцев. Для Соединенных провинций, напротив, было важно только сохранить свободу. И когда испанский двор испытал достаточно унижений и вынужденно признал их независимость, для них было выгоднее, чтобы Фландрия оставалась в руках Испании, нежели попала под владычество Франции.

Кардинал Ришельё, введенный в заблуждение собственной алчностью (*avidité*) или же ненавистью, которую голландцы испытывали по отношению к испанцам, повел себя в этой деликатной ситуации недостойным образом. Дабы укрепить союз с Соединенными провинциями, он должен был поставить перед собою ту же цель, что и они, и именно в этом заключались подлинные интересы Франции; ибо могла ли ей выпасть большая удача, нежели иметь на нидерландской границе соседа, неспособного ничего предпринять, которого было бы легко принудить к соблюдению долга, ибо он оказался бы зажат между двумя державами, одинаково пристально наблюдающими за его действиями, и союз с которым не претерпевал бы никаких изменений?

Однако если кардинал Ришельё хотел принести государство в жертву своей страсти к завоеваниям, не совершил ли он в этом случае еще одной

серьезной ошибки, подписав 8 февраля 1635 г. в Париже знаменитый договор о разделе*, по условиям которого Франция и Соединенные провинции намеревались изгнать испанцев из Нидерландов и поделить их владения? Это соглашение могло бы принести пользу в начале Голландской революции, поскольку разожгло бы тогда честолюбие и ненависть голландцев, считавших, что никогда не смогут отомстить в достаточной мере за тиранию Филиппа II*. В то время они были ослеплены своими страстями, а интересы Амстердама и Парижа, как я уже сказал, совпадали.

Однако в 1635 г. положение изменилось: брожение умов в Голландии успокоилось, и жители страны, наученные 12-летним перемирием, выгоды которого они ощутили на себе, были уже не способны на прежние подвиги. Если Ришельё стремился вовлечь Соединенные провинции в предприятие, отныне противоречившее их интересам, то зачем он демонстрировал им свои честолюбивые замыслы во всей красе, вместо того, чтобы их скрывать?

Едва лишь голландцы подписали договор о разделе, как у них открылись глаза, и они, увидев истинные намерения Франции, вдруг осознали собственные интересы. Ужас и страх охватили голландцев от того, что у их ворот оказался враг еще более грозный, чем Испания, и, раскаявшись, что заключили договор, они прекратили напрягать силы и вели войну спустя рукава*.

Когда отношения между двумя союзниками подошли к роковому пределу, после которого их интересы начинают расходиться, уловки и обман, к коим они прибегают, чтобы перехитрить друг друга, вредят им обоим в равной мере; искренность и честность — единственная политика, могущая принести им пользу.

Соединенным провинциям следовало сказать Франции: «Мы сбросили испанское иго, чтобы обрести свободу, и вы помогли нам в этом, так как считали, что тем самым удастся отвлечь силы досаждавшей вам державы

(puissance inquiète), которая свыше ста лет занималась только тем, что старалась возмутить спокойствие в ваших провинциях и захватить их.

Поскольку ваше благодеяние носило исключительно политический характер, проявите справедливость и не требуйте от нас иной признательности, нежели политической.

Если заботиться о нашей безопасности и предпочитать соседство Испании, наполовину побежденной, соседству нации, которую величие проявленного ею мужества и сама оказанная ею помощь научили нас опасаться, — означает нанести вам оскорбление, то вы станете тем, чем были для нас испанцы; мы будем вынуждены вас ненавидеть. Для того чтобы сохранить союз с вами, чтобы быть в состоянии непринужденно выразить нашу признательность, мы не хотим становиться вашими соседями и подвергать себя риску сделаться вашими врагами. Какое вам дело до того, что испанский король по-прежнему владеет в Нидерландах несколькими провинциями, наполовину опустошенными, раз мы, будучи едины, заставаем его отныне удовлетворяться тем, что у него есть сейчас?

Если слабость Испании вы считаете основанием для захвата ее владений, значит вы честолюбивы и, значит, вскоре, когда у нас будет общая граница, слабость нашей республики окажется для вас достаточным поводом, чтобы решиться на вторжение к нам. Мы полагаем, кроме того, что вы хотите овладеть Нидерландами скорее под влиянием старинной ненависти к Австрийскому дому, чем взвешенного честолюбия. Но если вы все равно желаете, чтобы мы отдали вашим интересам предпочтение перед своими, то не разрываете ли вы тем самым наш союз? И не устремились бы мы глупейшим образом навстречу собственной гибели, если бы не приняли мер предосторожности, дабы обезопасить себя от вашего честолюбия?»

Разве был бы у Франции в таком случае повод для жалоб? Сетовать, что обстоятельства изменились, значило бы жаловаться на то, что удалось добиться успехов, которые дали ей возможность диктовать условия Австрийскому дому. И разве могла она требовать, чтобы Соединенные провинции принесли свою свободу в жертву показной благодарности?

Однако вместо того, чтобы действовать с искренностью и прямоотой,

приличествующими республике, заслужившей своими подвигами свободы, за которую боролась, Генеральные штаты* проводили лицемерную политику, то отнимая у Франции надежду на сохранение их дружбы, то стараясь внушить ее вновь.

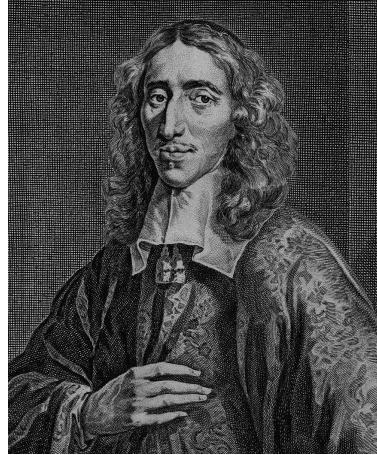
Французскому королевству не следовало идти на поводу у чувств, которые в него хотели вселить, и не впадать из-за них попеременно то в восторг, то в панику. Оно должно было предвидеть, что новые интересы союзника возобладают над давнишними предрассудками. Ему надо было принять важное для себя решение, однако заключенный кардиналом Ришельё договор внушал слишком приятные иллюзии, чтобы от них можно было легко отказаться.

Когда в Мюнстере Соединенные провинции подписали с Испанией сепаратный мир*, даже тогда это не открыло Франции глаза. Осыпав Генеральные штаты самыми горькими упреками, она внушила себе, что их прежняя ненависть к Испании ни на йоту не уменьшилась; что их послы на конгрессе в Мюнстере соблазнились деньгами мадридского двора и что республика, испытывающая стыд из-за проявленной ею неблагодарности, будет готова на все, чтобы загладить вину за якобы совершенное отступничество.

Однако в то время как граф д'Эстрад все еще вел в Гааге переговоры*, добиваясь выполнения этого необычайного плана, а в Париже уже поздравляли себя с тем, что удалось провести г-на де Витта*, внушив ему ложное представление об интересах его родины, Соединенные провинции вступили в Тройственный альянс с Англией и Швецией* — дабы противостоять продвижению Людовика XIV в глубь территории Нидерландов.

Французские министры, испытывавшие унижение из-за допущенного ими промаха и вынужденные пойти на заключение Ахенского мира*, решили отыграться на республике за свои собственные просчеты. Франция и Соединенные провинции возненавидели друг друга, ибо не сумели вовремя расторгнуть союзнические отношения, которые для обоих стало невозможно поддерживать, и эта ненависть явилась основным источником всех бед, обрушившихся впоследствии и на ту, и на другую державу.

Редко бывает так, чтобы интересы государств претерпели какие-нибудь изменения в мирное время. В разгар большой войны потребности приобретают более насущный характер, страсти утихают или бушуют с новой силой, и победа в одном из сражений или взятие одного города зачастую сближают противников и разъединяют союзников. Но именно после заключения мира министр иностранных дел должен

Ян де Витт

особенно тщательно изучить, какие изменения могли претерпеть ранее заключенные альянсы. Чем больше жертвы, понесенные правителями, тем больше возможностей для завязывания новых отношений может найти искусный министр. Государство, лишившееся части своей территории, повинется необходимости, но не теряет надежды вернуть утраченное. Победитель опасается, как бы кто-нибудь не замыслил отобрать у него завоеванное. Союзники, не отличившиеся во время войны, обвиняют друг друга в своих бедах и готовы вспылать взаимной ненавистью. Те, кому повезло, иногда ссорятся, деля добычу, или же их предводитель, оказывающий им покровительство, требует от них в знак признательности таких уступок, которые бы их унизили, что настраивает их против него. Из всего этого неизбежно рождаются новые интересы или страсти, которые заставляют посмотреть на прежние иными глазами.

Политики обыкновенно довольно хорошо постигают сиюминутные интересы (*petits intérêts*), движущие образо-

ванием временных союзов; и можно было бы удивляться, что от их пронизательности иной раз ускользают великие потрясения, изменяющие всю общеевропейскую систему, если бы не было известно, что государственное устройство европейских держав таково, что почти всегда люди, которым предстоит управлять государственными делами, приходят к власти в результате случайностей и интриг. А между тем невежда не может проводить никакой политики и способен разве что руководить повседневными делами канцелярий, тогда как интриган всегда воображает, что нация достигает благополучия теми же средствами, с помощью которых он сам сколотил состояние; именно поэтому миром правят страсти, предубеждения и корыстные интересы.

Итак, Вестфальский мир был заключен; Пиренейский мир унизил гордость Испании, и лишь голландцы заподозрили, что Австрийский дом, до тех пор выступавший доминирующей силой в Европе, переместился отныне на роль соперницы Франции. Англия же, которая со времени подписания Утрехтского мира представляет собой гораздо более могущественную державу, чем Австрия, к 1734 году еще не осознала, что стала соперницей Франции. Известные всей Европе два государственных мужа¹, лучше прочих разобравшиеся во внутренней политике страны и тонкостях управления ею, обращались тогда к Парламенту в таких же выражениях, какие были в ходу в царствование Вильгельма III: речь шла лишь о том, чтобы следить за сохранением всеобщей свободы и по-прежнему поддерживать равновесие между Францией и Австрийским домом.

Однако именно важнейшие интересы (*grands intérêts*) должны приводить в движение все остальное. Разве державы их не осознают? Ведь народы не могут пребывать в спокойствии, и будь их воля, растерзали бы друг друга войнами

¹ Сэр Роберт Уолпол и мистер Палтни, именуемый сегодня лордом Батом.

столь же бесполезными для победителей, сколь гибельными для побежденных.

После кончины императора Карла VI большинство французов были убеждены, что для Франции пробил наконец желанный час и что, с трудом одолев Австрийский дом, она будет доминировать в Европе, довершив разгром державы, которая одна только и препятствовала установлению свободы на континенте. Ходили разговоры о том, что во владении Австрии останутся только несколько провинций, что позволит ей рассчитывать лишь на второстепенную роль даже в составе Империи.

Несмотря на приобретение Богемии, правители Баварии, не будучи ни достаточно богатыми, чтобы подкупить, ни достаточно сильными, чтобы запугать германские сеймы и каким-то образом заполучить наследственную корону, дабы водрузить ее на свою голову, неизменно будут нуждаться в дружбе, помощи и защите со стороны Франции; Баварскому дому просто-таки придется во имя своих интересов действовать согласно представлениям версальского двора.

Франция, полагавшая в то время, что ее границы надежно защищены, намечалась перебросить все свои силы на море, и никто не сомневался, что ее многочисленные эскадры взяли бы верх над Англией, точно так же как французские сухопутные войска одержали бы победу над Австрией. В недалекой перспективе уже рисовалось унижение этого современного Карфагена*, и французы, обогатившись вследствие разгрома его торговли, вновь начали бы создавать крупные сухопутные армии, дабы держать в страхе континентальные державы. Король Франции, уже привыкший управлять Империей через своего наместника — императора, должен был в конце концов надеть корону Карла Великого себе на голову, поставить под ярмо германских князей и с берегов Дуная или Рейна начать рассылать указы всей Европе.

Этот великолепный проект, порожденный фантазией малопросвещенной публики, был всего-навсего прекрасной мечтой. Даже если бы Австрия потерпела крах, Франция ничуть не приблизилась бы к созданию вселенской монархии, ибо на месте отрубленной головы гидры

тотчас выросла бы новая. Интересы многих держав могли бы претерпеть отдельные изменения, однако в целом сложившаяся в Европе система осталась бы прежней. Правителям, лишившим наследницу Карла VI* ее владений, пришлось бы спешно искать союза с Англией. По всей Европе гремели бы слова «равновесие», «свобода» и «тирания». Вместо венского двора благосклонностью англичан стал бы пользоваться берлинский или мюнхенский двор*, чтобы обрести в Империи власть, которую осуществляли австрийские государи, и сделаться врагом Франции — в надежде расширить свою территорию за ее счет. Даже самые преданные союзники Франции наверняка приложили бы все усилия, чтобы заручиться дружбой англичан, а Франция, добившись ряда успехов, бесполезных для поддержания ее мнимого величия, была бы вынуждена вновь перебросить основные силы на сушу, оставив мысли о флоте, и Англия сохранила бы господствующее положение на море.

Глава одиннадцатая

О том, что необходимо обращать внимание на форму правления, положение и унастроение государств, с которыми заключаются союзы

Я доказал, что масштабы затеваемых проектов должны соотноситься с имеющимися у государства ресурсами и характером правления, иначе успехи, достигнутые в политике, в самый короткий срок будут сведены на нет. Здесь я прибавил бы, что, дабы сформулировать себе четкие правила ведения переговоров с естественными союзниками или же с теми, с которыми сложились только временные отношения, следует тщательно изучить, чего можно от них ожидать, учитывая политические принципы их правления, их нравы, обычаи и географическое положение их земель.

Многие державы, несмотря на внушительные размеры, взяли себе за правило сохранять нейтралитет; они стремятся лишь выжить; и желание вовлечь их в события, сотрясающие Европу, заставило бы предпринять множество бесплодных усилий.

* * *

Как бы ни старался посол из Вены, Парижа или Лондона втянуть Венецианскую республику в итальянские войны, ее Сенат все равно выскажется в пользу мира, ибо, какие бы выгоды ей ни сулили, они слишком ничтожны, чтобы заставить ее преодолеть страх, который внушает ей война.

Предположим, чтобы ввести венецианцев в искушение, кто-то стал бы прибегать к хитроумным интригам и лести. Это было бы напрасной тратой времени, ведь Сенат ни в

малейшей степени не похож ни на единоличного правителя, ни на народ в демократическом государстве, которых можно обвести вокруг пальца какими-нибудь улещиваниями.

Положим, кто-то стал бы ему угрожать. В таком случае Сенат выразит надежду, что держава, которая в достаточной мере уважает его силу, почему и желает привлечь его на свою сторону, чтобы этой силой воспользоваться, не вынудит его обратить оную против самой этой державы.

А что, если бы кто-то захотел воззвать к осторожности Сената, стремясь внушить ему ужас перед вселенской монархией, которой надо противостоять как можно раньше, до того, как сей замысел обретет реальные очертания? Прощлый опыт научит Сенат не опасаться за будущее, и Венеция станет спокойно ожидать момента, когда держава, которая, как ее убеждают, представляет для нее угрозу, ослабеет, причем как раз из-за своего честолюбия.

Может быть, если бы эта мудрая республика занимала одни только неплодородные земли и горы, куда не могла бы привлечь никакие богатства при помощи торговли, то она принялась бы торговать людьми, как это делают швейцарцы, которые, не испытывая беспокойства по поводу честолюбивых устремлений, тревожащих соседей, поставляют воинов всем, кто желает их купить, и полагают, что сама конфигурация правлений, существующих в европейских государствах, создает между державами равновесие, способное сохраняться без посторонней помощи.

Всё в Венеции способствует сохранению свободы, то есть не позволяет ни одному из патрицианских родов, которым принадлежит верховная власть, возвыситься над прочими и начать угнетать их. Венецианцы знают, что, если бы Венеция сделалась военной державой, вынашивающей честолюбивые замыслы, среди них возникли бы новые Суллы, Помпеи, Цезари, и что, покуда патриции ограничиваются

гражданскими должностями в правительстве, верховный военачальник, являющийся иностранцем и наемником, не будет иметь в республике никакого влияния.

* * *

Швейцарцы же, чьи кантоны представляют собой по сути свободные, суверенные и независимые республики, располагают всем необходимым для того, чтобы обороняться дома, но не имеют ничего, что позволило бы им вести выгодную войну за пределами их территории, и поэтому никак не могут быть завоевателями.

Когда народы, стесненные рамками их политического устройства (*constitution politique*), сами в себе несут препятствие для осуществления честолюбивых устремлений, которые им хотят внушить, бесполезно водить с ними дружбу в расчете сделать их вашими союзниками во время войны.

Самый искусный дипломат, умеющий заставить людей плясать под свою дудку, наверняка потерпел бы неудачу, предложив таким народам союзнические договоры; и даже если бы в результате какого-нибудь необыкновенного стечения обстоятельств такая попытка ему удалась, он оказал бы своему отечеству услугу весьма опасного свойства. Обретенный таким образом союзник не стал бы выказывать особого рвения и действовал бы в лучшем случае через силу, ибо механизмы его правления не позволили бы ему проявить большую энергичность. Он выполнил бы лишь часть своих обязательств, да при том с запозданием, и, не принеся почти никакой пользы во время войны, стал бы в конце концов обузой при заключении мира, ибо пришлось бы или оплатить его мнимые услуги, или запятнать себя позором, предоставив его самому заботиться о своих интересах.

* * *

Некоторые другие государства надели на себя путы в виде законов. Среди прочих к ним относится Польша, которая не нашла иного способа сохранить свободу, как сделавшись неспособной действовать и даже принимать какие бы то ни было решения*.

Воистину благо для человечества, что существует множество таких нейтральных держав. Благодаря им можно сберечь людскую кровь, у них мир находит себе прибежище, из них выходят посредники. Эти державы вовсе не враги государствам, стремящимся увеличить свою территорию, и, хотя они бесполезны как союзники, их все равно следует настраивать в свою пользу, оказывая им услуги. Тем самым можно будет и далее рассчитывать на их нейтралитет, а заодно и прославиться своим великодушием; к тому же в мирное время им может подвернуться оказия выразить признательность благодетелю. Однако с такими державами нельзя вступать ни в какие договоренности относительно оказания взаимных услуг в случае войны. Связывая обязательством неблагодарного, государство привыкло бы, может быть, к ложной мысли, что может рассчитывать на его признательность; да и неразумно было бы брать на себя обязательство о ведении войны в интересах державы, не способной самостоятельно добиваться успеха на театре военных действий.

* * *

По-видимому, Соединенным провинциям не следовало бы вообще принимать участия в войнах, не затрагивающих напрямую их территорию. По договору об унии Соединенные провинции представляют собой своего рода объединение республик, связанных конфедеративными отношениями и не могущих пребывать в таком согласии, которое является

залогом военных успехов; при этом структура их Генеральных штатов и штатов отдельных провинций неизбежно порождает чрезвычайную волокиту в принятии решений. Жители Соединенных провинций кормятся лишь торговлей и рыболовством. Впрочем, земля у них довольно плохая, да и то ее приходится с огромным трудом и затратами отвоевывать у моря. Такие владения оказались бы в тягость любому монарху, вздумавшему их завоевать.

Вышеназванные обстоятельства, несомненно, должны были бы превратить Соединенные провинции в нейтральную державу, но, поскольку во время длительной войны, принесшей им освобождение*, они привыкли держать в руках оружие, поскольку у них имелось правящее семейство, из которого вышел принц, создавший республику*, и знать, не желавшая перенимать новый, мещанский образ жизни и заниматься торговлей, — по этим причинам в граничивших с ними провинциях война велась с особым упорством.

Мужество, благодаря которому республика завоевала собственную свободу, и ее несметные богатства побудили многих самых могущественных правителей наперегонки искать союза с нею. Раздутое самомнение заставило замолчать политические соображения, и голландцы, которым льстило, что короли оказывают им чреватую опасностями честь, ведя с ними переговоры, безрассудно нажили себе врагов. После этого первого решительного шага уже нельзя было повернуть вспять и поменять политическую линию.

Соединенные провинции были связаны различными обязательствами, и, если бы даже они не согласились пожертвовать частью своих богатств ради удовлетворения честолюбивых устремлений других держав, то, возможно, против них сложился бы общий заговор, ибо даже союзники испытывали зависть по отношению к их богатствам; и все государства извлекли бы свою выгоду, если бы им удалось

погубить республику. Ведь и впрямь, какое множество отраслей торговли сформировалось бы у англичан, французов, датчан, шведов, португальцев, ганзейских городов* и т. д., если бы им посчастливилось победить народ, который, завладев богатствами всех наций, коим лень не позволяет развивать промышленность, сделался поставщиком товаров (*colporteur*) для всего света?

Вышеназванный недостаток в государственном устройстве (*constitution*) привел в движение противоположные интересы: одна часть (*classe*) граждан жаждала воевать, другая хотела мира. В результате республика почти все время делала то, чего ей не следовало делать, и почти всегда совершала ошибки.

Если бросить взгляд на донесения маршала д'Эстрада или графа д'Аво, то можно увидеть, что Генеральные штаты Соединенных провинций представляли собой в тот момент сцену, находившуюся в постоянном движении, и что деятельность иностранных министров, всегда зависящая от интриг, хитроумных уловок и интересов различных партий, каждая из которых попеременно берет верх, неизменно основывалась на одних лишь зыбких умопостроениях (*conjectures incertaines*).

Вместо того чтобы выступать с бессмысленными жалобами на республику, почему бы монархам, которые первыми завязали с ней переговоры, не вести их, сообразуясь с характером ее правления? Голландцы, без сомнения, совершили ошибку, создав государственное устройство, мешающее им неукоснительно выполнять те обязательства, которые они раздают направо и налево, но государи, ведущие с ними переговоры, заслуживали бы меньше порицания за то, что дорого покупают их дружбу и неопределенные обещания.

Если бы Королевский совет Франции заранее точно подсчитал, каких выгод можно ожидать от ведущихся в Гааге переговоров, он бы наверняка воздержался в 1662 г.

от заключения союза, о котором ему пришлось вскоре пожалеть*.

«Признаюсь Вам, — писал Людовик XIV графу д'Эстраду 19 декабря 1664 г. — что нахожусь в сильном затруднении: ведь ежели я буквально выполню договор 1662 г., то причину огромный вред моим коренным интересам, и все ради людей, от которых не только не получу никакой помощи, но и встречу противодействие в том единственном случае, когда мне понадобится их расположение; и тогда содействие, которое я им окажу, обернется против меня самого».

Когда подобная держава принимает участие в европейских событиях, невзирая на свое устройство, которое должно было бы такое участие исключить, неразумно пренебрегать союзом с ней и не вести с ней непрерывные переговоры. Поскольку она приобрела привычку действовать, я могу надеяться привлечь ее на свою сторону и оказать мне помощь; во всяком случае, мне следует опасаться, как бы враги не воспользовались моим бездействием, чтобы настроить или возбудить ее против меня.

Не хочу гадать, какой будет политика наследственных штатгальтеров после того, как, укрепив и расширив свою власть, они превратят собственные частные интересы в общие интересы всей нации. Но покуда роковой час не пробил, между штатгальтером и магистратами сохранятся все те же разногласия, которые будоражили Соединенные провинции после заключения Нимвегенского мира*, пока партия принца Оранского не взяла верх в Генеральных штатах и не начала управлять делами по своему усмотрению¹.

Иностранным державам не составит труда обезножить (obstruer), если можно так выразиться, весь организм

¹ См. документы о переговорах французского посла в Гааге графа д'Аво после подписания Нимвегенского мира.

(*corps*) республики, лишив ее возможности двигаться и не давая ей действовать. Одна партия послужит помехой для другой. Чем больше республика станет выказывать стремления к деятельности, тем меньше она будет действовать, а правители — ее союзники, рассчитывающие на помощь, соразмерную ее силам, чтобы добиться успеха в задуманных ими делах, рискуют увидеть их провал.

* * *

Империи, государству столь могущественному, если досконально учесть все ресурсы, которыми располагает каждый из германских князей, была бы уготована судьба благодаря его центральному местоположению в Европе играть важную роль на континенте, если бы все ее части, объединенные общими интересами, были способны действовать сообща.

Общее благо Империи, если понимать под ним нечто иное, кроме свободы составляющих ее княжеств, для каждого из князей в отдельности представляет собой нечто совершенно иллюзорное. Для них не имеет значения, будет ли Империя расширять свою территорию, ибо ни у кого из них могущества от этого не прибавится, а потому объединение германских государств (*le corps Germanique*), не имеющее общей честолюбивой цели, представляет собой не более чем аморфную массу, которую можно привести в движение лишь с превеликим трудом.

По всей видимости, Империя никогда не вела бы других войн, за исключением оборонительных, если бы императорам, владевшим огромными суверенными территориями за пределами Германии, не удалось побудить некоторых из своих главных вассалов вступить с ними в союз для защиты Испании, Миланской области, Неаполитанского королевства, Венгрии или Нидерландов, и эти отдельные союзы постепенно

приучили всю Империю уступать давлению, оказываемому наиболее сильными из государств, входящих в ее состав.

Германия представляет собой обширное пространство для проявления дарований дипломатов. Германские князья, объединенные законами, которые соблюдают лишь в том случае, покуда слабы, имеют право свободно вести переговоры с иностранными государствами во имя своих частных интересов. В любое время и при любых обстоятельствах умный (*savant*) политик может найти в Империи и союзников, и помощь, пусть даже речь идет о том, чтобы вести войну на тамошних землях, — ибо корыстные интересы отдельных князей перевешивают заботу об общем благе. Задача заключается лишь в том, чтобы продемонстрировать, что располагаешь силами, соизмеримыми с вынашиваемым проектом, изучить разнонаправленные притязания князей и, к месту расточая денежные субсидии, подогревать их взаимную ревность, сеять подозрения и извлекать выгоду из ненависти, которую все они питают друг к другу.

* * *

Ведя переговоры со свободными государствами, следует учитывать преобладающие в них страсти и предрассудки, поскольку они оказывают большое влияние на политику таких государств и способны либо ускорить, либо замедлить деятельность. Сомневаюсь, например, что, окажись Франция и Англия связаны подлинными интересами для осуществления одного и того же плана, они извлекли бы из своего союза всю выгоду, коей от него можно было бы ожидать. Несмотря на то, что английский король имеет право вести переговоры с иностранными государствами по своему усмотрению, благоразумно ли рассчитывать на те обязательства, которые он может принять на себя, если они не несут блага для его народа?

Всем известно, как Карл II, связанный по рукам и ногам недовольством Парламента, вел себя в войне 1672 года, и если бы Франция составила план, для выполнения которого ей понадобилась бы помощь англичан, разве не потерпела бы она поражение уже во второй военной кампании?

Конвенция, подписанная в Пардо между лондонским и мадридским дворами 16 лет назад*, является еще одним — и более свежим — доказательством моего тезиса. Этот договор оказался бесполезен, и английская нация, не желавшая идти на какое бы то ни было примирение, вынудила правительство начать войну*.

При всем при этом нет ничего надежнее и прочнее союзов, заключенных со свободными народами, — когда таковые отвечают их склонностям и подтверждаются привычкой действовать сообща.

* * *

Географическое положение державы иногда становится препятствием для того, чтобы ее союзник мог, а значит должен был требовать от нее совершения полезного для него отвлекающего маневра, и примеры тому мы наблюдали во время последней войны*.

Когда Франция и Испания решили напасть на итальянские владения королевы-императрицы, где держал оборону король Сардинии, союзники требовали, чтобы неаполитанский двор заявил о своем нейтралитете. У Неаполя не хватало сил открыть своим союзникам дорогу в Италию, а совершая отвлекающий маневр, он рисковал получить больше вреда, нежели мог принести пользы Испании и Франции.

Во время войны судьба Неаполитанского королевства часто вызывала беспокойство у вышеназванных монархий, и, если бы австрийцы, вместо того чтобы вторгаться в Прованс через владения Генуи, обратили оружие

против Неаполя, какой урон потерпели бы Франция и Испания в результате потери союзника, которого Англия, тогда безраздельно властвовавшая в Средиземном море, могла запереть в портах без всякой надежды на помощь, в то время как австрийская армия получила бы возможность осуществлять завоевания внутри страны!

Какой бы союз ни был заключен с монархическим государством, разумно, по меньшей мере, полагаться на такие обязательства, которые оно на себя взяло, нежели на те, которые оно в действительности может выполнить. С монархией бывает так, что в один момент для нее всё оказывается реальным, а в другой — всё становится невозможным, и, не пережив ни одной сколько-нибудь значимой перемены ни снаружи, ни внутри, она делается сильной или слабой в зависимости от того, какой государь распоряжается ее ресурсами — отважный или робкий, просвещенный или малообразованный.

Учитывая, что монархическая форма правления подвержена порой и недостаткам, свойственным анархии (ведь случалось и так, что абсолютные правители были начисто лишены воли или же все время шли на поводу у министров, преследовавших каждый свои интересы либо придерживавшихся самых разных воззрений), легко рассудить, что нет ничего более хрупкого, нежели договоры, заключаемые в расчете на определенное развитие событий (*traités de grévoissance*), и гарантийные обязательства, которые подписываются с монархической державой на неопределенный срок.

Недостатки, о которых я говорю, нередко встречаются в Европе, а потому обольщаться наличием огромного числа союзников не стоит. И не нужно ли взять себе за непреложное правило рассчитывать лишь на половину ресурсов, имеющихся у твоего союзника? А когда настает момент

требовать выполнения договора, то для того, чтобы не пойти ложным путем, следует примеряться к существующим обстоятельствам.

Некоторым дипломатам при помощи искусства, интриги и настойчивости случалось, пользуясь слабостью, невежеством или леностью государей, вовлекать их в предприятия, справиться с которыми те были не в состоянии.

Но какие плоды приносили подобные переговоры? В поисках союзника, чья помощь была бы полезна, государство оказывается обременено союзником, чьи бесконечные промахи, упущения и потери приходится все время исправлять и восполнять.

Глава двенадцатая

О союзах, основанных на родственных отношениях

Союзы, основанные на кровном родстве, может быть, более, чем что-либо иное, привносят непоследовательность в нашу современную политику. Такие союзы приводят в состояние хаоса все упорядоченные системы и способствуют тому, что частные семейные привязанности вытесняют коренные интересы, которыми государям следовало бы руководствоваться ради блага своей нации или, по крайней мере, во имя благополучия своей династии.

В этом отношении никакого четкого правила сформулировать невозможно.

«Я бы предпочел, чтобы мой сын владел мельницей, чем выдать дочь замуж за герцога Бургундского»*, — говаривал покойный король Виктор*.

А другой правитель вполне способен принести наследника в жертву, лишь бы устроить будущность своей дочери; и не подлежит сомнению, что стремление обеспечить свои интересы превратило стольких же монархов в плохих родителей, скольких других слепая родительская любовь заставила позабыть о славе и безопасности их королевства.

Чаще случается так, что родственные отношения приводят к образованию лишь таких союзов, которые носят двусмысленный характер. Когда некоего короля увлекает дружба, он все-таки отдает себе отчет в том, что обязан

делать для своего государства; стремясь же примирить противоположные настроения, он попадает в ситуацию, когда ему приходится поочередно идти на поводу то у одной, то у другой стороны; и, будучи плохим политиком и плохим родителем, он и вредит своим интересам, и оказывает дурную услугу тем, кому желает добра.

Как бы то ни было, в политике правы те, кто рассматривает родственные связи лишь как случайность, благодаря коей могут сложиться временные союзы, на которые следует возлагать большие или меньшие надежды в зависимости от того, в какой мере тех правителей, с кем ведутся переговоры, заботят интересы их королевств или в какой степени они поддаются влиянию личной привязанности.

Пусть государи имеют общие корни, но они прекращают дружественные отношения, когда у их государств возникают противоположные интересы. Стало быть, народ не должен вести войну, для того чтобы возвести своего государя на иностранный престол: если нация, которой он вознамерился бы дать царя, — естественный союзник, то этому народу пришлось бы заплатить чересчур дорого за бесполезное преимущество; а если та нация враждебна, то выгода оказалась бы кратковременной и преходящей.

Иногда случается и так, что семейные неурядицы (*tracaseries*) приводят к ссоре держав, которые могли бы дружить между собой.

«Никаких Пиренеев отныне больше нет» («Il n'y a désormais plus de Pyrénées»), — сказал Людовик XIV Филиппу V*, когда тот отправлялся в Испанию.

Враги Франции приняли это ничего не значащее вежливое высказывание за цель (*résultat*) политики, которую вознамерились проводить дед с внуком. Возникло убеждение, что оба монарха сговорились поработить остальную Европу, что мадридский и версальский дворы, отныне связан-

ные самыми тесными узами, станут преследовать исключительно общие интересы и что одинаковые честолюбивые устремления, которые, как все заподозрили, у них имеются, не смогут внести раскол между ними, когда встанет вопрос о разделе завоеваний, осуществленных ими на пару.

Стремясь предотвратить воображаемую опасность, союзники создали себе опасность реальную¹. Если бы Филипп V беспрепятственно наследовал Карлу II, он бы неизбежно проникся теми же интересами и стал бы проводить ту же самую политику, что и его предшественники; призна-

тельность к своему деду он бы испытывал недолго. Недруги же его лишь укрепили союз, которого страшились, ибо Испания, обиженная всеми прежними союзниками, могла рассчитывать на мщение лишь с помощью Франции.

Филипп V

¹ См.: *Abbé de Mably. Le droit public de l'Europe, fondé sur les traités. Discours préliminaire du ch. 7.*

Глава тринадцатая

О том, какую роль в политике играет стечение обстоятельств.
О переговорах, проводимых непосредственно после заключения мира

Поскольку крайне редко бывает так, чтобы люди, которые, на первый взгляд, управляют государственными делами, и на самом деле руководили ими, и поскольку чрезвычайно распространена ситуация, когда они оказываются вынуждены подчиняться обстоятельствам, это приводит к тому, что изменение обстановки влечет за собой смену пристрастий у политиков, а это, в свою очередь, заставляет их менять линию поведения.

Чем меньше державы придерживаются сформулированных выше основополагающих принципов, тем сильнее властвуют над ними страсти и иллюзии. Для государственного деятеля недостаточно сопротивляться их деспотическому влиянию, ему еще следует знать, как они отзываются в сердцах союзников и врагов.

В мирное время о делах разговаривают по-иному, чем во время войны, ибо обстановка другая; и сила обстоятельств такова, что линия поведения, которая могла бы привести к успеху на двусторонних переговорах (*négociation particulière*), потерпела бы провал на заседаниях международного конгресса.

Когда два государства в равной степени утомлены войной, ибо одинаково оказались не в силах ее продолжать; когда они не сумели ни воспользоваться преимуществами, обретенными благодаря счастливой случайности, ни по-

хозяйски распорядиться (*ménager*) своими ресурсами, ни восполнить потери, редко бывает так, чтобы условия мирного договора окончательно разрешили их основные разногласия (*affaires*), какими бы ничтожными те ни были до разрыва взаимоотношений.

Но несмотря на все возможные пороки мирного договора, заключенного в спешке по причине усталости от войны, он тем не менее все равно будет поддерживать спокойствие. Когда несчастья позади, государства уже менее склонны переоценивать свои силы. Опасение вновь попасть в переplet, из которого насилу удалось выбраться, заглушает все расчеты (*espérances*) и заставляет действовать с предельной осмотрительностью. Государство почти не осмеливается поддерживать взаимоотношения с союзниками, и иногда кажется, что доверяет оно в основном противнику, с которым только что замирилось. Все посольства выполняют чисто представительские, декоративные функции; стороны обмениваются бесполезными заверениями в преданности; а государство, боясь посмотреть на недостатки заключенного мирного договора широко открытыми глазами, полагает, будто проявляет недюжинную хитрость, назначая послами людей, склонных к помпезной роскоши и расточительству, людей, которые готовы разориться ради того, чтобы доказать, что их повелитель богат, а его королевство еще не истощило своих ресурсов.

Если благодаря миру оба двора вновь обретают возможность купаться в удовольствиях, если там не делают ничего, чтобы восстановить разрушенное войной внутри страны, если никто не уделяет серьезного внимания государственным делам, то мир простоит долго.

Правительства, привыкшие к унижительному положению, будут делать вид, что не замечают мелких обид, и всегда найдут какие-нибудь малоубедительные причины (кажущиеся им вескими), чтобы утешиться мыслью о том, что при-

чиненный им вред невелик. Страх и сопровождающая его некоторая инертность либо приведут переговоры к успеху, либо остановят их из-за слишком больших затруднений. И так будет продолжаться до тех пор, пока какое-нибудь непредвиденное событие, которое до определенного момента упускали из виду или последствий коего в силу недостатка проницательности не сумели предсказать, не побудит вновь взяться за оружие.

Если война заканчивается истощением воюющих держав, а это истощение стало не чем иным, как результатом проявленного ими мужества, их упорного стремления использовать последние ресурсы, нежели сдаться, — одним словом, наличия у них равных способностей, благодаря которым они добились одинакового успеха, — то государства страдают от войны, но не устают от нее.

В мирное время они, подобно атлетам, восстанавливают силы, чтобы сражаться с еще большей ожесточенностью. Мирный договор не улаживает разногласий между ними, но неопределенность, расплывчатость, отличающая статьи мирного договора, дает, если можно так выразиться, большой простор для воображения. Это происходит не от бессильной беспечности дипломатов, спешащих завершить переговоры и не решающихся на более четкие формулировки (*négociateurs pressés de finir, et qui n'osent s'expliquer*). С обеих сторон наблюдается, так сказать, нарочитое стремление сделать договор двусмысленным и оставить за собой возможность толковать его к своей выгоде, когда для этого представятся более благоприятные обстоятельства.

Проводить переговоры в такой ситуации — задача чрезвычайно трудная и деликатная. В этом случае большую искусность проявляет та держава, которая более умело сдерживает свое нетерпение расквитаться с противником и, наблюдая за ним, поджидает часа, когда будет в состоянии его сокрушить,

не подорвав своей мощи чрезмерными усилиями. Мужество пригодится ей куда меньше, чем умеренность, а подходящее время для проведения переговоров с имеющимися союзниками или для поиска новых настанет лишь тогда, когда она оправится от потерь, а наступившее в ней процветание внушит союзникам обоснованные надежды на будущее.

Прочный мир может установиться тогда, когда одержавшая победу держава наглядно продемонстрировала поверженному врагу свое превосходство и согласилась разоружиться в такой момент, когда была еще в состоянии продолжать войну.

Однако чтобы вернее предсказать, как долго продлится мир, надобно рассмотреть, каковы были причины (*origine*) войны и какими соображениями руководствовались государства, ведя переговоры, положившие ей конец. Почему победившая держава взялась за оружие? Была ли эта причина сама по себе ничтожна и можно ли было без труда достичь компромисса (*s'accommoder*)? Как держава-победительница вела себя на мирных переговорах? Проявляла несговорчивость и высокомерие? Шла окольными путями и тайными тропами? Если это так, то будьте уверены, что достигнутые успехи лишь подзадорят ее и для удовлетворения своего честолюбия она воспользуется любым благовидным предложением. Это значит, что каждое мгновение представляет ценность, и следует поскорее провести переговоры и образовать союзы против нее.

Однако если прежде, чем обнажить меч, государство испробовало все способы для достижения примирения, если военные успехи его не опьянили, а политика его строилась на добросовестном соблюдении обязательств, то оно наверняка не станет с легкостью жертвовать достигнутым благополучием. Проявляемая им сдержанность умерит жажду мщения в побежденных противниках, а найти союзников ему не составит труда.

Никогда война не бывает столь близка, как в тех ситуациях, когда одни правители пренебрегают государственными делами, предаваясь наслаждениям, а другие стремятся исправить различные пороки в своих государствах.

И, напротив, мир наиболее прочен тогда, когда основные европейские державы, проводя мудрую политику, оказываются в состоянии воевать с выгодой для себя. В такой ситуации они воздерживаются от взаимных оскорблений, и эта сдержанность является следствием не подлого страха (*crainte basse*), который заставляет совершать ошибки и постоянно шарахаться из стороны в сторону, а разумной осмотрительности, помогающей оценить, предвидеть и предупредить надвигающуюся опасность.

Глава четырнадцатая

О процессах, которые могут свидетельствовать о подрыве мира и грядущей войне.
Принципы ведения переговоров в такой ситуации

Когда Европа начинает испытывать некоторое волнение, можно было бы предупредить очень многие беды, если бы каждая держава спросила себя: «А будет ли справедливой та война, которую я могу вести? И если я считаю ее законной, то нужно ли мне начинать ее во что бы то ни стало? То есть так ли важна цель, которую я перед собой ставлю, чтобы ее стоило добиваться посредством войны? Какими средствами я располагаю, для того чтобы воевать успешно? На какие преимущества над противниками я реально могу рассчитывать? Если фортуна обманет мои ожидания, то как мне справиться с ее прихотями? Каковы размеры имеющихся у меня ресурсов? Сколько неудач могу я пережить, не потерпев окончательного краха?»

Эти вопросы, будь они загодя поставлены, настроили бы на мирный лад любого правителя, отличающегося достаточной сдержанностью, или, точнее, достаточным благоразумием, чтобы их себе задать.

Чем дольше длится мир, тем менее определенным становится исход переговоров, а чем более размыты воспоминания о бедствиях войны, тем меньше их боятся.

Государства чувствуют, что накопили чересчур много сил, а это незаметно приводит к тому, что они начинают совершать излишне торопливые шаги. В умах зреет все большая досада и гордыня, обиды возникают по все более ничтожным

поводам, и, если посредством искусства и взаимных уступок политикам не удастся утихомирить страсти, то первые военные стычки часто случаются просто по недомыслию.

Когда возмутителями спокойствия выступают лишь державы второстепенные, уладить противоречия между ними не составляет труда — при условии, что более крупные державы искренне стремятся сохранить мир. Их посредничество не может быть отвергнуто, и, если они захотят разобрать дело по справедливости, решение, вынесенное ими в качестве третейских судей, станет вердиктом, которому участники спора не смогут не подчиниться.

Ошибка, чаще всего допускаемая такими третейскими судьями, состоит в том, что они демонстрируют одной из сторон, коих хотят примирить, что ее интересы им ближе, нежели принципы справедливости. Тем самым они не только не готовят ее к восприятию чужих советов, но и внушают надежду на успех ее замыслов, из-за чего она старается воплотить их с еще большим пылом и настойчивостью.

В таких случаях великим державам следует больше вести переговоры между собой, нежели с теми правителями, чьим зарождающимся ссорам они хотят положить конец. Если бы великие державы договорились высказывать единодушное мнение и не принимать никакого участия в распрях, с которыми не в силах справиться, то уже сделали бы полезное дело во имя мира. Но обыкновенно случается так, что третейского судью больше заботит, каким способом был достигнут успех в том или ином деле, нежели сам успех как таковой, и он желает, чтобы ему одному достался весь почет от удачного посредничества.

Постепенно страсти накаляются: посредник превращается в заинтересованную сторону, а спор, который надлежало погасить, проведя короткие и несложные переговоры, иногда становится искрой, разжигающей всеобщую войну.

Прежде чем приступать к переговорам (зачастую бесполезным), призванным уладить ссору, разразившуюся между двумя крупными державами, каждой из них следовало бы, полагаю, для начала попытаться изучить умонастроения и взгляды своего противника; без такого знания действовать можно лишь наугад, а добиться успеха — разве что случайно.

Пусть государь предложит передать спор на разрешение какой-либо третьей державе, у которой нет никакого интереса творить несправедливость. Коль скоро государство, к которому обращаются с подобным предложением, его принимает, — это знак того, что среди тамошних государевых советников преобладают миролюбивые настроения; и государство, желая продемонстрировать стремление к справедливости, может, со своей стороны, быть почти уверено, что общественное спокойствие не пострадает.

Покуда державы, ведущие переговоры, готовы идти на взаимные уступки, то лишь проявив крайнюю неумелость (*maladresse*), та из них, которая желает мира, в самое короткое время не узнает, как ей следует действовать, дабы вместо того, чтобы идти окольными путями, просить то, что ей вовсе не нужно, и выдвигать своему собеседнику условия, на которые тот никогда не согласится, она предложила самые целесообразные способы для достижения примирения. Если они будут отвергнуты, то ей нужно выступить с менее разумными требованиями, чтобы понять, почему ее предложения не находят отклика: по причине злонамеренности (*mauvaise volonté*) другой стороны или же из-за временного помутнения рассудка (*travers d'esprit*)?

Всему виной неразумие? В таком случае еще не все надежды на сохранение мира утрачены: при наличии терпения и тактичности, способной успокоить неустойчивые умы, вполне можно рассчитывать на то, что добиться от оппонента желаемого удастся.

Но если камнем преткновения является злонамеренность, если государь отвергает сегодня те же самые предложения, с какими сам выступал вчера, если на переговорах он лишь запутывает ситуацию, а не разрешает проблемы, если, получая уступки, он только умножает количество притязаний — значит это тайный враг, который ведет переговоры с одной-единственной целью: не показаться зачинщиком войны, к коей стремится. И было бы глупо не подготовиться к тому, чтобы разрешить проблемы ударом меча.

В таком случае цель переговоров должна быть другой; и чтобы не оказаться застигнутым врасплох, следует искать союзников и перестать тщетно добиваться сохранения мира.

* * *

Если в ситуации, когда надвигающиеся бури угрожают сразу нескольким могущественным правителям, последние договариваются провести конгресс, то это наилучший поворот событий, какого народы могут желать.

Проведение таких совещаний означает, что государи боятся войны. Зачастую на конгрессах ссорам удается положить конец посредством заключения или общих договоров, или двусторонних соглашений, принуждающих подчиниться общему мнению и самую упрямую из держав. Редко бывает так, по крайней мере, чтобы не была найдена хоть какая-то половинчатая мера (*palliatif*), которая даст время успокоиться брожению умов, а фортуне — вызвать события, что изменят положение дел.

Мы видели яркий пример тому на конгрессе в Суассоне*. Поскольку мирные договоры, подписанные в Утрехте в 1713 г., стали, можно сказать, лишь прелюдией к миру (*préliminaires de paix*), никто не был доволен обретенным. Державы не только не устроили свои дела на будущее, но даже и близко не подошли к разрешению проблем, вызвавших войну*.

Дабы укрепить мир, регент Франции герцог Орлеанский затеял переговоры о создании тройственного и даже четверного союза, которые, не заложив никаких прочных оснований, лишь расшатали Утрехтские договоренности. Национальные интересы были принесены в жертву интересам частным: никто не оглядывался на принципы справедливости, все принимали в расчет лишь собственные силы и личные удобства (*convenances*). Дела находились в столь запутанном состоянии, притязания столь сильно противоречили друг другу, а умы были столь озлоблены, что страх перед войной отнял почти всякую надежду на то, что удастся сохранить мир.

Герцог Орлеанский, регент Франции

И вот в такой щекотливой ситуации открылся Суассонский конгресс, и, хотя полномочные представители государств занимались только тем, что плели довольно грубые интриги, тем не менее замирения добиться удалось (уж не знаю, каким образом). Получив возможность заключать, нарушать и перекраивать договоры, все государства, за исключением Франции, были в той или иной степени удовлетворены.

* * *

Если переговоры, затеянные с целью сохранения всеобщего спокойствия, не приносят результатов, то этому, как правило, способствует одна из трех причин.

Иногда какая-нибудь держава стремится заставить своего противника искать мира, *внушая ему страх перед войной*. Она угрожает, на переговорах ведет себя высокомерно и

вызывающе, тем самым раздражая противника и пробуждая в нем бунтарский дух.

Лишь простыми доводами, умеренными увещеваниями можно сделать мир приятным для недруга, одновременно осуществляя необходимые приготовления для успешного ведения войны.

Хитрости (finesses) же только все портят, ибо подрывают доверие, без которого ни одного договора заключить нельзя. Два дипломата, которые оба хотят устроить противнику подвох и обмануть его, устанут от переговоров раньше, чем одному из них удастся обвести другого вокруг пальца.

Военные действия начнутся из-за того, что кто-то потеряет терпение, а ведь прояви обе стороны чуток добросовестности — и войны можно было бы избежать.

Наконец, довольно-таки обычное явление, когда переговоры терпят неудачу из-за того, что *дела на них обсуждаются без какой-либо системы*¹.

Государства располагают тремя системами принципов для улаживания разногласий: естественным правом, правом народов и договорами по конкретным вопросам, которые они заключают между собой.

Применять все три системы без разбора ко всевозможным вопросам или применять одну из них, когда следовало бы обратиться к другой, — это верный способ не найти взаимопонимания. А не применять их в естественном порядке — значит хотеть, чтобы дело тянулось до бесконечности.

Объясню, что я имею в виду. Возьмем некий вопрос, имеющий отношение одновременно и к естественному праву, и к какому-нибудь неясному положению некоего договора. Если я начну обсуждение с принципов естественного права, то разве неочевидно, что в скором времени мне откроются истины, которые позволят проникнуть в скрытый смысл

¹ Во всех трех случаях выделено нами. — *Примеч. пер.*

договора? Ежели он составлен в двусмысленных выражениях, я сумею придать им конкретное значение; если же они не значат вообще ничего (что порой случается), то я заставлю моего оппонента составить новое соглашение, которое будет значить хоть что-нибудь.

Если же я, напротив, захочу прояснить суть дела, начав с обсуждения неясного договора, понятно, что несмотря на все имеющиеся у меня глоссы и комментарии, я и шагу вперед не смогу ступить.

«*Вот истинный смысл договора*», — скажу я своему противнику. «*Ничего подобного*», — ответит он.

Утомившись от пустых препирательства, мы расстанемся, ничего не решив, ежели наши государства, несмотря на свою приверженность миру, также приняли решение идти навстречу лишь ясно изложенным доводам.

* * *

Предположим, что некое государство из-за неправильной политики оказалось не в состоянии вести войну, а его враг желает воспользоваться ситуацией и увеличить свои владения за счет его территорий. Если такое государство малодушно боится войны, оно купит мир ценою низменных уступок, но подобный мир не будет долговечным: враг нарушит его, чтобы продать его вторично.

Поскольку государство в нашем примере пренебрегало основополагающими принципами ведения политики, ему бесполезно, для того чтобы отвести нависшую опасность, обращаться к основополагающим принципам ведения переговоров; это было бы равносильно тому, как если бы дитя в колыбели вдруг захотело поднять геркулесову дубину. В таких случаях надобно заниматься низкими происками, устраивать заговоры, плести интриги, которых обычно бывает множество при дворе.

Можно воспользоваться влиянием возлюбленной монарха, прибегнуть к помощи женщин, тайком подобраться к министрам, сыграть на разногласиях между ними — одним словом, навязать послу роль интригана.

В подобной ситуации не гнушаются и теми средствами, что подсказывает человеческая продажность: возбуждают алчность, подкупают, подбивают недовольных на протест — словом, в огромных количествах применяют все те уловки, все те мелкие хитрости, в которых мы, люди современной эпохи, столь поднаторели, что часто решали с их помощью самые сложные проблемы, и к которым обращаемся по склонности своей даже в тех случаях, где с большей пользой могли бы руководствоваться основополагающими принципами.

Если же все эти ухищрения оказались бесполезны, то лучше подвергнуться риску потерпеть серьезный провал, нежели совершить подлость. Ведь мощь государства не определяется числом входящих в него провинций. Любая держава, владей она хоть половиной Европы, осталась бы слабой, если бы все питали к ней презрение, и было бы достаточно один раз ей пригрозить, чтобы она признала свое поражение.

Когда две державы, способные вести войну, обнаруживают по бесспорным признакам, что не могут укрепить мир, им благоразумно по крайней мере провести переговоры друг с другом, нежели с союзниками, а тем более с правителями второстепенных держав, что торгуют союзническими отношениями и оказанием помощи. Именно тогда государство познает всю значимость принципов, истинность коих я попытался доказать.

Чем вернее государство будет держать слово, чем меньше честолюбивых устремлений станет демонстрировать, чем более справедливым себя покажет, чем лучше обустроены ее провинции, — тем больше готовности к заключению с ней договоров она встретит.

Когда наличие опасности дает государствам пищу для размышлений или когда кто-либо желает воспользоваться затруднительным положением правителя, приготовившегося вести войну, чтобы подороже продать ему свои услуги, в таких критических обстоятельствах переговоры продвигаются медленнее, чем обычно. Иногда союзники, обязанные по условиям какого-либо договора предоставить свои силы в распоряжение одной из сторон, предлагают лишь посредничество или даже только заводят речь о том, что готовы оказать посреднические услуги. Правители, союза с которыми кто-нибудь добивается, полагают иногда, что сумеют продаться дороже, ежели будут всячески подчеркивать свое горячее стремление к миру, или же притворяются испуганными в тот момент, когда сильнее всего желают, чтобы ситуация запуталась. Вскоре они начинают хвастливо выставлять напоказ все имеющиеся у них ресурсы, ведут переговоры сразу с обеими державами, готовыми вступить в войну, и всем своим поведением словно говорят им: продамся тому, кто даст больше и последним надбавит цену.

Если бы пришлось иметь дело с алчным правителем, окруженным неопытными советниками, не составило бы труда склонить его к союзу, предоставив (или даже просто посулив) ему все, чего он может потребовать. Но если идет речь о том, чтобы заручиться дружбой государя осмотрительного, то подобная готовность выполнить его желания вызовет у него недоверие; он заподозрит вас в том, что в действительности вы вовсе не намерены дать ему все, что обещаете. Поскольку он знает, что рассчитывать на союз следует лишь тогда, когда союз этот примерно в равной степени выгоден обоим договаривающимся сторонам, ваши чересчур щедрые обещания станут для него поводом, чтобы покинуть вас при первом же удобном случае.

* * *

Соглашаться на все с чрезвычайной легкостью — порок для политика, но некоторые дипломаты впадают в противоположную крайность: возникает впечатление, будто им жаль делать добро державе, с которой они заключают союз; и такое скряжничество превращается у них в манию. Они хотят, чтобы вся выгода от союза досталась им одним, они рукоплещут этому своеобразному триумфу, не замечая, что заключенный ими пустой договор не связывает союзника никакими обязательствами по отношению к их державе. Обыкновенно договоры о создании таких союзов составляются в расплывчатых выражениях; каждая сторона льстит себя надеждой, что может толковать их в свою пользу, от чего рождаются постоянные споры (*contestations*), мешающие успеху войск или замедляющие развитие этого успеха и создающие почву для дезертирства союзников.

Договоры об образовании союзов следует составлять как можно более четко и ясно, причем не только в том, что касается характера предоставляемой помощи, но и самих способов, какими предполагается побудить союзников к действию. Знаю, что иногда сделать это бывает чрезвычайно затруднительно, потому что второстепенные державы обычно не желают брать на себя обязательства и соглашаются лишь на минимальное их количество, чтобы иметь большую свободу действий, а то и возможность перекинуться на другую сторону в зависимости от поворота событий и своих собственных интересов. Превосходящая по мощи держава должна в таком случае воспользоваться первыми же достигнутыми преимуществами, чтобы в новых договорах прояснить то, что в предыдущих могло быть сформулировано туманно или расплывчато.

Следует считать шедевром правильной политики ежегодное возобновление договора, который существовал у Франции со Швецией и Соединенными провинциями на всем протяжении знаменитой Тридцатилетней войны.

Все эти годы между союзниками не наблюдалось никакого охлаждения в отношениях*, напротив, с каждым договором их рвение лишь возрастало. Оплошности своевременно устранились, каждый все более ясно видел, что ему надо делать, благодаря чему удавалось достигать большего взаимопонимания.

* * *

Прежде чем завершить данную главу, скажу несколько слов о переговорах другого типа, которыми Европа иногда занималась в мирное время.

Когда возникает ситуация, что может оказаться бесхозным какое-либо важное наследство*, на которое притязают или предъявляют права сразу несколько государей, подобные споры пытаются улаживать заранее.

Именно так в прошлом веке после Рисвикского мира* Франция вела в Лондоне и Гааге переговоры, касавшиеся заключения соглашений о разделе наследства Карла II*, не имевшего потомства и обремененного недугами, предвещавшими его скорую кончину. А в этом веке неоднократно велись переговоры, призванные уладить вопрос о наследстве императора Карла VI и не допустить раздела ононого.

Было бы удивительно, если бы эти переговоры действительно принесли благо, которое, казалось, сулили. Часто их начинают в обстановке взаимного недоверия и не имея искреннего стремления к миру; стороны занимаются лишь тем, что выясняют умонастроения друг друга. Они пренебрегают наиболее существенными принципами, которые только и могут придать заключенным договорам

реальную силу. Мнения народов, чья судьба решается на таких переговорах, никто не спрашивает, их рассматривают лишь как стадо, коим фермер может распоряжаться по своему усмотрению. Правителям, которым следовало бы возместить убытки, даже рта не дают раскрыть. Все решается исходя из сиюминутных интересов, каковые могут без конца меняться.

Слишком часто можно слышать: *«Давайте подпишем договор, а потом уж поглядим, что делать дальше; время расставит все по своим местам, обстоятельства еще изменятся».*

Наконец, бывает так, что когда государства в торжественной обстановке подписывают открытые договоры, иногда они одновременно заключают секретные соглашения, которые сводят первые на нет.

Принц Евгений, без сомнения, был прав, ни в грош не ставя бесконечные переговоры, которыми император Карл VI изводил Европу, дабы придать вес своей Прагматической санкции*.

«От всех этих гарантий, — говорил полководец, — заинтересованность некоторых держав в том, чтобы сохранить австрийское наследство в целости, ничуть не возрастает. Даже не подписав никакого договора, они станут отстаивать его неделимость — если, конечно, окажутся в состоянии это делать; а другие не будут иметь недостатка в предложениях или даже причинах, чтобы пренебречь взятыми на себя обязательствами, если положение их собственных дел позволит им вести войну. Наилучшие гаранты Прагматической санкции, — прибавлял он, — это добрые армии, дисциплинированные солдаты, как следует укрепленные крепости и порядок в государственных финансах».

Все произошло в точности так, как предвидел принц Евгений. Против наследницы Карла VI* ополчилось множество могучих недругов, а охваченные страхом союзники отважились прийти ей на помощь лишь после того, как она сама вселила в них бодрость духа своим мужеством и твердостью.

Полагаю, было бы неправильно толковать высказывание принца Евгения в том смысле, что он хотел безоговорочно осудить все договоры, рассчитанные на определенное развитие событий (*traités de prévoyance*). Он лишь хотел сказать, что благоразумие не велит слишком на них полагаться и что только сила, внушающая страх, может научить соблюдению договоров. Заключать договоры в расчете на то или иное развитие событий полезно, ибо они по меньшей мере дают основу и исходные положения для завязывания переговоров о мире, когда державы начинают уставать от войны.

Принц Евгений Савойский

Глава пятнадцатая

О переговорах во время войны. Принципы, лежащие в их основе

Когда вспыхивает война, переговоры между двумя воюющими державами должны прекращаться — если они достаточно уважают друг друга, чтобы не надеяться на то, что им удастся как следует надуть соперника.

Коль скоро после начала военных действий одна из держав продолжает вести какие-то политические консультации, ссылаясь при этом на свою сдержанность, сие доказывает, что до сих пор та держава вела переговоры, не следуя никаким принципам, и что в войну ввязалась безрассудно, а если эта держава в то же самое время не демонстрирует энергичных действий — сие есть верный признак испытываемого ею страха.

Если, напротив, покуда продолжаются переговоры, держава бросает в бой все имеющиеся у нее силы, она, несомненно, желает этим хитрым маневром лишь отвлечь внимание противника от цели, которая должна его занимать, и приостанавливает боевые действия, еще и внушая ему надежду на заключение мира. Но вряд ли тот поддастся на столь грубую уловку, ведь причины, подвигнувшие его на ведение войны, никуда не исчезли, начало военных действий должно его лишь раззадорить, и, если не предполагать, что он допускает в своей политике чисто ребяческую непоследовательность, то он будет опасаться, уж не собираются ли ему внушить, часом, ложное ощущение безопасности.

Как я говорил, ничто так не обуславливает успеха переговоров в мирное время, как забота правителя о надлежащем управлении своими владениями и снискании уважения со-

седей*. Точно так же обстоят дела и во время войны: если государство желает заключить впоследствии выгодный для себя мирный договор и приблизить его заключение, то ему следует выигрывать сражения и брать города. Какую силу имеют самые посредственные доводы, приводимые дипломатом, когда враги его повелителя оказываются повержены!

«Взятие Амьена, — писал кардинал д'Осса г-ну де Вильруа, — надежду на которое Вы нам внушили, окажет влияние на сто тысяч событий большей важности; но оно немало поможет и этому делу¹, и всем прочим, успеха в которых Вы хотели бы добиться в Риме, где дела Короля всегда будут находиться в зависимости от того, как они станут складываться во Франции и у ее границ»².*

Все государства придерживаются в этом отношении тех же правил, что и римская курия, и все послы Генриха IV могли бы написать то же самое, если бы, подобно кардиналу д'Осса, ощущали, как внутреннее положение страны влияет на ее внешнеполитические дела.

Европейские державы недостаточно сильно стремятся вести войну таким образом, дабы вернее всего разгромить врага; зачастую можно сказать, что они щадят друг друга. Редко даже бывает так, чтобы они вели свои военные действия, сообразуясь с целями, которых предполагают добиться при заключении мира. Иногда кажется, что их основные силы только и делают, что производят отвлекающие маневры.

Не стану доказывать этого тезиса на примерах; такое отступление увело бы меня слишком далеко от рассматриваемо-

¹ Получению индальга, коего Генрих IV добивался для епископств Метца, Туля и Вердена.

² Lettres de l'Illystrissime et Reverendissime Cardinal d'Ossat, Evesqve de Bayevx. Av Roy Henry le Grand, et à Monsiev de Villeroy. Depvis l'année M. D. XCIV. ivsqves à l'année M. DC. III. ... A Paris, Par Ioseph Bovillerot, ... M. D. XXVII [1627]. P. 444. — *Примеч. пер.*

Кардинал д'Осса

го предмета. Мне достаточно задать вопрос, почему столь часто оказывается так, что выигранные сражения и взятые города не приносят никакой выгоды победителю? Разумеется, это происходит потому, что сражения устраивают в такой местности, где никак не следовало бы располагать основной плацдарм, что города берут те, удерживать которые не имеет большого смысла, или же такие, которые не являются ключом к захвату значительных территорий, а потому не дают возможности с выгодой рассредоточить

войска.

Уметь вести войну, знать, когда ее следует вести, знать, где ее следует вести, — это составляло единую область знаний у древних. Одни и те же люди были у них и воинами, и полководцами, и гражданами, и должностными лицами. Правительства греческих республик занимались тем, что просвещали и наставляли своих граждан, а в Риме тот же самый консул, который обсуждал в Сенате вопросы, затрагивавшие интересы римского народа, был и главным военачальником.

Жители Европы с давних времен разделились на различные классы, которые не имеют между собой ничего общего. Приобретя привычку размышлять над государственными делами (*la chose publique*) лишь в той степени, в какой они имеют отношение к их профессии, европейцы никогда

не представляют себе целостной картины событий и, как следствие, даже не имеют понятия обо всех обязательствах, лежащих на их государствах*.

Наши военные знают, как брать города: для этого надо двинуть войска, выстроить армию в боевые порядки, разбить лагерь, переправиться через реку и т. д.

Политикам все это, как правило, неизвестно, они знают лишь, то есть должны знать, в какой стране целесообразно развернуть военные действия, чтобы с помощью силы вернее сломить врага, проявившего несговорчивость на переговорах.

Когда каждый выходит за пределы своей области знаний, возникает путаница. Предоставьте военным свободу действий, и они захотят вести войну там, где смогут делать это с наибольшим удобством для себя. И напротив, если Королевский совет станет руководить конкретными военными операциями, отдавать войскам приказ вступить в сражение или же, наоборот, избежать его, наступать или обороняться, то через короткое время все перестанут понимать, что планируется предпринять и что происходит.

Надобно брать пример с кардинала Ришельё*, который, определив театр военных действий, ограничивался тем, что писал военачальникам следующее короткое распоряжение: *«Король назначил Вас командующим своей армией во Фландрии (на Рейне или в Италии), и, поскольку Его Величеству известны Ваша преданность, Ваше рвение и Ваш опыт, он возлагает на Вас попечение о том, чтобы были приняты меры, которые Вы сочтете наиболее приемлемыми, для того чтобы войти в такую-то провинцию, закрепиться там и обрести возможность нарушать покой такой-то страны или такого-то государя».*

Достоинейшим образом проявит себя правитель, знающий цену человеческой крови, если обнародует манифест, где раскроет причины, побудившие его взяться за оружие;

тем самым он, если можно так выразиться, вступит в переговоры со всей Европой. Одновременно он должен заявить о своих притязаниях или о том, какого требует возмещения за допущенную в отношении него несправедливость.

Большинство же министров считают, что демонстрируют особую изворотливость, отказываясь четко и ясно объявить, чего добиваются посредством войны; они боятся скомпрометировать себя в случае поражения и хотят оставить за собой право увеличить притязания, если военные успехи будут отвечать их чаяниям.

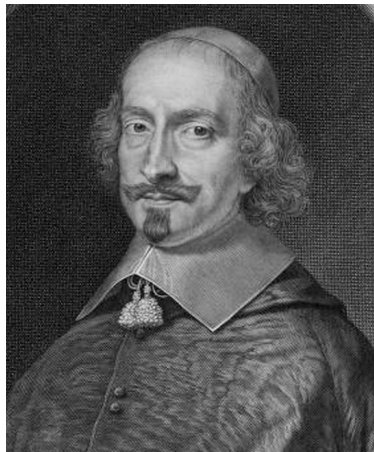
Такая политика не столь достойна восхищения, как это обычно полагают, ибо, например, римляне, покорившие мир, никогда не вооружали свои легионы, не обнародовали прежде своих претензий. И даже после наиболее громких побед они ни в коем случае не навязывали побежденным более суровых условий, нежели те, что предполагали выдвинуть с самого начала, да и в случае самых сокрушительных неудач не меняли первоначальных требований.

Наша нынешняя метода может помочь создать или спасти репутацию правительству интриганов, которое стремится лишь пустить пыль в глаза и озабочено только текущим положением дел, — тогда как метода римлян, позволяющая сокращать время ведения войны, одна может и создать репутацию, и обеспечить будущность государства.

Изо дня в день мы что-то делаем, мы хотим следовать за текущими событиями и лишь подыскиваем способ, как подчиняться им благопристойным образом. Нашему врагу, который никогда не знает, как себя вести, приходится постоянно думать о том, как бы восполнить свои потери после поражения, а добившись успеха, — о том, как бы его развить — в результате чего наступление мира постоянно отодвигается. Противники римлян, напротив, оказавшись в затруднительном положении, бывали тронуты их вели-

кодушием, а в моменты уда-
чи — напуганы их мужеством,
и это двойственное чувство
побуждало их уклоняться от
тягот упорной войны.

Поскольку любая война —
не что иное, как преходящее
состояние даже для самых
воинственных и честолюби-
вых народов (и ничем иным
она быть не может, ибо, лишь
заключив мир, народы могут
воспользоваться теми пре-
имуществами, которые стре-
мились завоевать), было бы чистым безумием добиваться
военных успехов такими средствами, что помешали бы
извлечь из этих успехов выгоду при заключении мира.

Кардинал Мазарини

Тем не менее такое встречается сплошь и рядом с тех самых пор,
как кардинал Мазарини, ощущавший, насколько бескорыстие полезно
воинственной державе, явил пример показной сдержанности, объявив,
что Франция жаждет лишь такой славы, какую может обрести, заботясь
о безопасности своих союзников.

Из-за этой хитрости, в коей не было необходимости, учитывая, что
в начале правления кардинала Франция процветала, он поставил себя в
чрезвычайно затруднительное положение, когда настала пора вести пе-
реговоры в Мюнстере. Никто не удивлялся тому, что шведы стремились
сохранить завоеванное* или же требовали равноценного возмещения,
ибо они всегда недвусмысленно выражали свои намерения на сей счет; а
между тем Франция, которая в действительности вступила в войну лишь
для того, чтобы раздвинуть свои границы, все раздумывала, как бы ей
половчее сменить риторику. Французские полномочные представители*
весьма невнятно разглагольствовали о том, что хорошо бы обеспечить

возмещение обеим монархиям* за расходы и тяготы, понесенные ими во время войны. Они будто бы опасались, что их поймут правильно, и хотели при этом, чтобы державы, как раз не заинтересованные в том, чтобы их понять, догадались об их намерениях и их упредили.

* * *

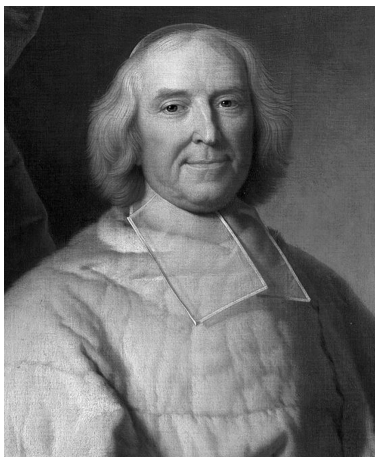
Пойти навстречу противнику и заключить с ним мир, когда он искренне того желает, всегда на руку государству.

Как не осудить суровость, проявленную голландцами на конференциях в Гааге и Гертруйденберге? Людовик XIV был готов отдать союзникам гораздо больше, чем они дерзали надеяться, начиная войну. То, что голландцы находили удовольствие в стремлении очернить славу этого государя и принудить его согласиться на унижительные условия, никак не повысившие их безопасность, означало, что руководствовались они мстительностью и ненавистью, а не разумом и не политическими соображениями, которые не велят излишне доверять благополучию. Соединенным провинциям пришлось вскоре раскаяться в своем поведении; но даже если бы оно принесло им успех, то его следовало бы отнести к числу тех оплошностей, которые по прихоти фортуны иногда оборачиваются удачей.

Не так обстояли дела, когда во время последней войны* кардинал Флëри запросил мира после сражения при Пассау*. Однако поскольку это был первый позор, испытанный Францией, поскольку она без труда осуществляла рекрутские наборы*, а народ совершенно не роптал против налогового бремени, поскольку торговля не пострадала, — одним словом, поскольку у нации не наблюдалось никаких признаков ужаса, усталости или упадка сил, по которым обычно распознают, что мир незрел, венский двор был прав, усомнившись в искренности французского правительства.

Между тем, кардинал Флëри действительно искренне стремился к миру, но, испытывая все же известный стыд оттого, что хочет мира воп-

реки всем правилам благоразумия и попросту из страха, высказал лишь туманные предложения, которые мудрость всегда велит отвергнуть. То ли венский двор подозревал, что Франция желает просто замедлить продвижение австрийских войск, то ли полагал, что противник и на самом деле начинает чувствовать усталость от войны, но в обоих случаях ему было выгоднее энергично развивать свои успехи, чтобы заставить Францию высказаться более определенно, если она и впрямь действовала добросовестно, чем затевать переговоры, чтобы решить только один вопрос: по какому плану вести их уже всерьез.

Кардинал Флёрн

Наряду с военными успехами, которые вернее всего способны ускорить наступление мира, политики прибегают и к другим средствам для решения этой неизменно трудно осуществимой задачи.

Не следует пренебрегать никакой возможностью, чтобы лишить главного противника тех союзников, что оказывают ему помощь. Часто это удавалось сделать, перенося военные действия на их собственные земли. Когда над правителем, взявшимся за оружие лишь в качестве союзника и в надежде увеличить свои владения, нависает угроза подвергнуться разорению, а альтернативой для него является выгодный мир, то у него редко достанет мужества следовать взятым на себя обязательствам, рискуя пасть их жертвой.

Всякие переговоры, которые можно завязать с одним из союзников главного врага, полезны. Цель состоит в том,

чтобы посеять недоверие между государями, связанными союзническими отношениями. Держава, сблизившись с коей добиваются ее противники, в известной мере начинает утрачивать привязанность к союзникам. Она мнит себя более значительной, чем есть на самом деле; она стремится проявить собственную волю; она действует, уже менее считаясь с кем-либо. Когда жалобы начинают поступать со всех сторон, вот тогда-то и настает подходящий момент, чтобы переманить на свою сторону кого-нибудь из тех, кто состоит в союзе с вашим врагом. Разжигайте в нем алчность, потакайте его честолюбию и тщеславию, старайтесь любой ценой перетянуть его в свой стан, ибо сепаратный мир с таким государством становится, как правило, прелюдией ко всеобщему миру.

В связи с этим, однако, необходимо сделать одно важное замечание: следует остерегаться разбивать союз врага с таким государем, который добивается посредством войны целей, не сопоставимых по масштабам с теми силами, которые он привлекает для их достижения.

Объясню, что я имею в виду, на одном примере.

В 1746 г. англичане сделали мадридскому двору ряд предложений, чтобы побудить его подписать сепаратный мир; при этом выдвинутые ими условия, как говорят, были достаточно выгодны инфанту, дону Фелипе. Полагаю, это был ложный ход со стороны англичан, поскольку Испания выставила такие притязания в отношении Италии, которые была неспособна удовлетворить теми силами, что имелись у нее в наличии. Если бы эти переговоры прошли успешно, Франция, собственно говоря, не потеряла бы союзника; напротив, она избавилась бы от необходимости бороться за дело, которое было ей в тягость. Умиротворение Италии дало бы французам возможность собрать в единый кулак все свои силы и перебросить их в те провинции, где французские войска уже и без того изрядно теснили врага.

* * *

Покуда держава всеми возможными способами пытается разорвать узы, связывающие ее врагов, ей надобно прилагать еще больше стараний, чтобы укрепить отношения с союзниками. Какое бы рвение те ни демонстрировали, надлежит помнить, что они оказывают помощь только ради собственной выгоды. Хитрость и несоблюдение данных союзникам обещаний способны привести лишь к их отчуждению.

Ничто так наглядно не доказывает, насколько политика является малоразвитой наукой в Европе, как вечные упреки, которыми обмениваются союзники. Один из них всегда считает, что делает излишне много ради другого. Каждый, как правило, ставит перед собой корыстные цели, отличные от общих, и почти всегда в этом повинна держава, стоящая во главе союза.

Вести за спиной союзников переговоры с основным врагом — значит предоставить в его распоряжение почти безотказное средство переманить их на свою сторону.

Правитель, чей союзник терпит поражение, обязан, если этот союз ему дорог, как можно скорее прийти к нему на помощь и отомстить за него. А что делать, если он сам несет значительные потери? Благоразумнее всего сперва попытаться справиться с ними самостоятельно. Если в такой ситуации государство рассылает во все концы курьеров, завязывает новые переговоры, вновь и вновь молит союзников о помощи, потому что само не в состоянии предпринять никаких усилий, оно тем самым подает им сигнал о своей слабости и о том, что для них настало время подумать о собственных интересах.

Когда римлянам случалось нести тяжелые потери, они в некотором роде поднимались над самими собой. Они тогда проявляли холодность по отношению к союзникам и продолжали отважно сражаться с врагом.

Мне скажут, без сомнения, что римлянам было легко придерживаться этой высокой политики, потому что они располагали ресурсами и вспомогательными резервами, к которым прибегали лишь в пору самых больших невзгод. На это я спрошу, в свою очередь, а почему государства, вынужденные напрягать последние силы, чтобы начать войну, государства, которые не могут поэтому подражать римлянам, когда судьба отворачивается от них, настолько безрассудны в своем честолюбии, что стремятся, тем не менее, быть такими же счастливыми завоевателями, как они?

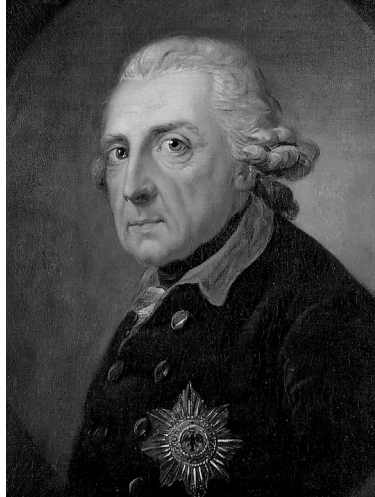
* * *

Я говорил выше о симптомах, по которым можно распознать, что мир назрел. Когда такие симптомы становятся уже явными, в интересах победителя продемонстрировать стремление к миру, ибо такой шаг укрепит его репутацию. Если он не воспользуется своим преимущественным положением, то побежденный должен сам выдвинуть первые мирные предложения либо напрямик, либо через посредников, но таким образом, чтобы, стараясь не сделаться предметом для насмешек со стороны врага, не навлечь на себя его раздражения. Предложения должны быть сформулированы просто и ясно. Его основная цель — завязать переговоры; таким образом, надобно говорить об удовлетворении притязаний, но как можно меньше вдаваясь в подробности, ибо на первом этапе обсуждать интересы еще не время.

* * *

Иногда мир становится необходимым в силу причудливой цепи событий, которые меняют расстановку сил и внезапно предвещают мрачное будущее державе, дотоле не знавшей поражений.

Не могу в связи с этим обойти молчанием линию поведения, которой придерживался прусский король*, когда во время последней войны, стоя во главе победоносной армии, обнаружил, что против него объединились могучие противники, которым российская императрица направила на подмогу 30 тыс. человек. В один момент он ощутил весь масштаб нависшего над ним бедствия и осознал, что его попытки пойти на сближение с врагами лишь придадут им уверенности в своих силах. По этой причине вместо того, чтобы вести переговоры, он совершил внезапное вторжение в Саксонию¹. Одержав победу, прусский король подписал мир в Дрездене*.

Фридрих II Великий

Политические писатели учат избегать промахов, они даже могут, до известной степени, наставить на ум, но гениальности научить невозможно.

¹ Так Агафокл, находясь на пороге разгрома, которым ему грозили карфагеняне во время войны на Сицилии, сам перенес военные действия под стены Карфагена*.

Глава шестнадцатая

О переговорах, направленных на достижение мира. О конгрессах. О перемириях.
Об окончательном мирном договоре

Как в ходе войны нельзя предпринимать ничего, что может создать преграду для заключения мира, так и, ведя переговоры о нем, не следует совершать поступков, могущих негативно отозваться в первую же войну, которую придется вести. Из этого неоспоримого правила следует, что главной целью доминирующей державы, ведущей переговоры о заключении мирного договора, должно быть не стремление обогатиться за счет разгрома своего врага и с неистовством завладеть всем, что окажется в пределах досягаемости, но усмирение собственной зависти или ненависти, рожденной под влиянием только что обретенной славы, укрепление связей с союзниками, внесшими вклад в благополучный исход войны, а в особенности такое ведение дел, чтобы противник перессорился со своими союзниками и чтобы союз с ним утратил для всех цену.

Все мое сочинение служит доказательством этого тезиса. Признаюсь, однако, что, пожалуй, нет другой истины, понимание которой было бы столь же затруднительно. Толпа (*multitude*) желает, чтобы дипломаты сохраняли завоеванное армиями, любые разговоры о возврате территорий ее оскорбляют; а преисполненным тщеславия правителям льстит, когда во время их царствования границы государства раздвигаются. Чтобы заслужить благоволение своего повелителя и похвалы публики, иной дипломат, не

испытывая ни малейших колебаний, непременно воспользуется этими преимуществами для достижения того, что мы называем блестящим миром. Между тем, наживая своим честолюбием государству врагов и подрывая его авторитет в глазах союзников, он ослабит его в гораздо большей степени, нежели надеется укрепить приобретением нескольких новых земель, да еще и не преминет восхититься собой, если сам он всего лишь посредственность. Но коль скоро у него достанет ума, чтобы ощутить допущенную оплошность и опасности, которым он подвергает государство, то он скажет: «Поживем — увидим. Цыплят по осени считают. Потомки разберутся, что к чему»*.

Не бывает так, чтобы война, в которой участвуют много государств, завершилась сепаратными переговорами, а примирение врагов не перессорило союзников.

Выходит, эта истина не была известна кардиналу Флёрю? Испытываемый им ужас перед той медлительностью, которой, как правило, отличаются переговоры на конгрессах, был сопоставим с чрезвычайной усталостью от войны (начатой им в 1733 г.)*, которую он чувствовал в 1735 г. Он хотел мира как можно скорее, и, судя по всему, это условие было для него основным. Если он предпочел благу государства свое личное спокойствие, то он действовал вполне логично, взявшись вести переговоры об интересах союзников; если же полагал, что поступает благоразумно, то обманывался.

Сепаратные переговоры всегда вызывают подозрение у союзников. Какую бы выгоду такие переговоры им ни сулили, они всегда сетуют по их поводу.

На конгрессе же, напротив, все события происходят у них на виду, они самостоятельно отстаивают свои права и притязания, и им можно наглядно доказать, с каким рвением им оказывают услуги.

Неблагодарумие кардинала Флёри тем более заслуживало порицания, что он не выполнил обязательств, взятых им в отношении Испании и туринского двора, да еще впридачу Франция, несмотря на публичные заявления о том, что не требует ничего для себя, захватила Лотарингию и герцогство Бар.

Судя по условиям Венского мира*, можно сделать вывод, что заключивший его министр — это нерешительный честолюбец, занявший предательскую позицию по отношению к союзникам; и нет сомнений в том, что именно из-за этого в начале последней войны все, кто сочувствовал Франции, покинули ее на произвол судьбы.

Когда в ходе конгресса воюющие стороны временно складывают оружие, следует еще до начала совещаний составить предварительный документ, в котором должны быть четко сформулированы (пусть и не в развернутой форме) основные претензии враждующих держав. В противном случае полномочные представители потеряют кучу времени, добиваясь взаимопонимания, а может быть, державы и вовсе прекратят переговоры, чтобы вновь взяться за оружие. Составленный опытным дипломатом предварительный текст, проясняющий позиции сторон, должен содержать суть будущего мирного договора. Собственно говоря, для составления последнего нужно будет всего лишь дополнить и развить положения предварительного документа. Таковы принципы, из коих всего-навсего нужно сделать выводы, к которым не может не склониться любое правительство, хоть сколько-нибудь стремящееся доказать, что умеет правильно рассуждать.

Продолжение военных действий во время заседания мирного конгресса означает, что воюющие державы еще не устали от войны, а если они приступают к переговорам без особого энтузиазма и как бы через силу, это только лишний раз подтверждает их желание еще повоевать.

Полномочные представители государств медленно съезжаются на назначенные заседания. Поначалу они занимаются только тем, что наблюдают друг за другом, не решаясь сделать первый шаг из опасения, как бы противник не заподозрил их в том, что они приехали умолять о мире, и не воспользовался их слабостью¹.

Затем следует привычная волокита по поводу полномочий, церемониала, титулов*. Когда же стороны начинают представлять свои позиции, все их требования оказываются непомерными, а ответов на заданные вопросы никто не дает. Каждый участник переговоров стремится выиграть время в надежде на то, что ближайшая военная кампания изменит положение дел в его пользу.

Такую линию поведения совершенно нельзя назвать хорошо продуманной. Если ей следует держава, которая до тех пор меньше всех блистала военными успехами, и если именно ее полномочные представители пребывают в бездействии, уповая на удачный исход какого-нибудь очередного сражения или взятие какой-нибудь важной крепости, то эту державу неизбежно постигнет разочарование. Радостные события, коих она ожидает, могут ведь и не произойти, в результате чего противник лишь преисполнится вящей гордостью, а то и захочет отомстить, ежели понесет потери.

Державе, которой удалось взять верх над врагами, надлежит первой объявить о своих намерениях. Формулируя требования, она должна учитывать общее положение вещей, а не случайные события, которые никогда ничего не решают, разве только приходится иметь дело с не очень умным противником, которого легко напугать. Такой державе следует больше думать

¹ Это неуклюжая политика, ибо нет ничего проще, как объяснить свое стремление к миру соображениями человеколюбия; и лишь действиями войск, а не странными и малоприличными маневрами послов государству следует доказывать, что оно в состоянии продолжать войну.

о том, сколько сил у нее осталось, нежели о достигнутых успехах. Раздувать претензии при каждом счастливом повороте событий — означает продолжать войну до бесконечности. Выигрыш сражения или взятие города должны иметь только одну цель: ускорить заключение мира и заставить неприятеля принять первые же выдвинутые требования.

Держава, лелеющая чересчур много честолюбивых устремлений, питающаяся надеждами на будущее и ожидающая для начала серьезных переговоров того момента, когда ее самое изнурит война, рискует, гоняясь за журавлем в небе, упустить синицу, находящуюся у нее в руках. Несомненно, она просто не знает, что самое великое счастье для государства — заключить мир до того, как наступит полное истощение сил, ибо ни один договор, каким бы выгодным он ни был, не возместит всех утрат победителю, вынужденному изнемогать от слабости под своими лаврами.

* * *

Что же касается всех этих хитростей, уловок и ухищрений, которые применяют на переговорах, идущих в рамках конгресса, то совсем не они являются залогом их успеха.

Великое искусство состоит прежде всего в том, чтобы развеять подозрения, естественным образом возникающие в отношениях между союзниками в тот момент, когда встает вопрос об уступке собственных территорий или о дележе добычи, доставшейся от врага.

Второе правило — неизменно вести переговоры исходя из тех же самых принципов, благодаря которым были достигнуты преимущества во время войны.

Настоятельно прошу читателя, стремящегося серьезно изучить рассматриваемый предмет, провести анализ всех действий, предпринятых полномочными представителями на конгрессах в Мюнстере и Оснабрюке.

Послы Австрийского дома сделали, без сомнения, всё, чего можно ожидать от политиков в высшей степени основательных и располагавших наибольшими ресурсами. Поскольку на их стороне не было ни военной силы, ни военной удачи, они прибегали к различным ухищрениям и наверняка добились бы успеха, если бы их противники решили отвечать хитростью на хитрость. Венский двор потерпел провал, и провал этот был неизбежен, поскольку все действия Франции и Швеции были направлены на укрепление их альянса, и обе эти монархии приняли самые правильные меры, чтобы вести переговоры так же согласованно, как воевали.

Набрасывая план ведения переговоров, кардинал Мазарини, во время войны всегда стремившийся воспользоваться успехами французского оружия, чтобы переманить на свою сторону того или иного союзника императора, отошел от этой политики, сам того не заметив. Он хотел начать установление всеобщего мира с замирения Италии. К счастью, граф д'Аво обратил его внимание на то, что германские князья, утомленные войной, наверняка переметнутся на сторону императора, если им покажется, будто Франция пренебрегает их интересами, и что венский двор воспользуется этим благоприятным для себя обстоятельством, чтобы отвергнуть мирные предложения с еще большим высокомерием, да вдобавок ко всему, возможно, постарается побудить Швецию к ведению сепаратных переговоров.

К успешному исходу* переговоры в Вестфалии* привело циркулярное письмо, которое граф д'Аво разослал во все германские княжества, призвав их направить собственных представителей на конгресс, где предполагалось восстановить свободу Германии и придать имперскому правлению постоянную форму.

Этот достойный восхищения шаг лишил императора всех союзников, и Франция с их помощью без труда навязала свои условия венскому двору.

Она достигла бы того же успеха и на переговорах с Испанией*, если бы придерживалась тех же принципов. Но, даже если предполо-

жить, что кардинал Мазарини действительно искренне стремился ко всеобщему миру, как он лицемерно старался это подчеркнуть, разве не удивительно было бы, если бы, не имея никакого заранее составленного плана на переговорах с мадридским двором, ему удалось бы одержать над ним верх? Мазарини опасался, как бы всеобщий мир не сделал его самого менее необходимым и не подорвал его собственного влияния. Уклоняясь от заключения мира, он не хотел, однако же, дать повода для упреков в затягивании войны. Таким образом, вместо того чтобы проявить ловкость, он лишь демонстрировал хитрость. Все его действия в отношении Соединенных провинций противоречили друг другу: то он их игнорировал, то обхаживал, то вводил в раздражение. Они не могли не улизнуть от него*, а Испании, еще не осознавшей всей своей слабости, не оставалось ничего иного после их бегства, как свысока отвергнуть сделанные ей предложения о заключении мира.

Участвуя в общих переговорах в рамках конгресса, желательно для упрочения позиций параллельно вести переговоры и с отдельными государствами. В этих случаях следует уделять больше внимания действиям союзников и стремиться всеми возможными способами укреплять узы дружбы.

Вспомним, как, разъярив королеву Кристине философское учение Декарта, г-н Шаню помешал ей попасться на уловки венского двора, и как, плетя интриги с участием любовниц, министров и фаворитов Карла II, Франция сохранила во время Нимвегенского конгресса* преимущественное положение, обретенное ею с помощью оружия.

* * *

Если говорить о посредниках, то их долг — занимать строго нейтральную позицию между враждующими державами. Не следует, впрочем, ожидать, что нейтралитет будет неукоснительно соблюдаться, а потому нужно вести с посредником переговоры, чтобы расположить его в свою пользу. Иногда

на конгрессах вообще не бывает посредников, отчего первые шаги к примирению оказывается сделать труднее, но впоследствии держава, которой первой удалось уладить все вопросы, касающиеся ее интересов, может взять на себя роль посредника и приложить все свое старание, чтобы ускорить заключение мира. Следовательно, чрезвычайно полезно, когда представится случай, вступить в тайные переговоры с одним из государств, принадлежащих к лагерю противника, и предложить ему одному столь выгодные условия замирения, чтобы это могло поколебать его преданность союзникам. Степень полезности такого посредника зависит от важности той роли, какую он играл в альянсе, из которого его убедили выйти.

* * *

Возникает вопрос, какие переговоры имеют бóльшую значимость: те, что ведутся устно или письменно? Нет сомнения в том, что, имея дело с менее искусным оппонентом, чем он сам, дипломат обладает определенным преимуществом, если общается с ним устно. Он лучше сумеет выяснить его сокровенные мысли, ему будет проще навязать собеседнику свое мнение. Он ловит невзначай вырвавшиеся у противника полезные сведения, читает в его глазах правду, опровергающую то, что изрекли его уста, лишает его возможности обсуждать вопросы и совещаться.

Таким образом, в том, что касается послов, — это дело решенное. Однако в отношении государств нельзя сказать, что для них столь же выгодно всегда вести переговоры устно.

Если сегодня какой-нибудь правитель воспользуется услугами более искусного полномочного представителя по сравнению с теми, что имеются у державы, с которой он собирается договариваться, то завтра удача может улыбнуться уже другой стороне.

Истинная причина, почему обыкновенно государства отказываются вести переговоры письменно, состоит в том, что они опасаются себя скомпрометировать. Им удобно придумывать правила для каждого конкретного вопроса и для каждого отдельного случая; одним словом, они стремятся сохранить за собой право отступить от обещаний, выдвигать предложения и отказываться от них по собственному усмотрению.

Такая жульническая манера (*manière frauduleuse*) вести переговоры может оказаться полезной для второстепенных держав, чья политика заключается лишь в том, чтобы воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств для расширения собственной территории; однако у доминирующих держав интересы лежат в иной плоскости. Для них важно, чтобы между нациями действовали устоявшиеся принципы взаимоотношений, и ведение переговоров посредством переписки могло бы способствовать становлению таких принципов и даже совершенствованию ныне существующего права народов, в котором еще сохранились рудименты нашего прежнего варварского существования.

* * *

Цель конгресса — заключение перемирия или окончательного мира. В прежние времена перемирия заключались в Европе довольно часто. Правители, не имевшие крупных богатств и не обладавшие могуществом, если и располагали какими-то войсками, состоявшими у них на жалованье, то силы эти были ничтожны, и государи зависели от прихотей своих вассалов; зачастую им приходилось прекращать военные действия еще до того, как у них возникало искреннее стремление замириться. За победителем оставались завоеванные земли, но и побежденный не отказывался от своих прав, и они договаривались между собой, когда вновь возьмутся за оружие, чтобы окончательно разрешить спор.

С тех пор как судьба правителей стала складываться по-другому, чем раньше, обстоятельства, при которых заключение перемирия может принести выгоду, возникают чрезвычайно редко. Когда самым ходом событий противоборствующие стороны не подготовлены к подписанию окончательного мирного договора, вряд ли они будут расположены прекратить свои разногласия посредством перемирия.

Коль скоро две державы в равной степени утомлены войной, эта крайняя усталость должна внушить им желание раз и навсегда положить конец ссорам.

Если же одна из них предпочла бы заключить перемирие, полностью отказавшись от своих прав, то другая, согласившись на это, проявила бы неблагоразумие: зачем ей ставить себя в положение, когда в обстоятельствах, может быть, менее благоприятных будет оспорено то, что она может раз и навсегда решить в свою пользу, приложив крайнее усилие? Или почему бы ей не занять более мудрую позицию и не предложить противнику сносные условия мира?

Перемирия всегда противоречат основополагающим интересам доминирующих европейских держав, ибо их внутреннее устройство (*constitution*) позволяет им, как я уже сто раз говорил на страницах моего сочинения, лишь одно — вести завоевания, а потому они должны предотвращать любые события, которые способны нарушить общественное спокойствие.

Но иногда прекращение военных действий и заключение перемирия оказывается мудрым шагом, если рассматривать его в свете конкретной цели, поставленной перед собой правителем крупной державы.

Таким было, например, Регенбургское перемирие, которое Людовик XIV заключил с Испанией и Австрией в 1684 г. сроком на 20 лет. Он знал, что война возобновится до истечения этого срока, но, совершив

именно такой политический шаг, избегал трудностей, которые ожидали бы его, потребуй он полного отказа от сданных ему крепостей, а кроме того оказывался в состоянии возобновить войну с большим успехом и тешил себя надеждой, что, заключив впоследствии мирный договор, закрепит за собой то, чем обладал лишь по условиям перемирия.

* * *

Добиться выгодного мира — значит ничего не добиться, если не умеешь его укрепить.

Как говорил граф де Сервьен, обращаясь к Соединенным провинциям: «Гарантией выполнения договора служит не то, что в нем написано, и не приложенные к нему печати, а положение, в котором стороны оказываются после его заключения — с точки зрения как сил, коими они сами располагают, так и числа имеющихся у них друзей, — чтобы обеспечить выполнение данных им обещаний, ежели противник захочет нарушить слово».

Пусть каких-то условий хватает, чтобы обеспечить выполнение только что подписанного договора в тот момент, когда державы продолжают ощущать на себе тяжкие последствия войны, но их может оказаться недостаточно для упрочения договора, если во время переговоров полномочные представители державы, заключившей мир на выгодных условиях, не приняли меры, чтобы утихомирить страсти врагов и повысить ценность альянса для союзников.

Из этого правила вытекают все сформулированные мною ранее принципы умеренности и великодушия, которые особенно важно применять на практике, ведя переговоры о мире.

Говорят, что, когда на конгрессе в Нимвегене маршал д'Эстрад не мог договориться по какому-то вопросу с послами Соединенных провинций,

он предложил поставить этот вопрос на кон при игре в кости, и находятся те, кто выражает восхищение этой нелепой выходкой, в рассказе о которой, на мой взгляд, нет ни слова правды. Сей дипломат был слишком умен и талантлив (*habile*), чтобы играть важными вещами и легкомысленно сморозить глупость.

Следует дойти до источника разногласий, из-за которых разразилась война, если есть желание разрешить проблемы таким образом, чтобы не осталось никаких «хвостов» (*aucune queue*), а между воюющими державами воцарился такой порядок, который нельзя было бы нарушить, призвав на помощь хитрость и крючкотворство.

В этом отношении Вестфальские мирные договоры были наиболее прекрасными, наиболее юридически грамотными и наиболее глубокими из тех, что когда-либо заключались между людьми. Мюнстерский и Оснабрюкский договоры стали основополагающим законом Империи и фундаментом, на котором зиждется ее свобода. Эти договоры легли в основу всего европейского публичного права. Две враждующие религии, причинившие одна другой слишком серьезные обиды, чтобы можно было надеяться, что они сумеют научиться друг друга выносить, перестали обмениваться оскорблениями, а полномочные представители, проводившие переговоры в Мюнстере и Оснабрюке, научили своих единоверцев познавать Евангелие и следовать его духу.

В конце концов, Европа не испытала бы никаких потрясений, вызванных новыми войнами, если бы между правителями не возникли новые раздоры, которые, впрочем, не имели никакого отношения к вопросам, разрешенным Вестфальским миром.

* * *

Чтобы обеспечить выполнение договоров, наши предки придумали обмениваться клятвами, приносимыми на святых мощах, но поскольку нарушения клятв своевремененно и чувствительным образом не наказывались, постепенно Божественное Провидение, которое не проявлялось по прихоти наших желаний, перестали брать в судьи. Вместо Бога на роль *хранителей* мира стали назначать людей, но это не сильно помогло делу. Вассалы какого-нибудь правителя или подчиненные ему города, бравшие на себя обязательство вступить с ним в войну, если он нарушит мир, *гарантами* коего они являлись, не выполняли этих обязательств либо, следуя им, вызывали гражданскую войну. Такая вредная практика постепенно исчезла, по мере того как правители расширили свою власть.

Последним способом стало обращение к иностранным правителям с просьбой выступить хранителями договоров о перемирии или мире. Повсеместно распространились гарантийные акты; державы давали обещания и не держали слова. Договоры, гарантом которых выступает тот или иной государь, зачастую для него безразличны; а нередко он оказывается заинтересован в том, чтобы разжечь распри, которые должен предотвращать. Подчас страх не дает ему вмешиваться в чужие споры, а иногда он поддается на уговоры или подкуп державы, нарушившей мир.

Будет ли мне дозволено, завершая эту главу, бросить взгляд в будущее? Видя, как большинство государств изнемогают и, так сказать, изнывают под бременем долгов, которые война вынудила их набрать, не следует ли опасаться, что слабость заставит их прибегнуть к опасному способу прекращать разногласия исключительно путем перемирий? Зло находится куда ближе, чем это кажется, и для держав настало время обратить больше внимания на самих себя, нежели на соседей.

Глава семнадцатая

О торговых договорах. Отступление касательно роскоши

После всего того, что я поведал о текущем положении дел в Европе и о той важной роли, которую играет в ней торговля, легко понять, что последней должно быть отведено значительное место на переговорах.

По мере совершенствования искусства кораблевождения и появления у государств вместо скромных барок, курсировавших вдоль собственных берегов, крупных судов, с помощью которых они обрели возможность устанавливать связи между всеми частями света, возникла необходимость подчинить мореплавание общим законам.

В ходе переговоров нации выработали нынешнее морское право народов¹.

Если бы державы вели себя в соответствии со своими подлинными интересами, то прописывали бы в своих торговых соглашениях лишь общие договоренности, призванные обеспечить свободу морей и судоходства, ибо очевидно, что после урегулирования этих положений каждая нация не могла бы сделать ничего лучше для процветания собственной торговли, нежели установить у себя такие внутренние законы, которые позволили бы гражданам вывозить за границу свои

¹ Отсылаю читателя к тому, что я рассказал о нем в сборнике «Европейское публичное право, основанное на договорах». См.: *Mably, l'abbé de*. Op. cit. Chap. XII. Des Traités de commerce et de navigation conclus entre les puissances de l'Europe. Art. Conventions générales touchant la navigation et le commerce. Этот раздел следует непосредственно за вводной частью указанной главы.

товары и ввозить те, которых в стране не хватает, — причем на более выгодных условиях, чем иностранцы. Если держава не создает для собственных граждан более благоприятных условий по сравнению с заграницей, то промышленность начинает хиреть и неминуемо приводит в упадок торговлю, а у государства вместо настоящих купцов появляются лишь посредники.

Не менее очевидно и то, что всякая особая привилегия, которую государство предоставляет иностранным коммерсантам, наносит вред его собственной торговле. Подобные льготы обременительны для нее, поскольку те торговцы, которым они были даны, неизбежно начинают ими злоупотреблять, чтобы установить своего рода монополию. Прочие же мечтают заполучить точно такое же преимущество, и для этого стараются внушать к себе страх или же покупают льготы в обмен на какие-то услуги.

Как только особая льгота становится общим правилом, монополии тут же исчезают, это правда, однако в таком случае государство перестает быть полновластным распорядителем существующих в нем законов торговли и начинает способствовать развитию промышленности и других видов деятельности в соседних странах, дав им толчок тем, что погасило стремление к предпринимательству и труду у собственных граждан.

Из вышесказанного естественным образом вытекает, что, за исключением соглашений, относящихся к праву народов, торговля не должна становиться предметом переговоров. Каждая держава в этом смысле обязана полагаться лишь на себя. После того как она заведет у себя порядки, которые, по ее мнению, наилучшим образом учитывают ее положение, характер имеющихся у нее ресурсов и излюбленные занятия ее жителей, ей следует, подобно Англии, проявлять твердость и никогда не отступать от установленных правил

в пользу иностранцев. Эта твердость должна пронизывать всю политику государства.

Не стану распространяться о том, как надо вести переговоры и составлять торговые соглашения, скажу лишь, что их вовсе не нужно заключать, разве только в тех случаях, когда вам представилась счастливая возможность потребовать, чтобы какой-нибудь народ предоставил вам ту или иную привилегию у себя в стране и при этом вы совсем не обязаны покупать ее в обмен на равноценные уступки.

Не могу удержаться от соблазна, чтобы не привести здесь некоторые соображения, которые, может быть, не имеют прямой связи с предметом настоящего сочинения, но представляются мне важными или по крайней мере, заставляют размышлять о весьма важных вещах и достойны всяческого внимания со стороны людей, управляющих государствами.

Как заметил один гениальный человек, писавший на эту тему¹, торговля была бы бесполезна для нации, замкнувшейся в себе самой и не имеющей ни соседей, ни каких-либо дел, которые она должна с ними решать*. Ее гражданам было бы достаточно вести обмен продуктами питания и прочими товарами, а для облегчения обменов — договориться о введении какой-нибудь монеты или иного платежного средства, способного ее заменить. Для такого народа не было бы необходимости вести крупномасштабную торговлю с внешним миром и приобретать богатства. Накапливая золото и серебро, гражданин не становился бы богаче, ибо цены на все нужные ему вещи росли бы пропорционально увеличению богатств и распространению роскоши.

Всякий человек прекрасно понимает, что утонченные удовольствия, наслаждения, роскошь, изящество — это все продукты торговли, но они вовсе не являются стимулом для занятия ею, ибо все эти блага, становящиеся столь необхо-

¹ Г-н Юм. См.: *Hume D. Political Discourses.*

димыми для людей, как только они с ними познакомятся, на самом деле нисколько не прибавляют им счастья.

Но едва лишь нация столкнется с необходимостью вести войну, ей приходится ради своей безопасности содержать войска, однако она не может привести их в действие, не потратив значительных средств, а потому ей непременно оказываются нужны либо государственные институты, сходные с теми, что существовали в Римской республике, умевшей обогащаться за счет войны, либо торговля, которая будет пополнять богатство государства, обеспечивать поступление доходов, способных удовлетворить его повседневные нужды, а также накапливать в достаточном количестве ресурсы на случай возникновения непредвиденных обстоятельств.

Из этих принципов, которые, если я не впадаю в заблуждение, должны казаться неоспоримыми, следует сделать вывод о том, что торговля как род занятий, с помощью которого можно вернее всего обеспечить благосостояние наибольшего числа граждан (ибо она лучше, чем что бы то ни было, может создать избыток различных запасов), как ничто иное заслуживает, чтобы правительство взяло ее под свою опеку.

Основное внимание политиков должно быть направлено на торговлю плодами земледелия. Если не поощрять трудолюбия землепашцев, то нация в целом никогда не будет правильно устроена, а большинство граждан, едва сводя концы с концами, не выберутся из нужды, хотя отдельные города, возможно, и будут процветать благодаря мануфактурам. А чтобы собрать с населения средства для государственных нужд, придется подавлять его с варварской жестокостью.

Равновесие в торговле полезно для государства, однако достаточно ли этого, чтобы государство стало могущественным? Разумеется, нет.

Нет особого преимущества в том, чтобы посредством торговли заработать больше миллионов по сравнению со своими

соседями, если правительство при этом не владеет искусством, как распределить доходы по всей стране таким образом, чтобы они вдохнули жизнь во все части нации и способствовали росту достатка всех жителей. Богатства попадут в сундуки лишь ограниченного числа граждан. И если эти люди скупы, то богатства так и останутся там без движения, как будто бы их не было вовсе; если же они расточительны, то богатства будут способствовать распространению роскоши.

Подозреваю, что вопросы торговли следует непременно увязывать с финансами, а финансы — всегда рассматривать лишь вкупе с торговлей. Эти две намертво скрепленные между собой шестерни одной машины должны сцепляться друг с другом, дабы совершать совместное движение. Но, к сожалению, выходящие у нас книжки о торговле и финансах неизменно толкуют эти темы в отрыве друг от друга: в одних лишь рассматриваются пути привлечения денег в государство, а в других — способы обогащения государя или, точнее говоря, те, что помогут ему раздобыть деньги в нужном количестве.

Когда торговля рассматривается с точки зрения купца, то меня не удивляют похвалы роскоши. Но почему ту же грубую ошибку допустил философ и политик* г-н Юм? Если главная цель, которую ставит перед собой правительство, создавая благоприятные условия для торговли, состоит и должна состоять в том, чтобы приумножить силы и ресурсы нации и обеспечить ей возможности для защиты собственных законов и владений от врагов, как можно усомниться в том, что роскошь этой цели препятствует? Принесут ли деньги, которые благодаря роскоши приходят в государство, ему столько же добра, сколько зла творят дурные нравы, сопровождающие страсть к роскоши? Пусть у читателя не возникнет опасения, будто я собираюсь выложить здесь все моралистические соображения, уже ставшие общими места-

ми. Я чувствую, что чересчур удалился от главной темы, а потому ограничусь лишь несколькими замечаниями, которые, может быть, убедительно докажут, что роскошь не только ни в малейшей степени не способствует развитию торговли*, но и, напротив, является симптомом ее близкого упадка¹.

Одним из неизбежных последствий распространения роскоши становится удорожание рабочей силы, а поскольку это повышает стоимость товаров, значит, роскошь вредит развитию торговли, все искусство которой состоит в том, чтобы увеличивать сбыт, продавая товары по самой оптимальной цене. Коль скоро роскошь способствует развалу торговли, порождением коей сама же и является, то вместо того, чтобы изыскивать способы, как ее поощрить, не лучше ли было бы подумать над тем, каким образом замедлить ее распространение? Может быть, политическим деятелям стоило бы выдвинуть требование о том, чтобы создавать благоприятные условия лишь для отдельных видов торговли и брать их под защиту только в ограниченной степени, ибо должно существовать известное соотношение между этой сферой государственной деятельности и другими, дабы все они сообща работали на достижение одной и той же цели. Возможно, чересчур масштабная торговля — столь же великое несчастье для государства, как владычество над слишком обширными территориями. Рассуждая о торговле, не следует рассматривать ее изолированно, ведь ни одно государство не занимается исключительно коммерцией.

Как бы кратко я ни старался говорить о проблемах, порождаемых жадной роскоши, я не должен забыть и о том, что роскошь делает бесполезными сами богатства, которые

¹ Желаящих ознакомиться с полным набором доказательств истинности данного утверждения отсылаю к книге «Опыт о природе коммерции в целом» («Essai sur la nature du commerce en général») г-на Кантьиона. Бесспорно, это лучшее сочинение из всех написанных на данную тему.

благодаря ей попали в государство; свойство роскоши — делать беднее самых богатых граждан, ибо их потребности растут куда быстрее богатств, как только они пускаются во все тяжкие, потакая своему пристрастию к излишествам и изысканным вещам. Государство вынуждено считаться с их испорченными нравами и может найти спасение лишь в том, чтобы брать у них в долг под огромные проценты или без возврата; и такая пагубная политика, которая не позволяет беднякам надеяться даже на малейшее ослабление налогового бремени, еще более увеличивает стремление богачей к бессмысленным тратам, довершая разорение множества семейств.

Применительно к торговле лучше было бы придерживаться принципов герцога де Сюлли, нежели тех, коим следовал г-н Кольбер*; подозреваю, по крайней мере, что это так. Но даже если бы мы располагали всеми знаниями, необходимыми для вынесения определенного суждения на сей счет, боюсь, нашлось бы мало государственных мужей в достаточной степени добродетельных, чтобы попытаться пойти по стопам первого из названных мною министров.

Если земли королевства будут лучше обработаны, если некоторый недостаток появится даже у последнего из сословий граждан, этого никто не заметит и никто даже не снизойдет обратить на сей факт внимание. Но стоит только какой-нибудь мануфактуре изобрести новые безделушки, как их образцами тут же загромождают дворцы, а министру, под чьим покровительством та мануфактура находится, непременно воздадут хвалу как великому человеку, хотя, может быть, единственное, что он сделал для государства, — это нанес ему еще одну рану.

Глава восемнадцатая

Об из ряда вон выходящих событиях.

Размышления, относящиеся к этому предмету

Политика похожа на любимые нами игры, в которых сочетаются наука и случайность, и как игрок не выигрывает всякий раз даже тогда, когда ему противостоит менее искусный соперник, так и государство, пусть и руководствующееся самыми мудрыми принципами, не может постоянно добиваться успеха во всех своих начинаниях. Фортуна, которая сводит на нет расчеты игрока, изобретая немыслимые комбинации, предвидеть которые невозможно, иногда подшучивает и над благоразумием политиков. Лишь в результате длинной вереницы партий умелый игрок обретает преимущество и берет верх над капризами фортуны; так и государство, лишь осуществив длинную череду дел, сможет убедиться в истинности принципов, которые я попытался сформулировать в настоящем сочинении. Кто же не знает, что народ, которому самой судьбой было предназначено завоевать весь мир, чуть было не пал под натиском сперва галльских, а затем карфагенских войск?*

Несчастья зачастую потому кажутся куда более серьезными, чем есть на самом деле, что почти всегда обрушиваются совершенно неожиданно. Начиная некое дело, приятнее тешить себя надеждой, что оно завершится удачей, нежели терзаться чересчур глубокими размышлениями. Коль скоро ситуация развивается благоприятно, то, наблюдая за ней, никто не думает, что положение вещей может измениться; а ежели дела идут плохо, то люди убеждают себя в том, что время как-то все поправит.

Мы, другие люди, материалисты (*hommes vulgaires*), привыкшие, что называется, когда размышляем о государственных делах, смотреть на себя со стороны и подниматься над собственными предрассудками, вовсе не стали бы считать, что подобная беспечность — самый распространенный недостаток среди тех, кто управляет государством, кабы не знали, что всем людям по природе свойственно в повседневной жизни смотреть на вещи поверхностно, а действовать лениво и вяло. Разве это неправда, что, если бы в те промежутки времени, когда дела, как кажется, складываются наиболее удачно, государства готовили себе ресурсы на черный день, то почти никакие события не могли бы их напугать, даже такие, которые, по видимости, предвещают их гибель? При таком раскладе не составило бы труда отыскать лекарство от самых неожиданных недугов; тогда как сейчас министры, обманутые во всех своих чаяниях и не готовые ни к каким превратностям судьбы, способны в ответ на прихоти фортуны лишь проявить самонадеянность или испытать ужас.

Некоторые из ряда вон выходящие события вызывают внезапные, быстрые и кардинальные перемены; для того чтобы с ними справиться, нужны чрезвычайные средства. Однако, как я уже отмечал, повествуя о вторжении короля Пруссии в Саксонию, научиться этим тайным умениям нельзя. В современной истории есть всего несколько подобных примеров, тогда как в древней, в особенности греческой, их масса. В таких обстоятельствах в человеке просыпается великое мужество, которое вселяет в душу необходимое ей спокойствие, дающее возможность взвешивать ситуацию, и именно благодаря этому умственному превосходству человек быстро распознает, чего ему следует ожидать, а чего бояться.

Карл XII

Когда северные страны были объяты ужасом, Карл XII вознамерился оказать милость Дании, даровав ей мир; на польский престол посадил собственного ставленника*, а с русским царем собирался вести переговоры лишь после того, как сверг бы его с престола в Москве.

Пётр Великий был неспособен унижаться перед врагом; он видел, что ему противостоит герой, стремящийся построить всю свою будущность лишь благодаря собственному мужеству и полагающий, будто доблестью может преодолеть любые

невзгоды. Царь тут же преисполнился уверенности, что его московиты, едва знакомые с воинской дисциплиной, обязательно побьют шведов, а сам он сумеет перенять у врага искусство побеждать.

Для могучего государства, принявшего решение мужественно похоронить себя под собственными руинами, безнадежных положений почти не существует.

Когда нависшая опасность неминуема, высшим законом должно стать спасение государства. В таких ситуациях уже нет никакой системы, никакого порядка, никаких общих правил, которыми надлежит руководствоваться. Но когда непосредственная угроза миновала, благоразумно реже прибегать к крайним мерам, которые могут, если не приносят успеха, только усугубить зло, нежели следовать, для того чтобы его остановить, принципам, с помощью которых его можно было предотвратить.

Недалекий ум воображает, будто всегда находится в чрезвычайной ситуации и прибегает сразу же к крайним мерам,

ибо не умеет употреблять те, что естественным образом находятся у него под рукой.

Оказаться в опасном положении государство может по двум причинам: во-первых, когда его врагу благодаря исключительно талантливому употреблению имеющихся ресурсов удается их удвоить, если не утроить — или, по крайней мере, произвести такое впечатление, а во-вторых, когда противник умудряется поднять на борьбу с ним одновременно несколько крупных держав, которые сговариваются обречь его на гибель.

В первом случае мужество должно идти рука об руку с терпеливостью. Следует стремиться лишь к тому, чтобы довести врага до изнурения: ведь добрый дух, с помощью которого он сумел изыскать у себя ресурсы, позволившие начать серьезное дело, не дал ему реальных сил, необходимых, чтобы оное закончить, и с каждым днем его ресурсы неуклонно истощаются.

Во втором случае у союзников никогда не бывает столь одинаковой заинтересованности в согласованных действиях, чтобы оказалось невозможно поспорить их между собой. Чем больше они уверены в успехе дела, тем слабее связывающие их узы; они ставят перед собой разные цели, и первый же успех заставит их относиться друг к другу с подозрением.

Справедливая уверенность в своих силах некогда помогла Венецианской республике устоять в борьбе против грозной Лиги Камбрэ* и в конце концов одержать над нею верх.

Не стану говорить здесь о таких державах, чье дурное поведение вызывает к ним презрение со стороны соседей. Поскольку такие державы не умеют пользоваться своими залежавшимися ресурсами и вдобавок неспособны ни

Анна Австрийская

проявить мужество, ни воспользоваться благоприятным поворотом событий, который могут устроить для них фортуна и время, им приходится ради собственного спасения идти на огромные жертвы, а если их враги безжалостны, то державы эти погибают, ибо в политике, как и в медицине, от некоторых недугов лекарств нет.

Бывают обстоятельства, когда что ни делай, неизбежно попадешь впросак. Великий человек тяжело вздыхает и по

зрелом размышлении выбирает путь, чреватый наименьшими неприятностями. Глупый же министр не замечает, что находится в опасном положении; он действует, поскольку не видит, что совершает промашку, но, что бы он ни делал, он полезнее для государства, коим правит, нежели нерешительный человек, который способен заранее предвидеть все отрицательные стороны тех шагов, каковые может предпринять, и который, будучи не в силах решиться на небольшую оплошность, допускает огромную ошибку, так и не выбрав никакого пути.

После кончины Людовика XIII королева, ставшая регентшей Франции*, поручила управление государственными делами своему духовнику, епископу Бовэ. Этому прелату, порядочному человеку, взбрело в голову, что Франция должна иметь в качестве союзников лишь католические государства, коль скоро она желает, чтобы Господь способствовал успеху ее начинаний. На первой же аудиенции, которую епископ дал послам Со-

единенных провинций, он предложил им в качестве предварительного условия для возобновления союза добиться, чтобы их повелители уверовали в пресуществление* и распорядились о проведении в Гааге католической мессы. Не думаю, что голландским представителям удалось бы вернуть здравый смысл человеку, который его лишился; ограничились тем, что выставили прелата на посмешище, обнаружив его требования.

Когда такому отклонению оказывается подвержен лишь один министр, большой беды нет; его опала, почти неизбежная, тотчас же восстанавливает здравый смысл в его правах. Но если бы подобное завихрение (*vertige*) обнаружилось у государя, настаивающего на том, чтобы править самостоятельно, что оставалось бы делать, дабы завязать целесообразные переговоры?

* * *

Мне не удалось бы закончить эту главу, пожелай я подробно описать все чрезвычайные события, способные изменить естественный порядок вещей и вызвать неожиданные повороты (*révolutions*) в ходе переговоров и существовании союзов. Придется ограничиться перечислением основных причин таких событий.

Первая причина состоит в том, что сама природа правления в большинстве европейских государств не позволяет им, как я уже говорил, придерживаться твердых и постоянных принципов при ведении переговоров и поддержании альянсов.

Другая причина заключается в нерадивости (*négligence*) большей части лиц, управляющих государствами. Их одолевают повседневные заботы, не дающие им уделить должное внимание тому, как меняются интересы государств, а в особенности представления об этих интересах, что складываются у сменяющих друг друга правителей в зависимости

Сэр Уильям Темпл

и главных министров, руководящих государственными делами», — писал сэр Уильям Темпл*.

от их характеров, а также от того, что они поочередно удостоивают своего доверия министров то робких, то предприимчивых, то умеренных, то честолюбивых, то скупых, то щедрых, то образованных, то мало просвещенных.

«Наилучшим образом составить представление об истинных намерениях государства можно путем тщательного изучения характера (tempérament), умственного склада (esprit) и нрава (humeur) правителей

Несомненно, для предотвращения неприятностей было бы высшим проявлением благоразумия последовать этому правилу, но его недостаточно, чтобы неприятности остановить, когда, будучи брошена на произвол судьбы одновременно всеми главными державами, Европа оказывается в состоянии чрезвычайного хаоса. Ежели такое происходит, то уже не время рассуждать о характере правителей и министров, тем более что проявить его они уже не могут: их тащит за собой водоворот событий; все решает случай.

Когда в подобных обстоятельствах находится человек, призванный отыскать решение государственных проблем, он должен в первую очередь взять себе за правило рассчитывать исключительно на собственные силы государства, коим управляет, поставить перед собою цель, соразмерную с объемом оставшихся в его распоряжении ресурсов, а так

же дать твердую опору умам, по-прежнему находящимся в состоянии возбуждения, и как никогда последовательно придерживаться самых непреложных политических принципов.

В таких ситуациях можно также с успехом прибегать к чрезвычайным мерам; но все рухнет, коль скоро преисполненный самомнения министр примет за произведение гениального ума то, что на самом деле является не чем иным, как проявлением безрассудной дерзости или плохо задуманной хитрости.

Глава девятнадцатая

О подборе лиц на должности послов и министров второго разряда.
Об их взаимодействии с правительством, у которого они состоят на службе

Как я уже говорил, если бы мы ограничились тем, что стали бы рассматривать искусство переговоров в связи с функциями и обязанностями послов или официальных представителей второго разряда, то дипломатам можно было бы порекомендовать лишь одно-единственное правило, а именно: не придерживаться никаких заранее заданных моделей поведения и в зависимости от потребности задействовать все способы, могущие привести к успеху порученного им дела. Страсти, предубеждения и невежество, переплетаясь между собой, создают столько комбинаций и принимают подчас столь причудливые и необычайные формы, что ни один писатель не может похвастать тем, что проследил все их метаморфозы и способен для каждой ситуации предписать тот или иной образ действий.

Не стану в подробностях останавливаться на всех качествах, необходимых для воспитания идеального посла, ибо мне пришлось бы нарисовать человека, который никогда не появится на этой земле; но, даже если бы он в конце концов возник, то оказалось бы, что существует множество обстоятельств, когда привлекать его на службу было бы просто опасно.

Предположим, он в совершенстве разбирается в естественном праве и праве народов, досконально изучил все виды правлений, существующие в Европе, и проник во

все тайны государей, узнал обо всех существующих у них обязательствах, силах и ресурсах, а сам он справедлив, отличается умом обширным и плодовитым, видит вещи в целом и не пренебрегает деталями, — какой пользы вы можете ожидать от его услуг, направляя подобного человека ко двору, полному интриг, ко двору, который предается удовольствиям и не осознает своих интересов, ко двору, где заняты не важным делом, а лишь пустяками, на которые никогда не стоит обращать внимание? Наш выдающийся человек прослыл бы там за чудаковатого педанта.

Луиза де Керуаль

Есть целый ряд обстоятельств, когда следует останавливать выбор на человеке заурядном, а случилось, что пользу приносили даже некоторая порочность нрава и испорченность ума.

При дворе, подобном двору Карла II, мадемуазель де Керуаль со своими широко распахнутыми глазками, маленьким ротиком и точеной фигуркой куда лучше справится с дипломатической миссией, чем все полномочные представители, принимавшие участие в Мюнстерском конгрессе*, вместе взятые.

Как говаривал один министр*, к государю легкого нрава я направляю такого посла, который будет не лишним в качестве компаньона по развлечениям. Так что м-ль де Керуаль, этот политик весьма необычного типа, отправилась в Англию и добилась успеха, да и на самом деле не могла его не добиться.

В спокойные времена, когда все державы заняты лишь тем, что наблюдают друг за другом, каждый Государственный совет нуждается лишь в получении достоверных сведений о том, что происходит у соседей, дабы иметь возможность правильнее рассчитать свои шаги. Каково состояние их финансов, торговли и вооруженных сил? Каковы способности каждого из министров и каким влиянием они пользуются?

Человек, умеющий как следует разглядеть то, что происходит на его глазах, и в точности изложить это в письменном отчете, может в подобных обстоятельствах оказаться хорошим послом.

Когда же послу уже недостаточно быть просто добросовестным очевидцем, излагающим события, и настанет время действий, тогда становятся необходимы люди, обладающие талантами, причем самого разнообразного свойства, — в зависимости от обстоятельств, в которых проходят переговоры. В одном случае успех ждет человека медлительного, в другом надлежит проявить живость. Чем важнее дела, о которых ведутся переговоры, тем более обширными познаниями должны обладать дипломаты.

Наконец, когда встает вопрос о том, чтобы предотвратить разрыв отношений, создать союз на случай войны или покончить с распрями посредством заключения мира, желательно, чтобы послы обладали сразу всеми талантами, коих требует такой род деятельности, как занятие иностранными делами.

Успех переговоров зависит не только от мудрости, проявленной при составлении плана их проведения. Иной раз опытный государственный министр может дать поручение послу, чьи способности будут вполне сопоставимы с его собственными, но ничего при этом не добиться; ведь в небольшой степени успех переговоров обуславливается взаимо-

отношениями между министром и послом, а отношения эти редко когда бывают такими, как нужно для пользы дела.

Чтобы установить плодотворные взаимоотношения, первым делом следует дать послу правильно составленные инструкции, то есть такие, которые содержат простое, но вместе с тем подробное описание общего плана переговоров, намеченных правительством, и конкретной цели, которую его представитель должен поставить перед собой и добиваться при выполнении своей миссии.

Если дипломат не в курсе общей картины дел, коей проводимые им переговоры зачастую составляют лишь небольшой фрагмент, он сможет действовать лишь наугад и никогда не осмелится взять на себя ответственность за что-либо. Оставаясь рабом данных ему указаний и находясь в вечном страхе зайти чересчур далеко и оказаться потом дезавуированным, он будет вынужден отправлять столько курьеров к себе на родину, сколько различных предложений получит от другой стороны. Тем временем благоприятный случай для успешного окончания переговоров или даже для принятия решения, которое могло бы принести пользу общему делу, окажется упущен навсегда. Читая донесения некоторых послов, горько наблюдать, как, дав основательную оценку какому-нибудь событию, они не осмелились принять решение, — под предлогом того, что общая картина дел им неведома.

Нынче принято жаловаться, что умные люди оказываются низведены до положения автоматов, но как не упрекнуть правительство, методично душающее таланты, к чьим услугам само желает прибегнуть?

Иногда бывает так, что превращение инструкций в набор туманных формулировок и расплывчатых указаний объясняется вовсе не ревностью, не невежеством и не смехотворным тщеславием со стороны министра. Порой случается так, что переговоры необходимо начать еще до

того, как сложится ясное, четкое и точное представление о том, какой цели предполагается на них добиться. Речь в таких ситуациях идет лишь о том, чтобы разведать умонастроения, со всех сторон изучить, на чем можно строить свои расчеты и на каких принципах действовать.

Однако по мере того как ситуация проясняется, в дальнейшем в своих посланиях министр должен исправить недостатки инструкций, а как только у него сложится план последующих действий, ему надлежит довести его до сведения посла.

Нет ничего менее благоразумного, чем пытаться регламентировать во всех подробностях каждый шаг посла; он должен обладать определенной свободой действий и, в зависимости от того, как складываются обстоятельства, решать в каждом отдельном случае, какие средства использовать.

Инструкции, которые по приказу Генриха IV были выданы президенту Жаннену, назначенному вести переговоры о перемирии между Соединенными провинциями и Испанией (каковое и было заключено на 12 лет), содержат некоторые общие замечания о том, как ему следовало поступать. Но в своем первом послании ему¹ г-н де Вильруа написал следующее: «Король предполагает, что Вы сами составите для себя основные инструкции насчет того, что Вам предстоит сделать во время этой поездки»².

А кардинал Мазарини во время Пиренейских совещаний испытал на себе, насколько такая свобода действий идет на пользу делам. «Я вижу, — писал он г-ну де Летелье 30 августа 1659 г., — что короли добиваются немалой выгоды, когда в важнейших делах дают поручения таким людям, которые, будучи совершенно уверены в их благосклонном расположении, отважно ведут переговоры и не колеблясь предлагают тысячи способов для их благополучного завершения».

¹ От 23 апреля 1607 г. — *Примеч. пер.*

² Les négociations du Président Jeannin // Nouvelle collection des Mémoires pour servir à l'Histoire de France ... / Par MM. Michaud ... et Poujoulat. À Paris: chez l'éditeur du commentaire analytique du Code civil..., 1837. Т. IV. Р. 44. — *Примеч. пер.*

Если государь доверяет свои дела людям, лишенным всякой способности к логическому мышлению, он совершает ошибку; но уж коль скоро его послы умеют рассуждать, то зачем мешать им делать выводы исходя из тех основных принципов, которые были им даны?

Мне возразят, без сомнения, что, для того чтобы действовать так, как я предлагаю, следовало бы брать на службу лишь людей умных, искусных (*habiles*), добропорядочных и умеющих хранить тайну, — и я с этим соглашусь. Но каким бы ничтожным по размерам ни было государство, разве нельзя найти в нем пять—шесть граждан, которым можно было бы без опаски доверить тайну переговоров и которые обладали бы при этом определенной широтой ума и способностью правильно мыслить? Ежели они не имеют ни малейшего представления ни об интересах своей страны, ни об общем положении дел в Европе, то это, без сомнения, вина правительства, которое не сумело уделить достаточно внимания тому, чтобы привить гражданам страны такие знания, и не озаботилось подготовкой государственных деятелей.

Следует признать, что нередко обмену идеями и мыслями, столь необходимому для успеха на переговорах, препятствует бездарность министра, перед которым послы должны отчитываться за свои действия. Если министр ощущает превосходство подчиненного, он начинает его опасаться и испытывать беспокойство за свою судьбу. И чем менее он достоин места, которое занимает, тем более ревностно станет охранять свою власть, а чем хуже соображает, тем тщательнее будет скрывать собственное невежество. Он начинает избегать любых совещаний, предпочитая просто раздавать приказания. При этом, дабы не выдать своего замешательства, он напускает на себя чрезвычайно таинственный вид, желая показать, что у него имеются некие сокровенные мысли, которыми еще не настало время делиться. Его по-

слания не сообщают ровно ничего либо противоречат одно другому, потому что он опасается себя скомпрометировать или же хочет оставить за собой возможность дезавуировать действия, не принесшие успеха, а то и поставить себе в заслугу то, что удалось. Если при таком министре посол не обладает бóльшим умом и мужеством, чем его начальник, он будет напоминать слепца, бредущего наугад, или же вовсе не решится на какие-либо действия.

В том случае, если посол талантлив, он станет помышлять лишь о том, как обеспечить свою будущность. Поскольку его снабдили одними лишь двусмысленными указаниями, он будет отчитываться о своих поступках исключительно в расплывчатой манере — ведь он также, в свою очередь, боится скомпрометировать себя неверным шагом; его депеши недостоверны. Министр и посол стремятся провести друг друга, а чтобы достичь взаимопонимания, им понадобился бы посредник.

О том, как вел переговоры кардинал Ришельё, сочиняют престранные небылицы. Чтобы придать кардиналу еще больше величия, некоторые недалекие писатели чуть ли не выставляют его в нелепом виде. Послушать их, так этот министр был столь глубоким политиком, что зачастую обманывал даже послов, получавших от него указания. А еще он якобы поручал вести переговоры по одному и тому же вопросу сразу нескольким агентам, причем каждый из них был лишь частично посвящен в дела.

«Только после смерти кардинала Ришельё, — пишет Амело де Ла Уссе, — граф де Ботрю сумел избавиться от заблуждения, в коем неизменно пребывал, будто бы являлся одним из ближайших доверенных лиц этого министра.

Один книгоиздатель по фамилии Бертье, к которому граф обратился с предложением напечатать воспоминания о переговорах, проведенных им в Испании, отсоветовал ему публиковать их.

Ботрю со всей настойчивостью потребовал от него разъяснений насчет причины такого совета.

“Видите ли, сударь, — сказал Бертье, — как вам известно, я находился в Мадриде в одно время с вами, и у меня был приказ добиваться на переговорах с графом-герцогом Оливаресом целей прямо противоположных тем, коих добивались вы. А ежели вы в том сомневаетесь, то я вам покажу данные мне секретные инструкции, скрепленные собственноручной подписью господина де Нуайе, и таким образом вы убедитесь, что если вы представляли в Мадриде короля, то я представлял кардинала, благодаря чему мне в один день удавалось разрушить то, что вы не могли создать и за три месяца”»¹.

Я понимаю: могут быть случаи, когда министр, будь то из корыстных интересов или из-за неблагоприятного развития событий бывает доведен до тяжелой крайности и оказывается вынужден давать послу ложные инструкции или же, не доверяя его умениям, нанимает тайного агента для ведения переговоров, которые следовало бы поручить самому послу.

Но чтобы одновременно вести переговоры о прямо противоположных вещах и чтобы секретный посланник разрушал работу, проделанную официальным послом, — это бред, который ничто не может оправдать.

Мнимые переговоры графа де Ботрю и Бертье лишь опозорили бы французское правительство, не принеся никакой пользы.

Какое недоверие возбудило бы подобное поведение у мадридского двора! И по какому признаку граф-герцог Оливарес должен был бы догадаться о том, что впоследствии кардинал Ришельё вел переговоры на полном серьезе?

¹ *Amelot de la Houssaie A.-N. Mémoires historiques, critiques, politiques et littéraires: En 2 vol. Amsterdam: Michel Charles le Cène. Vol. I. P. 381—382. — Примеч. пер.*

* * *

Чем больше лица, привлеченные к государственной службе, склонны потакать вкусам министра и чем меньше стараются возражать ему, тем настойчивее он должен побуждать их к тому, чтобы они открывали ему правду, какой бы горькой она ни была.

Господин де Кальер рассказывает такой случай: «*Дон Эстебан де Гамаффа* длительное время ревностно и преданно служил королю испанскому как во время войны, так и на переговорах, в особенности в Голландии, где он долго был послом; у него в Государственном совете Испании был родственник, который охотно расхваливал его услуги; однако, он не получал за них никакого вознаграждения, тогда как новички продвигались на более высокие должности. Он решил отправиться в Мадрид, дабы выяснить причину своих неудач; там он предъявил жалобы своему родственнику-министру, напомнив ему о своей долгой службе и преданных забвению важных услугах; министр же, спокойно выслушав его, ответил, что он должен винить только самого себя в своем неблагополучии, ибо если бы он был столь же ловким придворным, сколь искусным дипломатом и верным подданным, он продвинулся бы так же, как и другие, которые не столь хорошо служили; но правдивость препятствовала его удаче, все его депеши содержали в себе одни только истины, неприятные королю и его министрам: когда французы одерживали какую-либо победу, он честно сообщал о ней в своих письмах, когда они осаждали какой-нибудь город, он первый об этом уведомлял и предупреждал, что город может быть взят, если не будет отдан приказ об оказании ему помощи, когда какой-нибудь союзник бывал недоволен и разочарован тем, что испанский двор не сдержал данного ему слова, он докучал двору своими настойчивыми просьбами выполнить обещанное и предупреждал, что этот союзник готов выйти из союза, если ему не дадут удовлетворения; другие же испанские дипломаты, лучше соблюдавшие собственные интересы и знавшие способы обеспечить свою будущность, называли французов в своих донесениях трусами (*Gavaches*), сообщали, что их армии развалены и не в состоянии

ничего предпринять, а когда французские войска добивались каких-либо успехов, уверяли, что они разбиты, а их враги готовы войти во Францию; к этому министр прибавил, что король Испании и его Совет полагали, что они не могут ни в полной мере наградить тех, кто присылал им столь добрые известия, ни достаточно забыть такого человека, как он, который извещал их только о неприятностях.

Подивившись нарисованной его родственником картине испанского двора, *дон Эстебан де Гамафра* сказал: ежели для обеспечения собственной будущности в нашей стране только того и нужно, что побеждать французов ложными донесениями, я более не отчаиваюсь в своих личных неудачах; и он возвратился в Нидерланды, где столь хорошо воспользовался советами своего родственника, что вскоре был осыпан многими *Mercedes*¹, как это называется по-испански, и дела его пошли в гору, по мере того как он старался своими депешами мысленно расстроить дела французов»².

¹ *Mercedes (исп.)* — милости.

² *Кальер Ф. де.* О способах ведения переговоров с государями / Пер. Л.А. Сифуровой. М.: Гендальф, 2000. С. 119–120. — *Примеч. пер.*

Глава двадцатая

Об обязанностях послов

Во Франции было два знаменитых дипломата, противоположных по характеру, но одинаково пользовавшихся заслуженной славой. Я говорю о кардинале д'Осса и кардинале Мазарини.

* * *

Первый вел переговоры с максимальной искренностью; добросовестность служила основой его политики и, отыскивая в самом характере порученных ему дел средства для их успешного осуществления, он благодаря своей проницательности не упускал из виду ничего, что могло бы способствовать их благоприятному исходу. Его доводы всегда бывали предельно основательны, а все его искусство состояло в том, чтобы беспрестанно излагать их своему противнику, но без особого нажима и таким образом, чтобы как можно вернее его сразить.

Несмотря на то, что д'Осса вел переговоры в стране, где все претендуют на изворотливость* и где дипломатов любят обводить вокруг пальца, ставя их в неловкое положение всякими уловками и увертками, никому не удавалось сбить его с тех выгодных позиций, которые он с самого начала занимал. Противопоставляя хитрости искренность и проявляя терпение в ситуациях, когда случались естественные паузы в ходе переговоров или когда он сталкивался с намеренной волокитой (обычное явление при дворе, где

решения принимаются с большой оглядкой), он вынуждал противника снова и снова возвращаться к обсуждению нужных ему, кардиналу, вопросов.

Ничто не характеризует этого дипломата лучше, чем великолепная депеша от 23 декабря 1594 г., в которой он описывает Генриху IV умонастроения, страсти и интересы, преобладавшие при папском дворе по вопросу об отпущении грехов королю, коего кардинал там добивался.

Он писал*, что «Папа... не станет принимать никакого решения по этому вопросу, предварительно как следует не посоветовавшись. Они здесь все ужасные формалисты и подолгу решают любые вопросы, даже важные, а особенно те, что касаются религии. А уж поскольку им в руки попало дело, затрагивающее интересы столь высоких и видных особ, не приходится сомневаться, что они захотят извлечь из него все, что только можно, дабы упрочить и расширить свою власть, — пусть даже никто из них и не питает [к Вам] ненависти и неприязни и в целом не будет чинить никакого сопротивления или противодействия [Вашим намерениям]. Но здесь есть такие, которые столь преисполнены ненависти, что категорически не хотят, чтобы эта милость была Вам когда-либо дарована на каких бы то ни было условиях, независимо от того, какой огромный вред и какое огромное зло было бы тем самым нанесено христианскому миру. Да еще надо учесть, что Испания и оставшиеся приверженцы Лиги будут мешать Вам в этом всеми мыслимыми способами»¹.

Д'Осса призывает короля, не мешкая, в самое кратчайшее время отправить посольство, как он ранее ему посоветовал, чтобы обсудить сперва условия, на которых посольство будет направлено.

«...Я исхожу, — пишет он, — не столько из справедливости Вашего дела или морального обязательства, которое Вы на себя взяли и продолжаете нести и которое заключается в том, чтобы принять и вынести все, что разумно и осуществимо, а также не из недвусмысленно прозвучавших в беседе со мною изъявлений доброй воли со стороны Папы и г-на кар-

¹ Lettres... [du] Cardinal d'Ossat... P. 35–36. — *Примеч. пер.*

динала Альдобрандини, но из того, чем Вы владеете и обладаете, равно как и того, на что можете заявить свои права, — в точности так, как Вы поступили бы, если бы оспаривали какое-нибудь владение у кого-либо из своих вассалов. Я исхожу также из того, что более не существует способов принудить Вас сделать что-либо супротив Вашего достоинства, вопреки Вашей выгоде или Вашему желанию.

Государь, — продолжает д'Осса, — что бы ни говорили здесь Ваши хулители и каким бы оружием ни бряцали, Ваше Величество владеет королевством*»¹.

Он прибавляет, что король был допущен к участию во всех самых священных таинствах католической религии, что он распоряжается епископствами и аббатствами и что те, кому он их передает, пользуются приносимым ими доходом.

«Своим отказом принять Вас в лоно Церкви, — пишет далее д'Осса, — Папа фактически сам исключает свое присутствие в первом королевстве христианского мира и может вернуться туда, лишь если Вы проявите милость и отпустите ему грехи. Таким образом, сегодня идет речь не столько о том, чтобы реально и фактически принять Ваше Величество в лоно Церкви и допустить к короне, сколько о том, чтобы Папа восстановил во Франции утраченную им власть. И если касаться не вопросов совести, а всех прочих, то Папа более нуждается в том, чтобы Вы приняли от него отпущение, нежели Вы сами»². <...>.

Именно поэтому масштабы и завышенность требований, которые Вам могут выдвинуть с самого начала, меня ничуть не удивляют. Ибо когда Ваши послы добросовестно перечислят все то, что Ваше Величество согласны осуществить, и приведут приемлемые и убедительные доводы, почему то, чего та сторона желает более всего, сделано быть не может, ее представителям придется удовольствоваться рамками разумного. Ведь если та сторона вопреки велениям разума будет чересчур пылко настаивать на своем, а Ваши послы, изложив и несколько раз повторив справедливые и неизбежные причины, почему Вы не делаете того, что

¹ Ibid. P. 37.

² Ibid.

от Вас требуют, и исчерпав всю скромность и терпение, начнут выходить из себя и заявят своим собеседникам, что ничего из требуемого ими выполняться не будет и пусть они этого не ждут, что им останется делать? Какое есть у них средство, чтобы принудить Вас к чему-либо?¹ <...>

Его Святейшество не может не осознавать, какие корыстные интересы движут испанским королем, но ему дороже свое собственное благо и благо Святого престола, чем какого-либо другого правителя или государства, и ради удовлетворения чужой алчности он не захочет погубить себя и свои дела*»².

* * *

Кардинал Мазарини началом своей карьеры был обязан умению плести интриги. Приобретя привычку к изощреннейшему притворству в стране, где оно движет всем на свете, он применял его как никто другой, управляя нацией слишком порывистой и слишком нетерпеливой, чтобы не стать жертвой обмана со стороны человека, который бы неустанно стремился обвести ее вокруг пальца.

«Я не хотел бы, — писал он г-ну де Летелье 30 августа 1659 г., во время переговоров о заключении Пиренейского мира, — чтобы сложилось неправильное представление о той напористости (*hardiesse*), с которой я выдвигаю предложения дону Луису и представляю его вниманию определенные варианты решений, делая вид при этом, будто настаиваю на том, чтобы он их принял; ведь хотя мне отлично известно, что если бы он их действительно принял, то нам тем самым был бы причинен вред, я убежден, что мы абсолютно ничем не рискуем, ибо, имея четкое представление об их интересах и насущных потребностях, я точно знаю, что они не могут их принять».

¹ Ibid. P. 38.

² Ibid. P. 40.

* * *

Мазарини приобрел привычку выбирать одни лишь окольные пути и всячески подчеркивать, что как раз то, чего он добивался настойчивее всего, ему ничуть не нужно.

Д'Осса же стремился достичь успеха, обращаясь к самым глубинам разума, который наличествует даже у наименее разумных людей. Он хотел, чтобы его противнику было стыдно ему противодействовать и чтобы тот думал, будто бы, идя навстречу требованиям кардинала, уступает соображениям справедливости и разума.

Самолюбию Мазарини, напротив, в какой-то степени больше льстило, когда ему удавалось обмануть министра, с которым он вел переговоры, чем когда он просто добивался поставленной цели; и, вполне вероятно, он был бы весьма раздосадован, если бы по окончании переговоров собеседник не разглядел наконец кардинальских хитростей.

Способ, выбранный кардиналом Мазарини, может принести успех лишь поначалу, но если посол слывет изворотливым и хитрым дипломатом, для него становится невозможным из-за этого вести переговоры в тех случаях, когда не идет речи о том, чтобы просто тянуть время и заводить их в тупик. Такой политик с известной всем репутацией может, без сомнения, скрывать побудительные причины своих действий и цели, которые перед собой поставил, однако ему обыкновенно приписывают больше потаенных мыслей, нежели он и правда лелеет; те, кто имеет с ним дело, полагают, будто каждое сделанное им предложение и каждый его шаг — это ловушка; поэтому вместо того, чтобы решать дела, он занят тем, что ведет бессмысленную борьбу с фантазиями, существующими в воображении его противника, а проводимые им переговоры не выходят из-за этого за рамки предварительного этапа.

Если бы дон Луис де Аро не был весьма заурядным человеком, он бы терпеливо дождался, покуда кардинал Мазарини не исчерпает запаса своих хитростей, а уж затем стал бы вести переговоры и привел бы кардинала в замешательство, приняв какие-либо из предлагавшихся им вариантов.

На самом деле кардинал Мазарини добивался успеха на переговорах не благодаря своим изощренным выдумкам, а как раз вопреки им. Широта его знаний и богатство воображения, позволявшие без труда изыскивать ресурсы и изобретать средства для достижения целей, исправляли вред, который он причинял себе своими же хитростями, и лишь эти качества давали ему перевес над противниками.

* * *

Обязанности, которые исполняет посол, имеют огромное значение. Он должен неизменно помнить о том, что выступает посланцем мира и единения между народами. Во всякое время он обязан докладывать своему повелителю правду, а тот факт, что при иностранном дворе, где он находится, его особа неприкосновенна, должен лишь позволить ему еще сильнее проникнуться важностью своей миссии.

Однако я отдаю себе отчет в том, что все сказанное мною здесь не принесет никакой пользы. Что толку подробно излагать обязанности послов, ежели правительство, у которого они состоят на службе, желает, чтобы они этими обязанностями пренебрегали?

Какова держава — справедливая или честолюбивая, умеренная или алчная, беспокойная или миролюбивая, — такими же пороками или добродетелями будет наделен и ее посол. Его жадность и честолюбие в равной степени велят ему придумывать, как понравиться повелителю, беря при-

мер с его добросовестности, осмотрительности и умеренности или же потакая его страстям, прихотям и переменам настроения.

Какими бы соображениями посол ни руководствовался, его главная цель — добиться успеха в выполнении возложенной на него миссии. Он должен уметь представить дела таким образом, чтобы вернее всего привлечь на свою сторону министров, с которыми договаривается. Каким искусством нужно владеть, чтобы шаг за шагом вести своего противника к намеченной цели, дабы, когда тот наконец окажется готов принять предложения, которые поначалу намеревался отвергнуть, те показались ему лишь неизбежным следствием предшествующих событий!

«Необходимо отметить также, — пишет один знаменитый министр, — что если сильные и основательные доводы превосходны для убеждения людей с умом обширным и мощным, то для людей посредственных больше подходят резоны слабые, ибо таковые им понятнее. Каждый составляет представление о делах в соответствии со своими талантами... Манеру обращения с каждым человеком следует выбирать, исходя из уровня его умственных способностей»¹.

Великолепная рекомендация, но бесполезная для всякого, кто не обладает выдающимся умом. Существует определенный порядок, облегчающий ведение переговоров; если ему не следовать, то движение вперед будет сильно замедлено и в конце концов какая-нибудь непредвиденная трудность сделает бесполезными уже составленные статьи договора.

¹ *Кардинал Ришельё*. Указ. соч. Ч. II, гл. VI, в которой объясняется, что проводимые повсюду непрерывные переговоры немало способствуют успеху в государственных делах.

Сэр Уильям Темпл пишет в своих мемуарах:* «Я считаю споры по вопросам церемониала дерзкими выходками, от которых никакой посол, наделенный соответствующим статусом, не может никуда деться; эти споры возбуждают люди, которые, не обладая никакими дарованиями, могущими служить им рекомендацией, хотят доказать свою значимость смехотворной скрупулезностью и щепетильностью в отношении церемоний».

На самом деле, я подозреваю, что дипломаты меньше бы стремились поддержать свое достоинство в мелочах, если бы лучше умели обращать внимание на вещи, в действительности составляющие величие, славу и благополучие государства.

КОНЕЦ

Примечания

Впервые сочинение «Принципы переговоров» было издано в 1757 г. в Гааге (по другим данным — в Париже, несмотря на то, что на титульном листе значится Гаага). С 1761 г. Мабли стал включать этот труд в качестве введения к ранее выпущенному им сборнику «Европейское публичное право, основанное на договорах» (1-е изд. — 1748), впоследствии неоднократно переиздававшемуся с дополнениями (Мабли анализировал вновь появлявшиеся договоры).

О переводах «Принципов переговоров» на другие языки нам практически ничего неизвестно. Знаем лишь, что к концу Первой мировой войны, когда вопрос о заключении мира приобрел для Германии особую остроту, произведение Мабли, неожиданно ставшее актуальным, было переведено на немецкий язык и вышло в Берлине примерно во второй половине 1917 г.¹

На русском языке данное произведение Мабли до сих пор не издавалось. Имеются данные о том, что перевод был подготовлен в начале XIX века². В «Деле о рассмотрении в Московском Цензурном комитете сочинений оригинальных и переводных», в донесении от 1 июня 1805 г. имеются данные о рассмотрении рукописи «О первоначальных причинах переговоров, служащих введением к публичным правам Европы, основанным на трактатах». Эта рукопись включала 291 полулистовую страницу и поступила 24 мая 1805 г. Цензором ее выступал Г. Грешицев, а переводчиком значился некто Е. Офосимов; никаких сведений о нем, видимо, не сохранилось. Рукопись получила одобрение и была выдана обратно автору перевода 31 мая. Предполагалось, что книга выйдет в Университетской типографии, однако по каким-то причинам этого не произошло³. В дальнейшем следы рукописи теряются.

¹ См.: *Mably Gabriel de. Diplomatische Verhandlungen / Herausgegeben und eingeleitet von Albert Ritter. Berlin: Wilhelm Borngräber, [о.]./1917?*. В самой книге год выхода не указан, но по некоторым косвенным признакам можно определить, что она действительно вышла в свет во второй половине 1917 г.

² См.: *Искюль С.Н.* Указ. соч. С. 332—333.

³ См.: Там же.

Настоящий перевод выполнен по первому изданию: *Les Principes des Négociations pour servir d'Introduction au Droit Public de l'Europe, fondé sur les Traités*. Par M. l'Abbé de Mably. A La Haie [Paris?] : [s.t.], M. DCC. LVII [1757]. — viii, 278 p. — in-12°.

Готовый перевод был сверен по варианту произведения, включенному в полное собрание сочинений Мабли: *Les Principes des Négociations. Pour servir d'Introduction au Droit Public de l'Europe fondé sur les traités // Collection complète des œuvres de l'Abbé de Mably*. A Paris, De l'imprimerie de Ch. Desbriere, rue et place Croix, chaussée de Montblanc, ci-devant d'Antin. L'an III de la République (1794 à 1795). T. V. P. 1–234. — in-8°.

Расхождения между двумя изданиями в основном несущественны; все сколько-нибудь значимые различия отражены нами в Примечаниях. Следует отметить, что в издании, готовившемся во время Французской революции, бросаются в глаза опечатки.

Для удобства читателя мы в ряде мест дополнительно разбили текст Мабли на тематические разделы (под тремя звездочками) и абзацы, а также кое-где выделили исторические примеры, приводимые им в качестве иллюстрации (в настоящем издании они напечатаны мелким шрифтом). Курсив принадлежит оригиналу 1757 г.

В работе над примечаниями использовалось, в частности, трехтомное издание «Европейского публичного права» с комментариями Жана Руссе де Мисси: *Le droit public de l'Europe, fondé sur les traités*, Par M. l'Abbé de Mably. Avec des Remarques Historiques, Politiques et Critiques Par Mr. Rousset. Nouvelle edition, augmentée des Principes de [sic!] Négociations, Pour servir d'Introduction à cet Ouvrage. A Amsterdam et A Leipzig. Chez Arkstée & Merkus, MDCCLXI [1761]. — in-8°.

Стр. 46 *Династия Карла Великого*. — То есть династия Каролингов.

...*Карл VIII... отправился в Италию...* — Войска Карла VIII пересекли Альпы в начале сентября 1494 г. и двинулись по тосканским землям на юг, в сторону Неаполя. После того как правитель Флоренции Пьеро Медичи был вынужден согласиться на унизительные условия мира, навязанные завоевателем, он был изгнан восставшим народом (не без помощи французов). 31 декабря 1494 г. Карл VIII вошел в Рим, а 22 февраля 1495 г. — в Неаполь. Все это время никаких крупных сражений не проводилось.

Неаполитанское королевство — образовалось вследствие раскола Сицилийского королевства, созданного в 1130 г. и включавшего в себя Сицилию, Калабрию, Апулию и Неаполь. Начало расколу положила так наз. «Сицилийская вечерня» — разразившееся в 1282 г. восстание жителей Сицилии против короля Карла I Анжуйского.

Анжуйский дом — династия, основанная младшим братом французского короля Людовика IX (св. Людовика), Карлом I, графом Анжуйским и Мэнским (1246—1285 гг.) и королем Сицилии (именовался также королем Иерусалима, королем Албании и князем Ахайи). Различные представители этой династии были в разное время правителями Венгрии, Неаполя, Тарента, Дураццо, Прованса и Польши. Династия прекратила свое существование в XV в., однако некоторые французские короли, в частности Карл VIII и Людовик XII, считали себя ее наследниками и выдвигали претензии на некоторые территории, которыми некогда владели представители этой династии. См. также след. примеч.

...Карл VIII отправился в Италию, чтобы отстаивать права на Неаполитанское королевство, которые давала ему принадлежность к Анжуйскому дому, наследником коего он являлся... — По призыву Папы, недовольного гегемонией династии Тогенштауфенов в Италии, Карл, граф Анжуйский и Мэнский (см. также пред. примеч. и Указатель имен, *Карл I Анжуйский*), разгромил Манфреда, побочного сына императора Фридриха II, и стал в 1266 г. первым анжуйским королем Сицилийского королевства под именем Карла I. После того как это королевство раскололось в 1282 г. на Сицилию и Неаполь (см. выше примеч. *Неаполитанское королевство*), Карл остался правителем только последнего, однако по-прежнему именовал себя королем Сицилии. Потомок Карла I (из ветви Дураццо, пошедшей от его сына, Карла II Неаполитанского) Джованна II, королева Неаполя (1414—1435 гг.), в конце жизни признала своим наследником Рене Анжуйского (известного в истории под прозвищем «добрый король Рене»). Хотя Рене не удержался в Неаполе, будучи изгнан оттуда Альфонсо V Великодушным, королем Арагона, тем не менее и сам Рене, и его наследники по-прежнему именовали себя королями Неаполя. Король Карл VIII, о котором пишет Мабли, являлся сыном Людовика XI, унаследовавшего герцогство Анжуйское (от Карла V, герцога Анжуйского (1480—1481 гг.), сына младшего брата короля Рене; герцогством графство Анжу стало в 1360 г.), а вместе с ним и претензии его правителей на королевство Неаполитанское.

...Англии приходилось... отстаивать свои интересы в спорах с французской короной... — Из-за обширных территорий, которыми английские короли владели во Франции, они притязали на французскую корону.

...по ту сторону пролива... — Букв. «по ту сторону моря» (au delà de la mer). Имеется в виду пролив Ла-Манш.

...английские короли владели по ту сторону пролива... землями (fiefs)... — Речь идет о феодальных ленных владениях, так называемых феодах или фьефах. В силу обладания этими землями английские короли, будучи суверенными правителями у себя в стране (подписание в 1215 г. Иоанном Безземельным Великой хартии вольностей не лишило королей суверенных прав, лишь ограничило для них возможность творить произвол

в отношении своих подданных), одновременно являлись и вассалами французских королей.

...английские короли владели по ту сторону пролива более значительными по территории землями (*fiefs*), чем их собственное королевство. — В результате заключения в 1154 г. брака с Альenorой Аквитанской английский король Генрих II Плантагенет (правил в 1154–1189 гг.) приобрел огромные владения во Франции: Анжу, Мэн, Пуату, Аквитанию, Гасконь. Впоследствии они были постепенно отвоеваны у англичан: сначала на время королем Филиппом II Августом, а затем — уже окончательно — в ходе Столетней войны (1337–1453 гг.).

Стр. 47 *Золотая булла*. — Золотыми буллами (*лат. Bulla Aurea, нем. Goldene Bull*) называли наиважнейшие акты, издававшиеся правителями Священной Римской империи и скрепленные золотой печатью. Самый знаменитый из таких актов был принят имперским сеймом в Нюрнберге (10 января 1356 г.) и Метце (25 декабря 1356 г.) и утвержден императором Карлом IV. «Золотая булла» регламентировала избрание императора коллегией из семи курфюрстов (выборщиков) и исключала всякое вмешательство в эту процедуру Папы Римского. Оговаривались в ней также права курфюрстов и городов. Булла действовала до конца существования Империи (до 1806 г.).

...в идеале предполагалось слить воедино могущество императоров и вольницу князей Империи. — Речь идет о Священной Римской империи германской нации (название закрепилось с сер. XV в.), конгломерате разрозненных германских княжеств. Императоры, верховные (суверенные) правители Империи, с конца Средневековья постепенно утрачивали свое могущество, а вместе с ним и функцию центра притяжения малых германских государств, тогда как князья стали фактически проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, особенно после раскола в результате Реформации (когда часть князей приняла протестантство, тогда как императоры оставались католиками) и вследствие ослабления власти императора Вестфальским миром 1648 г. В приведенном высказывании Мабли имеет в виду образование в Германии полноценного единого государства, что было невозможно в силу указанных выше причин (ослабление централизующей роли императоров и усиление самостоятельности княжеств). Как известно, эта цель была достигнута только в последней трети XIX в.

...Испания, ... освободившись из-под гнета мавров... — Маврами испанцы называли арабов, завоевавших территорию Пиренейского полуострова в 711–715 гг. Освобождение от их владычества произошло в результате длительного (с VIII в., активно — с X по конец XV в.) процесса отвоевания испанцами и другими народами полуострова своих земель, получившего наименование Реконкисты (*исп. reconquistar* — отвоевывать). Последняя

арабская твердыня на испанской земле — Гранада и прилегающая к ней область — пала только в январе 1492 г.

Стр. 48 ...*Кастилия и Арагон, — объединенные... благодаря браку Фердинанда и Изабеллы...* — Брак был заключен 19 октября 1469 г. между наследницей Кастильского королевства Изабеллой (стала королевой в 1474 г.) и наследником арагонского престола Фердинандом (король Сицилии с 1468 г., Арагона с 1479 г., Неаполя с 1504 г.). Этот брак стал важным шагом на пути объединения двух королевств — Кастилии и Арагона, однако на тот момент их слияния в единое государство еще не произошло: каждый из монархов сохранял автономные права на управление своим королевством. Первым королем объединенной Испании стал в 1516 г. Карл I, внук Изабеллы и Фердинанда, который в 1519 г. был также избран императором Священной Римской империи под именем Карла V.

...*Карл VIII стал преемником французских королей, которые... прибрали к рукам всю государственную власть.* — Речь идет о Карле VII и Людовике XI.

...*своего государственного устройства (gouvernement)...* — Или правления, как этот термин нередко переводят на русский язык. О правлениях см.: *Мабли Г.-Б. де. Об изучении истории. Ч. II // Г.-Б. де Мабли. Указ. соч. С. 57—112.*

Стр. 49 ...*Карл VIII предпринял завоевательный поход на Неаполь...* — См. примеч. к стр. 46. Стремительный успех Карла VIII был недолговечным. Уже в марте 1495 г. Лодовико Сфорца (герцог Миланский), император Максимилиан I, Папа Римский Александр VI, король Фердинанд Арагонский и Венецианская республика образовали Священный союз для противостояния усилению французского могущества. Не имея сил бороться со столь мощным альянсом, Карл VIII решил вернуться во Францию с 9 тыс. человек, оставив некоторую часть войска в гарнизоне (3 тыс. пехотинцев и 500 всадников).

Одни с радостью приветствовали вступление французов в свои земли, рассчитывая превратить их в своих защитников. — Например, флорентийцы, желавшие свержения правящей династии Медичи и установления народо-властия.

Сражение при Форново — состоялось 6 июля 1495 г. Благодаря одержанной в нем победе над превосходящими силами противника (9 тыс. французов сражались с 30-тысячным войском враждебной им коалиции) Карл VIII открыл себе путь к отступлению во Францию. Эту битву красочно описал Франческо Гвиччардини в своем сочинении «История Италии» (кн. 2).

Другие... внимали... зову kloкoтaвшeй в них злoбы... — Речь идет о Папе Римском Александре VI, который хотел заполучить Неаполитанское королевство для своего сына Чезаре Борджа.

...с некоторыми правителями... — С императором и испанским королем.

...интересы четырех могущественных наций... — Франции, Испании, Священной Римской империи и Рима (Папского государства).

Стр. 50 ...изгнать варваров... — Древние греки именовали варварами все неэллинские народы. Впоследствии, в пору расцвета Римской республики, когда римляне стали вести завоевательные войны сначала в сопредельных, а затем и отдаленных странах, они называли варварами все прочие народы и племена, кроме греков, у которых в значительной мере заимствовали культуру. Мабли приводит это наименование, действительно применявшееся итальянцами по отношению к французам во время итальянских войн конца XV — начала XVI вв., в ироническом смысле: разумеется, несмотря на все свои претензии, раздробленные итальянские княжества и республики не обладали могуществом Рима и не смогли бы в одиночку противостоять натиску французских войск без помощи других «варваров», в частности, испанцев, немцев и швейцарцев. В оригинале 1757 г. слово «варваров» набрано курсивом. В полном собрании сочинений Мабли курсив снят.

Людвиг XII упорно проводил в жизнь планы по завоеванию Неаполитанского королевства и Миланского герцогства... — Людвиг XII отправился в Италию в 1498 г. К претензиям на трон Неаполитанского королевства в качестве наследника Анжуйской династии (их выдвигал еще предшественник Людовика, король Карл VIII; см. примеч. к стр. 46) он добавил и претензии на Милан, так как приходился внуком Валентине Висконти, сестре последнего герцога Миланского из династии Висконти. Летом 1499 г. французы заняли Милан, а летом 1501 г. — Неаполь, но были изгнаны из первого свергнутым ими Лодовико Сфорца в 1500 г., а из последнего испанцами весной 1504 г.

Король Фердинанд Арагонский... стремился лишь измотать французов, воспользовавшись их силами для расширения собственных владений. — В 1504 г., под предлогом оказания помощи королю Федерико II, борющемуся с французскими войсками Людовика XII, Фердинанд Арагонский захватил Неаполитанское королевство и стал королем Неаполя и Сицилии под именем Фердинанда III.

...на имперский престол был возведен Карл V. — Это произошло в 1519 г. Карлу I, королю Испании, было отдано на выборах императора предпочтение перед французским королем Франциском I: сторонники Карла всячески превозносили его германские корни (дедом Карла был скончавшийся император Максимилиан I) и на деньги могущественного банкирского дома Фуггеров сумели подкупить курфюрстов (выборщиков).

Стр. 51 ...Карл V... унаследовал земли Бургундского дома... — После гибели Карла Смелого, последнего из великих герцогов Бургундских (в январе

1477 г. в битве при Нанси), его государство распалось, и огромные владения (включавшие собственно Бургундию, а также Фландрию, Артуа, Франш-Конте, графство Намюр, Брабант, Лимбург, Геннегау, Зеландию, Голландию, Фрисландию, герцогство Люксембург и др.) перешли под власть Франции (Бургундия) и Габсбургов (Франш-Конте и бельгийские провинции). Последние приобрели эти территории в результате брака дочери и наследницы Карла, принцессы Марии Бургундской, с императором Максимилианом I (29 августа 1477 г.). Это положило начало длительной борьбе Франции и Австрийского дома за первенство в Европе.

...*бесшабашные, пусть и отважные поступки Франциска I...* — Король Франциск I по примеру своего предшественника Людовика XII стремился отвоевать герцогство Миланское — как правнук Валентины Висконти (см. также примеч. к стр. 50). Едва став королем, Франциск, воспользовавшись тем, что Людовик успел собрать перед смертью новую армию для похода на Милан, оставил королевство на попечении своей матери Луизы Савойской и ринулся в Италию. Он одержал победу над швейцарцами и Папой в сражении при Мариньяно (13–14 сентября 1515 г.), где лично водил кавалерию в атаку, а вскоре был подписан Нуайонский мирный договор (13 августа 1516 г.), закрепивший за Францией Милан, а за Испанией — Неаполитанское королевство. Однако в 1521 г. война между Францией и Испанией возобновилась. После решающего сражения при Павии (24 февраля 1525 г.), во время которого Франциск попал в плен к испанцам, он был вынужден согласиться на заключение сначала кабального Мадридского договора (14 января 1526 г.), а затем, некоторое время спустя, несколько более мягкого Договора Камбрэ (3 августа 1529 г.), по условиям которых отказался от своих итальянских владений. Впоследствии король предпринимал новые попытки вернуть власть над Миланским герцогством и другими частями Италии, но безуспешно.

Стр. 52 *Австрийский дом* — другое название династии Габсбургов.

...*борьбе между Австрийским домом и Францией.* — С первой трети XVI по сер. XVII в. Франция, окруженная землями Габсбургов едва ли не со всех сторон (Испанией — с юга, Испанскими Нидерландами — с севера, Империей — с востока, итальянскими владениями Габсбургов — с юго-востока), боролась за выживание как независимое государство. Ее положение усугублялось еще и тем, что Австрийский дом стремился всячески подогреть внутренние распри Французского королевства, в частности, религиозные войны 2-й пол. XVI в.

...*правление кардинала Ришельё.* — Кардинал Ришельё возглавлял Королевский совет с 1624 г. по 1642 гг. и был в этот период фактическим правителем Франции.

...*в период несовершеннолетия своего сына...* — Людовика XIII (король Франции с 1610 по 1643 гг.).

...государство... пребывало в состоянии полнейшего внешнего мира... — Король Генрих IV заключил мирные договоры с Испанией (Вервенский мир — 2 мая 1598 г.) и Савойей (Лионский мир — 17 января 1601 г.).

Стр. 53 ...милости, которые королевское правительство... давало... тем, кто умел внушить ему страх. — Правительство Марии Медичи, регентши Французского королевства в период несовершеннолетия Людовика XIII, выделяло крупные пенсии и давало высокие должности (в частности, губернаторства в богатых провинциях) принцам крови и другим вельможам, в обмен на их обещание не устраивать бунтов.

Жесткий, надменный, дерзкий, предприимчивый и властолюбивый... — Похожую характеристику Мабли дает кардиналу и в другом своем сочинении: «Как только у него появляется возможность, он становится твердым, высокомерным и властным» (*Мабли Г.-Б. де. О том, как писать историю // Г.-Б. де Мабли. Указ. соч. С. 212*).

Чтобы заставить Европу говорить о себе и чтобы подчинить своей воле... короля..., Ришельё не придумал ничего лучшего, как создать для него... затруднения за границей... — Мабли отрицательно относился к кардиналу, в результате чего или не видел некоторых бесспорных заслуг великого министра, или порой приписывал ему такие намерения, которых Ришельё не имел, и такие поступки, которых тот не совершал. Разумеется, трудности, с которыми Франция сталкивалась за границей, были созданы не кардиналом, а возникали по большей части вследствие борьбы между Французским королевством и Австрийским домом (ту и другую сторону поддерживали различные союзники).

Соединенные провинции. — В результате антииспанского восстания в Нидерландах семь северных протестантских провинций (Голландия, Зеландия, Гельдерланд, Утрехт, Фрисландия, Оверэйссел и Гронинген) заключили Утрехтскую унию (23 января 1579 г.), которая и стала договором о создании не зависимой от Испании республики Соединенных провинций. Южная часть Нидерландов (так наз. Испанские Нидерланды) осталась под испанским владычеством.

...12-летнее перемирие... — было заключено при посредничестве выдающегося французского дипломата и государственного деятеля Пьера Жаннена в 1609 г.

...в истории с Юлих-Клевским наследством... — В 1609 г., когда пресекалась династия герцогов Клевских, правивших объединенным герцогством Клеве-Юлих-Бергским с 1511 г., за эти территории стали бороться некоторые протестантские князья, одних из которых поддерживали французский король Генрих IV, а других — император Рудольф II. В то время как Генрих IV готовился отправиться в Германию в 1610 г., он был убит. По Ксантенскому договору, заключенному 12 ноября 1614 г., наследство оказалось поделено следующим образом: курфюрст Бранден-

бургский получил герцогство Клевское, графства Ла-Марк и Равенсберг, а пфальцграф Нейбургский — Берг и Юлих. Договор был подтвержден лишь в 1666 г.

Ульмский договор — был заключен 3 июля 1620 г. при посредничестве Франции: герцогу Максимилиану Баварскому (главе Католической лиги) и герцогу Ангулемскому удалось добиться нейтралитета Евангелической унии (союза германских князей-протестантов) по отношению к войне в Богемии между тамошними протестантами и императором Фердинандом II. Людовик XIII в начале своего правления, до прихода к власти кардинала Ришельё, находился под сильным влиянием прототолической партии при дворе и на первой стадии Тридцатилетней войны поддерживал императора. Выступая посредником при заключении Ульмского договора, король надеялся снять напряженность в Южной Германии, где к маю 1620 г. войска Евангелического союза и Католической лиги сблизилась на расстояние 20 миль. Согласно договору, союз и лига обязались не нападать друг на друга внутри Империи, хотя и оставляли за собой право вести войну за ее пределами, в частности в Богемии. Результатом договора стала изоляция курфюрста Рейн-Пфальцкого как короля Богемии, и его судьба оказалась predetermined.

...крах надежд и чаяний курфюрста Пфальцкого, избранного королем Богемии... — Фридрих V, курфюрст Пфальцкий, согласился принять корону Богемии (Чехии), которую ему предложили жители этой провинции Империи, восставшие против императора Фердинанда II, и был коронован 4 ноября 1619 г. После победы имперских войск в битве при Белой горе 8 ноября 1620 г. Фридрих был вынужден бежать из Праги, лишился всех наследственных владений и звания курфюрста, которые в 1623 г. отошли к Баварии, и до конца дней жил в изгнании.

...императора Фердинанда. — Речь идет о Фердинанде II, правителе Священной Римской империи (1619—1637 гг.).

...Швеция наконец одержала верх над своими врагами... — Речь идет о победе Швеции над Польшей и заключении между ними Альтмаркского перемирия (1629 г.). Польско-шведская война продолжалась с перерывами 60 лет. Причиной ее послужила узурпация шведской короны отцом Густава-Адольфа, который в 1599 г. сверг с престола короля Сигизмунда III Ваза, являвшегося также королем Польши.

Стр. 54 Густав-Адольф... вступил в тесный союз с Францией... — 23 января 1631 г. между Швецией и Францией был заключен Бервальдский мир, согласно которому Франция обязалась выплачивать Густаву-Адольфу 400 тыс. экю в год, а он — продолжить вторжение в Германию, начатое им в июне 1630 г.

...правителей, желавших сохранить свободу. — Имеются в виду германские князья и их стремление к независимости от императора.

...обыкновенных послов или посланников... — Речь идет о постоянных посольствах. Обыкновенными послов (и посланников) называли в отличие от чрезвычайных, которых направляли с краткосрочной миссией: обычно это бывало торжественное посольство по случаю принесения монарху поздравлений с рождением, бракосочетанием кого-либо из членов правящей династии, со вступлением на престол и т. п. либо соболезнований в связи с кончиной кого-то из его родственников. Чрезвычайное посольство могли направлять и для срочного решения какого-то конкретного вопроса. Как правило, чрезвычайными послами назначали знатных и богатых вельмож, поскольку таким послам полагалось блистать пышностью своего экипажа, нарядов и свиты. Обыкновенные послы (называвшиеся также резидентами) жили при иностранных дворах по несколько лет (иногда и целыми десятилетиями); они уступали чрезвычайным послам в ранге. Обыкновенными послами были зачастую лица из среднего и мелкого дворянства, а во второстепенные державы могли направить и вовсе лиц недворянского происхождения. Со временем, когда чрезвычайные послы стали задерживаться при иностранных дворах, а обыкновенные исполнять функции чрезвычайных, разграничение между этими рангами стерлось, и теперь всех послов именуют чрезвычайными и полномочными, чтобы подчеркнуть значимость этого ранга как такового, вне зависимости от исполняемой послом миссии.

На протяжении более двух столетий мы видим в Европе две доминирующие державы, которые соперничают между собой... — Применительно к XVII в. речь идет об Австрийском доме и Франции, применительно к XVIII в. — о Франции и Англии. Описанная Мабли борьба двух доминирующих европейских держав поразительным образом проецируется на борьбу супердержав в XX—XXI вв. (США и СССР, США и Китай). Анализируя поведение супердержав в соответствии с принципами Мабли, нельзя не поразиться тому, насколько верными эти принципы остаются и в наше время.

Стр. 57 *Людовик XII... заключал лишь бесполезные договоры, не обеспеченные никакими гарантиями...* — В 1500 г. Людовик заключил с Фердинандом Католиком Гранадский договор о совместном вторжении и разделе Неаполитанского королевства между Францией и Испанией. В 1501 г. эти намерения были осуществлены, однако уже в 1503 г. испанские войска разгромили французов и к концу года предъявили претензии на всю территорию королевства. Не более счастливая судьба ожидала Блуасский договор (сентябрь 1504 г.), заключенный Людовиком с императором Максимилианом I, а также созданную при участии французского короля и направленную против Венецианской республики Лигу Камбрэ (10 декабря 1508 г.), участники которой (Папа Юлий II, император Максимилиан I, арагонский король Фердинанд Католик), а также впоследствии и сама Венеция в конце концов выступили против присутствия французов в Италии.

Стр. 58 *Как и Макиавелли, он полагал, что однократное вероломство может иногда принести пользу, но дурная репутация всегда опасна.* — Трудно понять, какое конкретно высказывание Макиавелли имеется в виду. Дело в том, что в XVI—XVIII вв. этому итальянскому политическому философу, считавшемуся апологетом изощренного обмана, вероломства и лицемерия в политике, нередко приписывали идеи и изречения, которых нет в его сочинениях. Возможно, Мабли вспоминает следующие пассажи из трактата «Государь»: «Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямотушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность. <...> государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими» (*Макиавелли Н. Государь. Гл. XVIII. Пер. Г. Муравьевой*).

Стр. 60 *...дипломатам...* — Так мы переводим французский термин «*négociateurs*». По смыслу такой перевод совершенно верен. См. аргументацию на сей счет в других изданиях серии «Классика дипломатии»: *Кальвер Ф. де. О способах ведения переговоров с государями. М.: Гендальф, 2000. С. 149—150; Пеке А. Рассуждение об искусстве переговоров. М.: Научная книга, 2004. С. 20—21.*

Стр. 62 *Совет, руководящий иностранными делами.* — Имеется в виду либо Государственный совет, то есть правительство, либо специальный совет для управления иностранными делами, который предлагал создать Мабли (см. об этом в Предисловии к наст. изд.).

Стр. 63 *Римляне всегда останутся нашими учителями в политике.* — Мабли, преклонявшийся перед многими древними авторами, считал, что Римская республика (в том виде, как ее принято представлять по сочинениям древних) вела образцовую внутреннюю и внешнюю политику.

...этот народ... избежал ситуаций, когда ему пришлось бы решать две серьезные проблемы одновременно. — Не сразу и не всегда это римлянам удавалось.

...подошел к его воротам... — Ганнибал победил римлян в битве при Каннах (2 августа 216 г. до н. э.), после чего предпринял поход на Рим (211 г. до н. э.). Именно к этому времени относится известное восклицание «*Hannibal ante portas!*» («Ганнибал у ворот!»).

Стр. 66 *...открытие испанцами Америки...* — 12 октября 1492 г. Колумб открыл первый остров у берегов американского континента, позднее названный им Сан-Сальвадор.

...открытие... португальцами... морского пути в Ост-Индию... — Португальский мореплаватель Васко да Гама, отправившийся из Лиссабона в июле 1497 г., первым в Новое время обогнул мыс Доброй Надежды и добрался до Калькутты (1498 г.).

...привнесли в нее роскошь... — В гл. XVII Мабли обрушивается с критикой на роскошь и тех, кто ее поощряет. Он не одинок в своем негодовании. Против роскоши выступал, в частности, кардинал Ришельё. Французские короли в XVI—XVII вв. неоднократно принимали указы, направленные на ограничение роскоши. Это побудило знаменитого Монтеня предложить королям начать искоренение роскоши с самих себя (см.: *Монтень М. Опыты*. Кн. I. Гл. LXIII). А оригинальный политический мыслитель начала XVIII в. Б. Мандвиль в своем сочинении «Басня о пчелах» (1-е изд. — 1705) убедительно доказывает, что роскошь (а также и иные пороки) дает работу миллионам бедняков (см.: *Мандвиль Б. Басня о пчелах*. М.: Мысль, 1974. С. 117—128).

Стр. 69 ...наследственные владения, принадлежавшие некогда их королям. — См. примеч. к стр. 46.

...некоторые из восставших против него провинций. — Речь идет о семи нидерландских провинциях, заключивших Утрехтскую унию 1579 г. См. примеч. к стр. 53.

...внутренние распри, сотрясавшие Англию в царствование Карла I... — Речь идет о разногласиях Карла I с Парламентом, приведших к гражданским войнам (1642—1646, 1647—1648 гг.), а также о войне, которую король вел в Шотландии (1639, 1640 гг.). Гражданская война шла и после казни Карла I, пока королевские войска под командованием Карла II, сына казненного короля, не были окончательно разгромлены в сражении при Вустере 3 сентября 1651 г.

...Карл II... взошел на престол своих предков... — Реставрация Карла II произошла в мае 1660 г. 25 мая он высадился в Дувре, а 29-го, в свой 30-й день рождения, прибыл в Лондон, встреченный ликующими возгласами толпы.

Стр. 70 ...никто и не помышлял о том, чтобы в мирное время погасить долги, накопленные во время войны. — Мабли, несколько раз цитирующий «Политическое завещание» кардинала Ришельё, игнорирует тот факт, что первый министр короля Людовика XIII предлагает в этом сочинении различные способы погашения таких долгов. См.: *Кардинал Ришельё. Политическое завещание* / Пер. Л.А. Сифуровой. М.: Ладомир, 2008. Ч. II. Гл. IX. Разд. VII.

Анализируя поведение римлян... — Как уже говорилось, Мабли считал политику Римской республики образцом для подражания. См. примеч. к стр. 63.

Стр. 71 ...в середине прошлого века... — То есть XVII в.

...Кардинал Ришельё считал... — См.: *Кардинал Ришельё*. Указ. соч. Ч. II, гл. IX, разд. IV.

...en de Тюренн... — В том варианте произведения, который был включен в Полное собрание сочинений Мабли, вышедшее после Французской

революции, слова «господин де» везде опущены. Титулы, между тем, повсюду сохранены.

Стр. 72 *...наверняка сейчас в Европе меньше жителей, чем столетие назад.* — Конечно, точной статистики тогда никто не вел, но, по оценочным данным, в 1650 г. в население Европы составляло 103 млн человек, а в 1750 г. — 114 млн (см.: QUID-2003. P.: Robert Laffont. P. 950). Во Франции на середину XVII в. насчитывалось около 18 млн жителей, а на середину XVIII в. — около 25 млн (см.: Ibid. P. 619). Стало быть, предположение Мабли неверно.

...завоевания можно было совершать, затратив на войну не так уж много средств. — На самом деле военные расходы уже в XVII в. требовали колоссальных денежных затрат — откуда и появлялся у государств громадный внутренний долг. Сам Мабли пишет об нем чуть выше в этой же главе. Во Франции, помимо заимствований и повышения налогов, прибегали и к такой довольно вредной мере, как учреждение и продажа новых должностей. Вот почему кардинал Ришельё в уже упоминавшемся выше проекте реформы государственных финансов (см. примеч. к стр. 70) предлагает способы не только погашения внутреннего долга и снижения налогов, но и упразднения целого ряда лишних должностей.

...выдержат тридцатилетнюю войну? — Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) была самым крупным по числу участников европейским конфликтом в XVII в.

Стр. 73 *...какая... держава... поступит разумно, поставив перед собою цель расширить территорию посредством завоеваний?* — Как уже говорилось в Предисловии к наст. изд., Мабли не считал размеры государства показателем его величия. Кроме того, по его мнению, бессмысленно наращивать территорию, пока не обустроена та, что у государства уже имеется.

...за исключением Венеции и Швейцарии... — Мабли восхищается устройством республиканских государств.

...я не исключаю и самые свободные нации. — Имеются в виду Англия и Голландия. См. также предыдущ. примеч.

Стр. 74 *...не могут принять решения...* — Из-за существования в Сейме пресловутого *liberum veto*, принципа, согласно которому каждый член польского Сейма (законодательного органа) имел право одним своим голосом провалить любой законопроект, распустить Сейм и отменить все законы, принятые в ходе предшествовавшей роспуску сессии.

Стр. 76 *...идя по стопам Платона и аббата Сен-Пьера, я позволил себе увлечься назидательными правилами, не приспособленными для существ, объятых страстями, подобными нашим.* — Мабли имеет в виду идеальное государство Платона, нарисованное великим греческим философом в трактате «Государство» (в других переводах — «Республика»), и идеи аббата Сен-Пьера о «вечном мире».

Стр. 77 *Авгуры* — жрецы в Древнем Риме, чья официальная функция заключалась в том, чтобы выяснить, одобряют ли боги тот или иной план, главным образом политический или военный. Для этой цели служили различные толковавшиеся авгурами природные явления: гром, молния, поведение птиц, появление тех или иных животных и др.

Проникнувшись... убеждением в том, что Рим должен стать властелином мира... — Конечно, Мабли преувеличивает: вряд ли первые римские завоеватели сразу же ставили перед собой задачу покорить весь мир. Расширение римского владычества происходило постепенно на протяжении около 500 лет.

Право народов. — То есть, говоря современным языком, международное право.

Стр. 79 *...и последний гражданин Рима мог бы... представлять республику в качестве посла, потому что... вести переговоры... стало легко и просто...* — Это утверждение верно лишь отчасти. Как правило, послами Римской республики назначались опытные государственные деятели, нередко бывшие или действующие консулы, легаты, преторы, наместники провинций, полководцы. Насчет легкости ведения переговоров тоже можно усомниться: зачастую римским послам приходилось проявлять чудеса находчивости, изворотливости и красноречия. Достаточно обратиться к сочинениям Тита Ливия, Полибия, Дионисия Галикарнасского, Диона Кассия и других историков, чтобы увидеть из многочисленных примеров, что дипломатия в Древнем Риме на самом деле была очень высоко развита, а не полагалась исключительно на силу легионов.

Стр. 80 *...на каждом шагу встречаются... цитадели...* — Имеется в виду общераспространенный метод ведения войны в Европе в XV—XVIII вв.: чтобы победить в войне, необходимо было захватить ряд ключевых крепостей на определенной территории и одержать победу в одном или нескольких сражениях, в которых армии, как правило, принимали участие в полном составе.

...его сын... — Король Филипп II (1527—1598), взошедший на испанский престол 16 января 1556 г.

...Карл V и его сын... заключали договоры, нарушая их, когда того требовали их интересы... — Несколько выше Мабли хвалит Карла V за верность в соблюдении договоров.

Властолюбие и неприкрытая алчность Австрийского дома... — Сходным образом поведение Австрийского дома оценивал в своем «Политическом завещании» и кардинал Ришельё. Это высказывание знаменитого министра вызвало в свое время гнев Вольгера, полагавшего, что сдержанный в оценках кардинал не мог употребить подобных выражений по отношению к соседним державам, а потому его «Политическое завещание» следует считать подложным. Сегодня подлинность «Завещания» кардинала

Ришельё не вызывает сомнений, а насчет критики Вольтера уместно будет сказать, что соседи Франции причинили кардиналу столько хлопот, что его инвектива в их адрес кажется еще довольно умеренной.

Стр. 81 «Золотой век» — по представлениям многих мыслителей, эпоха всеобщего благоденствия, царившего в начале времен. По поводу причин последующего упадка авторы расходятся во мнениях: одни говорят, что тому послужило грехопадение, другие винят во всем алчность, третьи — человеческие страсти и т. п. Ссылки на благословенный «золотой век» встречаются у огромного числа политических философов и богословов эпохи Возрождения и Нового времени.

Стр. 83 ...оставит потомкам своего рода заделы на будущее... — В оригинале стоит метафора «pierres d'attente» («штраба») — выступающие в конце стены кирпичи для связи с новой кладкой в случае продолжения строительства.

Стр. 89 *Утрехтский мир* — ряд договоров, заключенных с апреля 1713 по сентябрь 1714 г. между Францией и другими европейскими державами (Великобританией, Голландией, Пруссией, Португалией и Савойей), а также другой ряд договоров — заключенных между Испанией и противостоявшими ей державами в период с июля 1713 по июнь 1714 г.; подвели итог Войне за испанское наследство (1701—1714 гг.). Франция признала королеву Анну верховным правителем Великобритании и обязалась не оказывать поддержку Стюартам — претендентам на британский престол; уступила Великобритании ряд территорий в Канаде; признала права прусского короля Фридриха I на княжество Нёвшатель; признала Виктора-Амедея II, герцога Савойского, королем Сицилии; признала суверенитет Португалии на территориях по обоим берегам реки Амазонки в Бразилии. Испания уступила Великобритании Минорку и Гибралтар, а также исключительное право в течение 30 лет снабжать испанские колонии африканскими рабами; отдала герцогу Савойскому остров Сицилия — в обмен на его отказ от претензий на испанский престол. Мир Испании с Португалией был заключен в феврале 1715 г. (Мадридский договор), с императором — в феврале 1720 г. (Гаагский договор). В результате заключения Утрехтского мира был решен вопрос с испанским наследством: корона Испании была окончательно закреплена за королем Филиппом V из династии Бурбонов, внуком Людовика XIV — на условиях его отказа от претензий на французский престол; Великобритания приобрела огромные колониальные владения и серьезные преимущества в области торговли, став ведущей торговой державой в мире. Утрехтский мир сформировал систему международных отношений в Европе на следующие 20 лет.

...*министр или Совет, отвечающие в государстве за иностранные дела...* — См. примеч. к стр. 62. Под министром, отвечающим за иностранные дела,

имеется в виду государственный секретарь по иностранным делам (ныне — министр иностранных дел).

Стр. 90 *Мы видим сегодня государя...* — Речь идет, конечно, о прусском короле Фридрихе II Великом.

...*государя, который, завоевав богатую провинцию...* — Имеется в виду завоевание Фридрихом II в 1740—1741 гг., в ходе Войны за австрийское наследство (1740—1748 гг.), Силезии, одной из богатейших провинций, принадлежавших австрийским Габсбургам.

Стр. 91 *...Пруссия... оказалась бы вскоре во главе европейской политики.* — Как уже говорилось в Предисловии к наст. изд., Мабли нередко предсказывал события европейской политики задолго до того, как они происходили. И в этом случае нельзя не поразиться, как точно он предсказал, что Пруссия станет одной из ведущих европейских держав.

Стр. 94 *Пиренейский мир* — Пиренейский договор, подписанный 7 ноября 1659 г. на Фазаньем острове посредине р. Бидассоа в Пиренеях, на границе между Испанией и Францией. Договор положил конец франко-испанской войне, которая шла с некоторыми перерывами с 1635 г.

...*говорила она главному министру Генриха IV при встрече с ним в Дувре...* — Современные историки ставят под сомнение достоверность рассказа о встрече с королевой Елизаветой I в 1601 г., приведенного герцогом де Сюлли в своих мемуарах. Скорее всего Сюлли никогда с королевой не встречался.

...*призвать остальную часть Нидерландов сбросить иго и образовать независимую республику.* — То есть поступить так, как поступили семь провинций на севере Нидерландов. См. примеч. к стр. 53.

Стр. 95 *Мюнстерский конгресс* — проходивший в 1645—1648 гг. конгресс, на котором победители — Франция и ее союзники — вели переговоры о заключении мира с Империей, побежденной ими в ходе Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.). В вестфальском городе Мюнстере заседали представители католических держав; в Оснабрюке — протестантских (в частности, Швеции — союзницы Франции). Функции посредников исполняли представители Венецианской республики и папский нунций.

Вестфальский мир — мирный договор, завершивший Тридцатилетнюю войну (1618—1648 гг.). Был подписан 24 октября 1648 г. по итогам конгресса, проходившего в Мюнстере и Оснабрюке (см. пред. примеч.). Участниками договора стали император, германские князья, Швеция и Франция. Кроме этого договора, 30 января 1648 г. был подписан испанско-голландский мирный договор, завершивший длительную войну между ними (шла с 1568 г. с перерывом на 12-летнее перемирие в 1609—1621 гг.). По условиям Вестфальского мира Франция, Швеция и их союзники получили ряд новых территорий или закрепили за собой владение спорными землями. Германские княжества были признаны суверенными государ-

ствами с правом заключать договоры между собой и с иностранными державами — с условием, чтобы эти договоры не шли во вред императору и Империи. Тем самым император и имперский сейм лишились реальной власти во всех землях, не принадлежавших Австрийскому дому. Кроме того, договором подтверждались положения Аугсбургского религиозного мира 1555 г., согласно которому лютеранам гарантировалось свободное вероисповедание; те же положения о веротерпимости были распространены и на кальвинистов. Вестфальский договор действовал в качестве одного из основополагающих актов германского законодательства вплоть до распада Империи в 1806 г.

...они наконец прекратили воевать между собой... — Пиренейский мирный договор между Францией и Испанией был заключен только через 11 лет после Вестфальского мира, в 1659 г. (см. примеч. к стр.94).

...занимал должности, которыми его предки владели в Соединенных провинциях... — Имеется в виду должность штатгальтера (стадхаудера; нем. Statthalter; голл. stadhouder) — главы исполнительной власти в нидерландских провинциях. Штатгальтеры председательствовали на провинциальных штатах, командовали провинциальными армиями и имели право осуществлять назначения на некоторые высокие должности. После образования Республики Соединенных провинций должность штатгальтера, номинально выборная, фактически стала наследственной для семейства принцев Оранских-Нассау.

Стр. 97 ...возвыситься над магистратами... — Штатгальтеры Нидерландов все время вели борьбу за первенство с магистратами — представителями влиятельных семейств, занимавшими ключевые должности в руководстве городов и провинций, а также со штатами ведущей провинции — Голландии.

Стр. 98 *Королевский совет* — прообраз нынешнего правительства.

...во время войн 1688 и 1701 г... — Речь идет о Войне Великого альянса (др. назв. — Война Аугсбургской лиги) 1689—1697 гг. и Войне за испанское наследство 1701—1714 гг. Англия стояла во главе альянса (куда также входили Нидерланды и Австрия), призванного поставить заслон экспансионистским планам Людовика XIV и сохранить в Европе равновесие между Бурбонами и Австрийским домом (Габсбургами).

Стр. 100 ...между двумя державами объявлена война... — Речь идет о Семилетней войне 1756—1763 гг. См. примеч. стр. 125.

Стр. 101 ...проект создания универсальной монархии... — Замысел образования универсальной (то есть всеевропейской или всехристианской) монархии вынашивали император Карл V и его сын, испанский король Филипп II.

Стр. 102 ...осуществлять в области торговли своего рода тираническое господство... — То есть, говоря современным языком, монополию.

Стр. 104 *Политики*. — В XVI–XVIII вв. так часто называли политических философов.

...*в войне с Карфагеном*... — В данном случае имеется в виду Вторая Пуническая война (218–201 гг. до н. э.), закончившаяся разгромом войск Ганнибала в битве при Заме (202 г. до н. э.). Карфаген обязался выплатить Риму огромную контрибуцию и уступить Испанию и средиземноморские острова.

...*победы над Македонией*... — Сначала серьезное поражение от римлян потерпел царь Филипп V — в битве при Киноскефалах (197 г. до н. э.), а затем его преемник Персей — в битве при Пидне (168 г. до н. э.). В результате Македония перестала существовать как самостоятельное государство, став римской провинцией, а Персей до конца дней жил в плену у римлян.

...*завоевания Азии*. — В 133 г. до н. э. пергамский царь Аттал III завещал Риму свое царство. Пергам стал римской провинцией под названием Азия. Важным шагом на пути завоевания Римом Азии стала победа над царем Митридатом VI Евпатором в 63 г. до н. э. Это позволило присоединить к Риму Сирию, замирить Иудею и основать множество римских колоний. В ходе завоевания Азии римляне сталкивались с ожесточенным сопротивлением со стороны Парфии — обширной империи, существовавшей на месте нынешних Армении, Ирака и Ирана.

Стр. 106 ...*сுவевия*... — Речь идет об изгнании из Испании или насильственном обращении в католичество мавров (потомков арабов, завоевавших Испанию в нач. VIII в.) и евреев. Эти меры привели к тому, что из-за бегства тех, кто не желал принимать новую веру, во многих провинциях Испании образовался острый дефицит населения, вызвавший серьезный упадок в экономике, сельском хозяйстве и торговле.

...*испанскую пехоту, погибшую при Рокруа*. — То есть в сражении при Рокруа (город в Арденнах), выигранном будущим Великим Конде, а в то время 23-летним герцогом Энгиенским, 18–19 мая 1643 г. Из 26 тыс. воинов испанцы потеряли убитыми 15 тыс., включая 9 тыс. пехотинцев, уничтоженных после ожесточенного сопротивления.

Стр. 107 *Австрийские Нидерланды*. — Тогда еще Южные Нидерланды назывались Испанскими; Австрийскими они стали по условиям Утрехтского мира 1713 г., положившего конец Войне за испанское наследство.

Политика Карла и его преемника... — Преемником Карла II на английском престоле был его брат Иаков II (1633–1701), последний король Великобританиии из династии Стюартов по прямой мужской линии (1685–1688 гг.). Иаков II был свергнут в ходе так наз. Славной революции 1688–1689 гг., которая привела на трон его дочь Марию и ее супруга Вильгельма Оранского.

Вильгельм III, величайший политик минувшего столетия... — На наш взгляд, это высказывание содержит известное преувеличение. Хотя мы и не

отрицаем того, что Вильгельм III был выдающимся государственным деятелем и, возможно, действительно самым великим во второй половине XVII в., однако, по нашему глубокому убеждению, вряд ли кого-то, если брат XVII век в целом, можно поставить рядом с находящимся на недосягаемой высоте кардиналом Ришельё, благодаря которому Франция сохранилась как независимое государство и значительно упрочила свои позиции в Европе. А кроме Ришельё, в XVII в. жили еще Генрих IV, Мазарини, Кольбер и Кромвель. Разумеется, для Мабли политическая программа Ришельё, направленная на укрепление абсолютной королевской власти, совершенно неприемлема, поэтому он стремится всячески принизить историческую роль кардинала.

Стр. 110 ...*по ту сторону Альп...* — То есть в Италии.

Лионский договор — заключен 17 января 1601 г. Францией и Савойей по окончании войны между ними. Согласно договору, Франция получала земли Бресс, Бюже, Вальроме и Жекс на востоке страны и уступала взамен герцогу Савойскому маркизат Салуццо.

Стр. 114 ...*отобранных у герцога Пармского...* — Об этой истории в своем комментарии к «Европейскому публичному праву» Мабли напоминает Жан Руссе де Мисси. Он пишет, что Барберини, племянники Папы Урбана VIII, замыслили эту аннексию еще с 1626 г. и даже добились в 1642 г. отлучения от Церкви Одоардо I Фарнезе, герцога Пармского, впоследствии одержавшего победу в войне со Св. Престолом (так называемая война Кастро 1642—1644 гг.). Произошла же аннексия в 1649 г., при Папе Иннокентии X, а предлогом явились долги Рануччо II Фарнезе, сына и преемника Одоардо, и убийство некоего священника. Ст. 1 Пизанского договора предполагала, что Рануччо выплатит долги в размере 1 329 750 экю, а Папа вернет владения, однако этого так и не произошло, так как вскоре Св. Престол помирился с Францией.

...*чтобы римская курия... удовлетворила притязания герцога Моденского на крепость Комаккьо и прилегающие к ней долины.* — Это было предусмотрено ст. 2 Пизанского договора 1664 г. См. след. примеч.

Пизанский договор — был заключен 12 февраля 1664 г. между Св. Престолом, Францией, герцогом Пармским, герцогом Моденским и корсиканцами.

...*владели городом, считавшимся самым укрепленным в Европе...* — Речь идет о крепости Казале в княжестве Монферрато, которым с 1536 по 1707 г. владел род Гонзага — династия правителей Мантуи.

Итальянские войны. — Имеется в виду серия войн на территории Италии с участием Франции и других европейских государств в 1494—1559 гг., а также другие конфликты, не раз возникавшие в этом регионе в XVII в. Начиная с царствования Карла VIII, Франция претендовала на различные владения на Апеннинском п-ове (в частности, на Неаполитанское

королевство и герцогство Миланское), а также на доминирующее положение в этом регионе. Попыткам Франции установить господство в Италии противостояли итальянские государства, Папа, Исперия и Испания. Согласно договору Като-Камбрези (3 апреля 1559 г.) Франция отказалась от всех претензий на итальянские земли, что позволило Испании установить в Италии свое владычество, продолжавшееся полтора столетия. Крепость Казале играла важную роль, в частности, во время Войны за мантуанское наследство (1628–1631 гг.) и других войн Франции с Испанией и Савойей.

Стр. 121 *...создали союз двух наций...* — Когда Филипп, герцог Анжуйский, внук Людовика XIV, вступил на испанский престол в 1700 г. под именем Филиппа V, ему было всего 17 лет. В первые 13 лет его царствования, на которые пришлось Война за испанское наследство (1701–1714 гг.), огромным влиянием в Испании пользовались французские советники. Внешняя политика Испании фактически целиком определялась Францией.

...при отстаивании прав своих сыновей от второго брака на пармское и тосканское наследства. — Филипп V во втором браке был женат на Елизавете (Изабелле) Фарнезе. В 1729 г. он обрел по Севильскому договору надежду на получение для своего сына герцогств Тосканского, Пармского и Пьяченцкого, которые в 1738 г. были обменены на Неаполь и Сицилию, вернувшиеся таким образом под власть Испании.

Стр. 122 *...путешествия во Францию, которое царь Пётр Великий предпринял в период несовершеннолетия короля...* — Речь идет о периоде несовершеннолетия Людовика XV. Пётр I побывал во Франции во время путешествия в Европу, предпринятого в 1716–1717 гг. (помимо Франции, он посетил также Данию, Северную Германию и Голландию).

...у нее есть обций враг... — Разумеется, речь идет о Турции (Оттоманской империи).

Стр. 124 *...после того как пресеклась ветвь Карла Пятого...* — Мабли имеет в виду династию австрийских Габсбургов, последним прямым представителем которой, получившим императорскую корону по мужской линии, был император Карл VI (1711–1740 гг.).

Стр. 125 *Прагматическая санкция.* — Этот документ был издан 19 апреля 1713 г. императором Карлом VI. Устанавливал неделимость наследства Габсбургов и порядок наследования императорского трона по праву первородства, из которого не исключались и женщины. Впоследствии это позволило Марии-Терезии, старшей дочери Карла VI, родившейся в 1717 г., занять трон. Несмотря на то, что императору — с превеликим трудом — удалось обеспечить Прагматическую санкцию гарантиями всех крупных европейских держав, тотчас же после его смерти, последовавшей 20 октября 1740 г., курфюрст Баварский, Франция и Пруссия оспорили этот документ, что привело к войне за австрийское наследство

(1740–1748 гг.). В результате ее, по условиям Ахенского мира 1748 г., Габсбурги потеряли большую часть Силезии, часть герцогства Миланского, герцогства Парму и Пьяченцу. С другой стороны, Мария-Терезия сохранила за собою все остальное из Габсбургского наследства, а ее супруг, Франц-Стефан Лотарингский, был признан императором Священной Римской империи под именем Франца I.

Новый порядок наследования императорского престола. — В Прагматической санкции 1713 г. устанавливался такой порядок наследования всех Габсбургских королевств и земель: после кончины императора Карла VI их должен был унаследовать его старший сын, либо, за неимением такового, старшая дочь, а в случае, если она скончается, не оставив потомства, корона должна была перейти к дочерям Иосифа I, покойного старшего брата императора Карла, и их потомкам. В 1716 г. у Карла VI родился сын, однако прожил меньше года; в 1717 г. родилась дочь Мария-Терезия, а в 1718 г. — Мария-Анна. В 1720 г. Прагматическая санкция была опубликована и получила одобрение отдельных владений Габсбургских монархов, став конституционным законом монархии и связующим звеном между владениями Священной Римской империи (Австрия и Богемия) и землями, не входившими в Империю (находившимися под властью венгерской короны).

...в войне, разразившейся между Францией и Австрией в 1733 г. ... — Речь идет о Войне за польское наследство (1733–1738 гг.). В ней принимали участие не только Франция и Австрия, но и другие европейские державы. Стоял вопрос о новом польском короле после кончины Августа II Сильного. Австрия и Россия поддерживали кандидатуру сына покойного короля — Фридриха-Августа II Саксонского, тогда как большинство польской знати, Франция и Испания хотели видеть на престоле Станислава Лещинского, который уже был королем в 1704–1709 гг. (см. также примеч. к стр. 207). Результатом войны стали признание польским королем Августа III и передел итальянских владений европейских держав: Испания отдала Австрии Парму и Пьяченцу и отказалась от претензий на Тоскану, а Сардинско-Савойское королевство получило Новару и Тортону (территории в Ломбардии).

...подписала в 1735 г. предварительные статьи мирного договора... — Опасаясь вступления в войну на стороне Австрии других держав, в особенности Великобритании и Нидерландов, 3 октября 1735 г. Франция подписала предварительный мир с Австрией — Венский мир.

Стр. 127 *...в начале нынешней войны...* — Речь идет о Семилетней войне 1756–1763 гг., крупнейшем военном конфликте XVIII в. Австрия стремилась вернуть завоеванную Пруссией Силезию. В ходе подготовки к войне произошла «дипломатическая революция»: Австрия, бывшая союзница Великобритании, стала союзницей Франции (вскоре к ним

присоединилась Россия), а Пруссия, бывший союзник Франции, вступила в союз с Великобританией. Основным результатом войны стала утрата Францией ее позиций в Северной Америке и создание Великобритании условий для завоевания Канады и Индии. На европейском континенте, несмотря на то, что российская армия вступила в Берлин в 1760 г., противники Пруссии больших успехов не добились. В 1762 г., после кончины российской императрицы Елизаветы, ее преемник Пётр III, поклонник императора Фридриха Великого, едва не заключил с Пруссией союз, но уже в следующем году был свергнут заговорщиками, поддержавшими Екатерину II. Россия вышла из войны, и Австрии не оставалось ничего другого, как заключить в 1763 г. с Пруссией Губертсбургский мирный договор на условиях *status quo ante bellum*, означавших, что Силезия остается за Пруссией.

Стр. 128 *Осуществив... несправедливую разбойничью вылазку...* — По всей видимости, Мабли имеет в виду одно из событий войны в Северной Америке, где Великобритания и Франция воевали за господство над колониями: либо сражение при Жюмонвиль-Глен (28 мая 1754 г.), когда молодой подполковник Дж. Вашингтон (будущий первый президент США) не удержал контроля над своими подчиненными и союзниками — индейцами, и они учинили расправу над захваченными в плен французами; либо нападение пенсильванского ополчения на индейское поселение Киттаннинг (8 сентября 1756 г.), в результате которого деревня оказалась полностью разрушена, а многие жители жестоко убиты (это были делавары — союзное французам индейское племя).

...англичане догадались прийти на помощь Минорке лишь тогда, когда форт Сан-Фелипе оказался в осаде... — Форт Сан-Фелипе находился в порту Маон (главном городе Минорки). 19 апреля 1756 г. французы высадили там экспедиционный корпус герцога де Ришельё. Английская эскадра прибыла на рейд Маона лишь через месяц, 19 мая. Состоявшееся на следующее день морское сражение не выявило победителя, однако английский адмирал Бинг счел за лучшее уйти назад в Гибралтар, полагая, что количество и состояние его кораблей не позволяет ни причинить французам сколько-нибудь серьезный ущерб, ни прийти на помощь оборонявшемуся в форте гарнизону. Покинутый на произвол судьбы гарнизон продержался до 29 июня.

...эскадра,... посланная... в Средиземное море, была не в силах что-либо предпринять. — Причина состояла в том, что корабли, выделенные адмиралу Бингу для оказания помощи Минорке, находились в плохом состоянии и были недостаточно укомплектованы. 14 марта 1757 г. адмирал был казнен по обвинению в недостаточном усердии при исполнении приказа.

Стр. 130 *Рейнский союз (фр. Ligue du Rhin)* — создан благодаря усилиям

кардинала Мазарини по договору, заключенному 15 августа 1658 г. в Майнце между Францией и прирейнскими князьями Германии — курфюрстами Майнца и Кёльна. Этот союз, направленный главным образом против императора, был призван сохранить status quo после Вестфальского мира 1648 г. и обеспечивал Франции подавляющее превосходство в западной части Германии. Когда среди германских князей возникло беспокойство по поводу интервенционистской политики Людовика XIV, в 1667 г. договор о Рейнском союзе не был возобновлен.

...министры, пришедшие на смену кардиналу Мазарини... — Кардинал Мазарини был первым министром Франции в 1643—1661 г. После его кончины Людовик XIV решил не назначать первого министра. В данном случае речь, вероятнее всего, идет о генеральных контролерах финансов Кольбере и Шамийяре, о военных министрах Летелье и Лувуа.

...в войнах 1672 г. — Речь идет о франко-голландской войне 1672—1678 гг. На первых порах (с мая 1672 по февраль 1674 гг.) Францию поддерживала Англия, однако затем она заключила с Голландией сепаратный мир (Вестминстерский договор 1674 г.). В 1673 г. на стороне Голландии выступили Испания, Империя и Лотарингия, которым удалось изгнать французов из Голландии. С 1674 по 1678 гг. Франция при поддержке своего единственного союзника — Швеции — совершала неуклонное наступление в Испанских Нидерландах и вдоль Рейна, регулярно одерживая победы над войсками Великого альянса.

Стр. 132 *...семь Соединенных провинций взяли за оружие, чтобы сбросить иго испанского владычества...* — См. примеч. к стр. 53.

Стр. 133 *...подписав 8 февраля 1635 года в Париже знаменитый договор о разделе...* — Речь идет о франко-голландском наступательном союзе. Он стал одним из серии договоров, заключенных Францией накануне ее вступления в Тридцатилетнюю войну. В частности, в июле 1635 г. был заключен Договор Ривольи с Савойей, Мантуей и Пармой. По условиям Парижского договора король Франции обязался совершить вторжение в Испанские Нидерланды (нынешняя Бельгия), приведя туда 30-тысячную армию; силы такой же численности должны были выставить и голландцы. Стороны договорились, что если южные нидерландские провинции добровольно согласятся отпасть от Испании, то из них следует создать независимое государство; в случае же отказа этих провинций способствовать своему освобождению Франция и Голландия предполагали поровну поделить их территорию между собой.

...тиранию Филиппа II... — Точнее, эмиссаров, которых испанский король посылал править Нидерландами. Особенно жестоким оказалось для голландцев правление герцога Альбы, генерал-губернатора в 1567—1573 гг. Тысячи людей были осуждены на смерть за попытки сопротивляться испанскому владычеству.

...вели войну спустя рукава... — О чем кардинал Ришельё негодуяше пишет в своем «Политическом завещании» (см.: *Кардинал Ришельё*. Указ. соч. Ч. I. Гл. I).

Стр. 135 *Генеральные штаты* (нидерл. Staaten-General) — центральный представительный орган в Республике Соединенных провинций (1579—1795 гг.). Состоял из депутатов провинциальных штатов. Отвечал за иностранные и военные дела, а также за управление и налогообложение в пределах территорий, не входивших ни в одну из семи соединенных провинций. При этом каждая из провинций сохраняла свой суверенитет, а все важные вопросы решались единогласно семью провинциальными штатами.

...в Мюнстере Соединенные провинции подписали с Испанией сепаратный мир... — См. примеч. к стр. 95.

...граф д'Эстрад... вел в Гааге переговоры... — Граф д'Эстрад был послом в Голландии в 1663—1668 гг.

...провести г-на де Витта... — Ян де Витт был советником-пенсониарием (главой правительства) Соединенных провинций (1653—1672 гг.).

...Соединенные провинции вступили в Тройственный альянс с Англией и Швецией... — Создание Тройственного альянса 17 января 1668 г. явилось крупной дипломатической победой Яна де Витта, поскольку благодаря этому была пресечена попытка Людовика XIV овладеть Испанскими Нидерландами, ссылаясь на то, что нидерландские владения испанской короны составляют часть приданого его супруги, королевы Марии-Терезы, подлежащего выплате по условиям Пиренейского мира 1659 г.

Ахенский мир. — Здесь имеется в виду Ахенский мирный договор, заключенный в апреле 1668 г. по итогам так наз. Деволюционной войны (1667—1668 гг.), вызванной стремлением Франции завоевать Испанские Нидерланды (см. предыдущ. примеч.). По условиям Ахенского договора Франция сохранила за собой целый ряд городов, завоеванных Конде и Тюренном в Испанских Нидерландах и во Франш-Конте (области, также находившейся под властью Испании).

Стр. 138 ...этого современного Карфагена... — Речь идет об Англии. Прозвище «Карфаген» довольно часто применялось к ней ее врагами в XVIII—XIX вв.

Стр. 139 *Наследница Карла VI* — императрица Мария-Терезия.

...берлинский или мюнхенский двор... — То есть Пруссия или Бавария.

Стр. 143 ...сделавшись неспособной... принимать какие бы то ни было решения... — См. примеч. к стр. 74.

Стр. 144 ...во время длительной войны, принесшей им освобождение... — Вой-

на в Нидерландах за освобождение от испанского владычества началась в 1568 г. В конечном итоге семь северных провинций, подписавших 23 января 1579 г. Утрехтскую унию (см. примеч. к стр. 53), образовали не зависимую от Испании Республику Соединенных провинций. Эти провинции (в основном с протестантским населением) были настроены оказывать сопротивление испанцам, в отличие от южных провинций, которые ранее, 6 января 1579 г., подписали Арасскую унию, призванную сохранить католичество, верность испанскому королю и привилегии штатов. Независимость Республики Соединенных провинций была признана Испанией только в договоре от 30 января 1648 г. (см. примеч. к стр. 95).

...принц, создавший республику... — Вильгельм I Оранский, по прозвищу Молчаливый.

Стр. 145 *Ганзейские города* — города, входившие в так наз. Ганзейский союз — объединение северогерманских городов и купеческих общин, созданное во 2-й пол. XIII в. для защиты их общих торговых интересов (главным образом путем получения для своих членов привилегий в разных странах). Крупнейшими из ганзейских городов были Любек, Бремен и Гамбург. Последний сейм Ганзейского союза состоялся в 1669 г.

Стр. 146 *...Королевский совет... наверняка воздержался в 1662 г. от заключения союза, о котором ему пришлось вскоре пожалеть.* — В апреле 1662 г. был подписан Парижский договор о временном союзе с Голландией. Людовик XIV надеялся таким образом развязать себе руки в отношении Испанских Нидерландов.

Нимвегенский мир. — Так обычно именуют серию договоров 1678—1679 гг., положивших конец войне в Голландии. Договоры были выработаны Нимвегенским конгрессом, заседавшим с 1676 г. 11 августа 1678 г. Франция подписала мир с Нидерландами, которые удовлетволялись возвратом Маастрихта; 17 сентября 1678 г. — с Испанией, отказавшейся от Франш-Конте и Южной Фландрии; 5 февраля 1679 г. — с императором, согласившимся признать восстановление в полном объеме Вестфальских договоров 1648 г. Нимвегенский мир ознаменовал собой апогей могущества французского короля Людовика XIV в Европе.

Стр. 149 *Конвенция, подписанная в Пардо между лондонским и мадридским дворами 16 лет назад...* — А именно 14 января 1739 г.

...вынудила правительство начать войну. — Вся история с конвенцией Пардо развивалась следующим образом. В 1738 г. стычки между английскими контрабандистами и испанской береговой охраной в Карибском море привели к открытым военным действиям, в которых с обеих сторон было совершено немало актов насилия. Для того чтобы положить им конец, 9 сентября 1738 г. в Лондоне были подписаны предварительные условия мира, а 14 января 1739 г. в Пардо была заключена конвенция, но реальных плодов эти переговоры не принесли. Английский парламент

не одобрил договоренности Пардо, весь народ возмутился, как если бы у него отняли одну из его законных привилегий, и правительство, вынужденное уступить этому бурному натиску, 30 октября 1739 г. объявило испанскому королю войну (см.: *Mably, l'abbé de. Le droit public de l'Europe, fondé sur les traités // Œuvres complètes. Op. cit. Т. 7. P. 21–22 (chap. XI), 129–134 (chap. XIV)*).

...во время последней войны... — Имеется в виду Война за австрийское наследство (1740–1748 гг.). Этим термином обозначают серию войн в Европе, начавшихся после кончины 20 октября 1740 г. императора Карла VI, последнего мужского представителя династии австрийских Габсбургов. В ходе войны Франция безуспешно пыталась поддержать сомнительные в правовом отношении претензии Баварии, Саксонии и Испании на части габсбургских владений, а также притязания курфюрста Баварского на императорский престол. Фактически в выигрыше по итогам войны оказались лишь Пруссия, захватившая и удержавшая за собой Силезию, а также Австрия, сохранившая все прочие габсбургские владения, за исключением одной этой провинции.

Стр. 152 *«Я бы предпочел, чтобы мой сын владел мельницей, чем выдать дочь замуж за герцога Бургундского»...* — Мария-Аделаида Савойская, дочь Виктора-Амедея II, герцога Савойского (см. след. примеч.), была супругой (с 1697 г.) Людовика Французского, герцога Бургундского, ставшего на короткое время (1711–1712 гг.) дофином (наследником престола) после кончины своего старшего брата. Умерла в возрасте 27 лет 12 февраля 1712 г. от разразившейся среди членов королевской семьи кори, унесшей также жизни супруга Марии (через шесть дней после нее) и их второго сына (месяц спустя).

Покойный король Виктор — Виктор-Амедей II, герцог Савойский, ставший в 1720 г. королем Сардинии-Пьемонта.

Стр. 153 *«Никаких Пиренеев отныне больше нет»...*, — сказал Людовик XIV *Филиппу V...* — Во французских журналах за 1701 г. эту фразу приписывали послу Испании.

Стр. 163 *Конгресс в Суассоне*. — Предполагалось, что этот конгресс положит конец разногласиям великих держав. Открылся он 14 июня 1728 г., прозаседал год, но не достиг никаких результатов. Был первым европейским конгрессом, в котором приняла участие Россия.

...вызвавших войну... — Речь идет о Войне за испанское наследство (1701–1714 гг.), завершившейся подписанием Утрехтского мира (см. примеч. к стр. 89).

Стр. 170 *...не наблюдалось никакого охлаждения в отношениях*. — Выше Мабли пишет об отношениях Франции и Соединенных провинций нечто совсем иное. См. гл. 10, стр. 133–135.

...может оказаться бесхозным какое-либо важное наследство... — Здесь идет речь о наследовании не только и даже не столько престола, сколько тер-

риторий, принадлежащих государству (короне), в котором, как в Испании после смерти короля Карла II, прекратилась наследственная династия или, как в случае со Священной Римской империей после кончины императора Карла VI, изменился признаваемый всеми государствами порядок наследования престола.

Рисвикский мир — серия договоров, заключенных по итогам Войны Великого альянса (др. назв. — Война Аугсбургской лиги) 1689—1697 гг. в голландском городе Рисвик. 20 сентября 1697 г. Франция подписала договор с Соединенными провинциями, Англией и Испанией, а 30 октября — с Империей. Людовик XIV согласился признать Вильгельма III королем Англии, вернул Испании большую часть захваченных у нее Испанских Нидерландов, Каталонию и Барселону, удержал за собой Эльзас и аннексировал Саарскую область.

...соглашений о разделе наследства Карла II... — Испанский король Карл II, последний из испанских Габсбургов, скончался бездетным. Его преемником стал французский принц Филипп Анжуйский, внук Людовика XIV. Поскольку европейские державы опасались усиления Франции за счет обширных испанских владений, они потребовали сместить Филиппа с испанского престола, тем более что водворяя своего внука на трон соседней державы, Людовик XIV нарушил ранее достигнутые с рядом европейских государств негласные договоренности о разделе испанского наследства. Результатом разногласий стала Война за испанское наследство (1701—1714 гг.), в которой победу одержала антифранцузская коалиция. По итогам войны был подписан Утрехтский мир. См. примеч. к стр. 89.

Стр. 171 *Прагматическая санкция*. — См. примеч. к стр. 125.

Наследница Карла VI. — См. примеч. к стр. 139.

Стр. 174 *...ничто так не обуславливает успеха переговоров в мирное время, как забота правителя о надлежащем управлении своими владениями и снискании уважения соседей*. — Похожие мысли высказывал и кардинал Ришельё в своем «Политическом завещании».

...писал кардинал д'Осса г-ну де Вильфуа... — В письме от 9 сентября 1597 г. Переодетые крестьянами испанцы без единого выстрела проникли в Амьен среди беда дня 11 марта. Генрих IV взял Амьен 19 сентября.

Стр. 176 *Жители Европы... даже не имеют понятия обо всех обязательствах, лежащих на их государствах*. — Эта ситуация еще более усугубилась в XX веке при демократии, приобретя совершенно абсурдный характер: в демократических странах носителем верховной власти является народ, а между тем сам народ в большинстве своем и не подозревает, какие международные обязательства были взяты и какие договоры заключены исполнительной властью от его имени. Об этом парадоксе см.: *Никольсон Г. Дипломатия // Ж. Камбон. Дипломат; Г. Никольсон. Дипломатия. М.: Научная книга, 2007. С. 165—176.*

Надобен брать пример с кардинала Ришельё... — Как видим, Мабли не всегда критикует кардинала — иногда он находит в его действиях нечто полезное.

Стр. 178 *...шведы стремились сохранить завоеванное...* — По условиям Вестфальского мира Швеция получила Западную Померанию (вместе с городом Штеттином), архиепископства Бремен и Верден, а также порт Висмар. Это позволило шведам установить контроль над Балтийским морем и устьями рек Одер, Эльба и Везер.

Французские полномочные представители... — Граф д'Аво и Абель Сервён. Герцог де Лонгвиль, формально значившийся главой посольства, выполнял чисто представительские функции.

Стр. 179 *...обеим монархиям...* — То есть Франции и Швеции, которые были союзниками в Тридцатилетней войне, а на Вестфальском конгрессе задавали тон как главные участники союзной коалиции, противостоявшей Австрийскому дому. При этом представители Франции и других католических держав заседали в Мюнстере, а Швеции и других протестантских государств — в Оснабрюке.

...на конференциях в Гааге и Гертруйденберге... — Предварительные переговоры о мире по итогам Войны за испанское наследство начались 17 марта 1709 г. в голландском городе Мордейке, а 1 мая того же года продолжились уже в Гааге. 28 мая союзники (Голландия, Австрия и Англия) договорились о том, какие требования предъявят Франции. Условия были самые кабальные: возвращение и демилитаризация Лилля, Страсбурга, Дюнкерка и Неаполя; кроме того, Людовик XIV должен был участвовать в свержении собственного внука с испанского престола. 7 июня французский король отверг этот ультиматум, и война продолжалась. В следующем году на совещании в Гертруйденберге (март—июль 1710 г.) французские представители уже умоляли о мире на самых унижительных условиях, Людовик XIV был готов пойти на неслыханные уступки, однако после того как 25 июля голландцы выдвинули непомерные требования, переговоры прервались.

...во время последней войны... — Речь идет о Войне за австрийское наследство. См. примеч. к стр. 149.

...кардинал Флёри запросил мира после сражения при Пассау... — Такого события, как сражение при Пассау, современная историография не выделяет. Речь идет об относящихся к 1742 г. событиях в ходе Войны за австрийское наследство. После того как 26 ноября 1741 г. французские войска захватили штурмом Прагу, французы и баварцы рассредоточились по всей Богемии. Однако поскольку у них не хватало кавалерии, которой в избытке располагал противник, стало ясно, что удержать одновременно и Богемию, и Баварию им не удастся. 26 января 1742 г. капитулировали французские войска, осажденные в Линце, а 12 февраля австрийцы захватили и предали разграб-

лению Мюнхен. Между тем Англия отказалась от нейтралитета и выступила на стороне Австрии, а прусский король Фридрих II, союзник Франции, 11 июня заключил с Австрией сепаратный мир. Вот тогда-то кардинал Флёри и написал 11 июля знаменитое письмо одному из австрийских генералов, в котором, в частности, говорилось в завуалированных выражениях о том, что министр настойчиво сопротивлялся решению вступить в войну и уступил лишь вынужденно, а также что союз с Пруссией был заключен вопреки его склонностям и принципам, под давлением, намекал кардинал, маршала де Бель-Иля, — как раз того человека, которому Флёри, собственно, и поручил вести переговоры. Мария-Терезия приказала опубликовать это письмо, что в немалой степени навредило Франции: лицо, на которое возложили переговорную миссию, оказалось выставлено главным зачинщиком войны, что, разумеется, ничуть не облегчило переговоры; сам министр предстал слабым и беспомощным, и было ясно, что найдутся те, кто воспользуется его слабостью; оставшиеся союзники Франции едва не отвернулись от нее, тогда как враги преисполнились храбрости. Кардинал во втором письме сетовал на публикацию первого послания, но лишь усугубил положение; затем он попытался было дезавуировать оба письма, однако никого не обманул. Этот шаг стал будто завершающим аккордом в череде ошибочных действий, совершенных 89-летним министром.

...она без труда осуществляла рекрутские наборы... — На самом деле это не так, пополнение французских войск, стоявших в Богемии и Баварии, шло медленно. Кроме того, силы французской армии таили из-за того, что солдаты, не выдерживая тягот войны, голода и болезней, дезертировали в массовом порядке.

Стр. 184 *Прусский король*. — Имеется в виду Фридрих II Великий, король Пруссии (1740—1786 гг.).

...прусский король подписал мир в Дрездене. — Дрезденский договор от 25 декабря 1745 г., оставивший Силезию за Пруссией.

...Агафокл, находясь на пороге разгрома, которым ему грозили карфагеняне во время войны на Сицилии, сам перенес военные действия под стены Карфагена. — В 311 г. до н. э. тиран (правитель) Агафокл, разгромленный карфагенянами и осажденный ими в Сиракузах (на Сицилии), сумел прорваться сквозь блокаду и напасть на карфагенские владения в Африке. Поначалу ему сопутствовал успех, однако затем он потерпел поражение (307 г. до н. э.). В 306 г. был заключен мир на вполне выгодных для Агафокла условиях, так как договор предусматривал ограничение власти Карфагена на Сицилии определенными географическими пределами.

Стр. 186 *...«Поживем — увидим. Цыплят по осени считают. Потомки разберутся, что к чему»*. — В оригинале стоят рифмованные пословицы: «Alors comme alors. Nous verrons, si nous y sommes encore. Fera, après moi, les vignerons qui pourra».

...войны (начатой им в 1733 г.)... — См. примеч. к стр. 125.

Стр. 187 *Судя по условиям Венского мира...* — 18 ноября 1738 г. Франция и Австрия подписали договор, подтвердивший условия предварительного Венского мира, заключенного 3 октября 1735 г., и завершивший Войну за польское наследство (1733—1738 гг.). Остальные державы присоединились к договору в 1739 г. По условиям Венского мира Август II остался королем Польши; за Испанией сохранялся Неаполь и Сицилия, но Парму и Пьяченцу она обязалась передать Австрии, а кроме того отказалась от претензий на Тоскану. Сардинско-Савойское королевство приобрело часть Ломбардии, в основном оставшуюся во владении Габсбургов. Франция также выступила условным гарантом Прагматической санкции.

Стр. 188 *...волокита по поводу полномочий, церемониала, титулов.* — Практически ни один международный конгресс или церковный Собор, проходивший в XVI—XVIII вв., не обходился без споров по этим вопросам, отнимавшим очень много времени.

Стр. 190 *К успешному исходу...* — Успешному для Франции, конечно.

...переговоры в Вестфалии... — См. примеч. к стр. 95.

...на переговорах с Испанией... — Заключение мира между Францией и Испанией действительно обсуждалось полномочными представителями этих государств, участвовавших в Вестфальском конгрессе. Но по разным причинам, в том числе субъективного характера, никаких договоренностей на этот счет двум странам достичь не удалось.

Стр. 191 *Они не могли не улизнуть от него...* — Соединенные провинции заключили на Вестфальском конгрессе сепаратный мир с Испанией (30 января 1648 г.). И та, и другая держава опасались роста французского могущества в Европе.

Нимвегенский конгресс. — См. примеч. к стр. 146.

Стр. 200 *Как заметил один гениальный человек, ... торговля была бы бесполезна для нации, замкнувшейся в себе самой и не имеющей ни соседей, ни каких-либо дел, которые она должна с ними решать.* — Слишком упрощенное и узкое понимание идей Д. Юма. В действительности он пишет, что прирост богатства и развитие торговли одной нации не только не вредит, но и, напротив, способствует приросту богатства и развитию торговли всех соседних наций; и что вряд ли государство сможет поднять свою торговлю и промышленность на достаточно высокий уровень, если все окружающие его державы погрязли в невежестве, лености и варварстве (см.: *Hume D. Political Discourses // Idem. Essays, Moral, Political, and Literary. Part II: Political Discourses. Essay VI: Of the Jealousy of Trade. II. VI. 1 sq.*). Сходные мысли Юм высказывает и в других эссе: «О коммерции» (см.: *Ibid. Part II. Essay I: Of Commerce. II. 1. 14*), «О равновесии в торговле» (см.: *Ibid. Part II. Essay V: Of the Balance of Trade. Passim*). Сборник эссе Юма под названием «Политические рассуждения» впервые вышел двумя изданиями в 1752 г.

в Эдинбурге. Впоследствии он был объединен с другими эссе философа на моральные, политические и литературные темы.

Стр. 202 *Политик*. — См. примеч. к стр. 104.

Стр. 203 *...роскошь... ни в малейшей степени не способствует развитию торговли...* — См. примеч. к стр. 66.

...каким образом замедлить ее распространение? — См. примеч. к стр. 66.

Стр. 204 *Применительно к торговле лучше было бы придерживаться принципов герцога де Сюлли, нежели тех, коим следовал г-н Кольбер...* — То есть отдавать приоритет развитию сельского хозяйства, а не промышленности.

Стр. 205 *Кто же не знает, что народ, которому... было предназначено завоевать весь мир, чуть было не пал под натиском сперва галльских, а затем карфагенских войск?* — Имеются в виду древние римляне, которым пришлось вести оборонительные войны с кельтами (галлами) в нач. IV в. до н. э. и с карфагенянами (пунийцами) в 264–241 гг. до н. э. (Первая Пуническая война), в 218–201 гг. до н. э. (Вторая Пуническая война) и в 149–146 гг. до н. э. (Третья Пуническая война).

Стр. 207 *...посадил на польский престол собственного ставленника...* — Шведский король Карл XII совершил вторжение в Польшу в 1702 г. Он принудил польскую знать низложить короля Августа II, а вместо него возвел на престол молодого Станислава Лещинского (1704 г.), удержавшегося на троне лишь до 1709 г.

Стр. 208 *Лига Камбрэ* — созданный 10 декабря 1508 г. союз с участием Папы Юлиана II, императора Максимилиана I, французского короля Людовика XII, арагонского короля Фердинанда II, а также Мантуи и Феррары (которым пообещали вернуть территории, отнятые у них Венецией). Согласно декларациям участников союза, он был направлен против Оттоманской империи, но в действительности союзники стремились поделить между собой обширные владения Венецианской республики. Из-за взаимных разногласий союзники не добились никаких существенных преимуществ. В 1510 г. Лига прекратила свое существование, когда Папа Римский перешел на сторону Венеции, а король Фердинанд занял нейтральное положение. В октябре 1511 г. Юлий II сумел втянуть короля Арагона в союз с Венецией — Священную Лигу, направленную против французского присутствия в Италии.

Стр. 209 *...королева, ставшая регентшей Франции...* — Анна Австрийская, ставшая регентшей Франции после кончины ее супруга, короля Людовика XIII, и фактически правившая страной вместе с кардиналом Мазарини до 1661 г.

Стр. 210 *Пресуществление* — превращение во время литургии, а именно во время таинства святого причастия (евхаристии), хлеба и вина в тело и кровь Христа. Веру в пресуществление (преобразование, претворение, превращение) разделяют представители не всех христианских конфессий.

Стр. 211 ...*писал сэра Уильяма Темпла*. — Замечания сэра Уильяма Темпла настолько глубоки, что мы считаем необходимым привести расширенную цитату из его «Мемуаров» в переводе с английского оригинала: «...я давно заметил на основе мною увиденного, услышанного и прочитанного в истории, что нет ничего ошибочнее, чем делать выводы о намерениях либо поведении государей и других правителей исходя из того, что представляется подлинными интересами их стран — ибо повсюду есть интересы тех, кто правит, и тех, кем правят; более того, среди последних есть интересы людей мирного нрава, которые только и хотят, что сохранить имеющееся, а есть интересы людей беспокойных, стремящихся приобрести, чего у них нет, причем если не удастся законными путями, то при помощи насилия. Вот почему я никогда не мог отыскать лучшего способа разобраться в том, как принимаются решения по государственным делам, нежели через изучение характера и умственного склада, а также страстей, настроений и склонностей монархов и министров, возглавлявших в то время государства» (*Temple, Sir William. Memoirs of What Passed in Christendom from the War Begun 1672, to the Peace Concluded 1679 // The Works of Sir William Temple, Bart. Complete: In 4 vol. L.: S. Hamilton, 1814. Vol. II. P. 411*).

Стр. 214 *Мюнстерский конгресс*. — См. примеч. к стр. 95.

Как зовафивал один министр... — Трудно сказать, кого Мабли имеет в виду. Сходные мысли высказывал в своем трактате «Представление об идеальном после» Луи Руссо де Шамау, но с этим сочинением аббат вряд ли был знаком, разве только видел его рукопись в архиве министерства иностранных дел (первое издание книги Руссо появилось лишь в 1912 г.). Ср.: *Руссо де Шамау Л. Представление об идеальном после*. М.: Научная книга, 2004. С. 41. (Классика дипломатии)

Стр. 223 ...*в стране, где все претендуют на изворотливость...* — В Риме, то есть при папском дворе.

Стр. 224 *Он писал...* — Цитата из донесения кардинала д'Осса сверена по оригинальному изданию его дипломатической переписки, исправлена и слегка расширена по сравнению с тем, как ее приводит Мабли.

Стр. 225 ...*Ваше Величество владеет королевством*. — Цитируя кардинала д'Осса, Мабли (или его издатель) допустил ошибку в этой фразе, написав «*Votre Majesté est une possession du Royaume*» («Ваше Величество является достойным королевства») вместо «*Votre Majesté est en possession du Royaume*», как стоит у нас и как должно быть по смыслу¹.

Стр. 226 ...*погубить себя и свои дела*. — Здесь у Мабли вновь ошибка в цитате: у кардинала д'Осса написано «*affaires*» («дела»), а в оригинале Мабли — «*successeurs*» («преемники»).

¹ В обоих случаях выделено нами. — *Примеч. пер.*

Стр. 230 *Сэр Уильям Темпл пишет в своих мемуарах...* — Приведенная у Мабли цитата из «Мемуаров» сэра Уильяма Темпла несколько искажена. Приводим ее полностью в переводе с английского: «Не стану совершенно вдаваться в подробности, да даже и упоминать многочисленные случаи, когда в ходе подготовки этого договора (сэр Уильям Темпл пишет о Нимвегенском конгрессе 1679 г. — *Примеч. пер.*) возникали вопросы о соблюдении формальностей при нанесении визитов или проведении церемоний; ибо таковые представляются мне дерзкими вольностями, которые в последнее время будто бы срослись со статусом послов; а поднимали эти вопросы и всячески нагнетают обстановку вокруг них люди, которые, за неимением других талантов, коими могли бы похвалиться при выполнении посольских миссий, старались привлечь к себе внимание, проявляя пунктуальность и щепетильность по поводу сугубых формальностей; да к тому же эти люди оказались замечены рассуждениями по поводу данного договора, и в какое-то время их роль будет в точности освещена благодаря подлинным документам нашего посольства, находящимся в двух—трех различных руках; я же собираюсь главным образом рассказать о том, как развивалось это великое дело, поведав о куда более существенных его обстоятельствах и истинных пружинах событий, каковые за ним последовали, а беспокоиться насчет формальностей, так долго занимавших участников конгресса в Нимвегене, я не намерен» (*Temple, Sir William. Op. cit. Vol. II. P. 376*).

Указатель имен

- Август II Сильный** (*польск.* August Fryderyk, *Мосну, нем.* August Friedrich, der Starke; 1670–1733), король Польши (1697–1704 и 1710–1733 гг.) и курфюрст Саксонии (под именем Фридриха Августа I; с 1694 г.). 251, 260, 261
- Август III** (August III; 1696–1763), единственный законный сын предыдущего; курфюрст Саксонии (под именем Фридриха Августа III; с 1733 г.); король Польши (с 1734 г.). 251
- Аво**, Жан-Антуан де Мем, граф д' (Jean-Antoine de Mesmes, comte d'Avaux; 1640–1709), французский дипломат; внучатый племянник Клода де Мема, графа д'Аво (см. ниже); принимал участие во всех важных переговорах своего времени; посол в Голландии (1679–1684 гг.; 1685–1688 гг.) и в Англии; см. о его деятельности кн. «Переговоры в Голландии» (Négotiations en Hollande, 1752–1753). 145, 146, 258
- Аво**, Клод де Мем, граф д' (Claude de Mesmes, comte d'Avaux; 1595–1650), выдающийся французский дипломат, посол в Венеции (1627–1632 гг.), Дании (1634 г.), Швеции и Польше (1634–1635 гг.), Германии при сейме Нижней Саксонии (1634–1636 гг.), Гааге (1643–1644 гг.), на конгрессе в Мюнстере (1644–1648 гг.). 190
- Австрийский дом** — см. *Габсбурги*.
- Агафокл** (361/360–289 до н. э.), тиранн (правитель) Сиракуз (с 317 или 316 г. до н. э.); завоевал почти все греческие города на Сицилии (к 313 г. до н. э.), о. Керкиру (299 г. до н. э.). 184, 259
- Аламбер**, Жан Ле Рон д' (Jean Le Rond d'Alembert; 1717–1776), знаменитый французский ученый, математик, философ, и просветитель и энциклопедист; внебрачный сын мадам де Тансен и артиллерийского офицера шевалье Детуша (Destouches); двоюродный брат Габриэля Бонно де Мабли; член Французской академии (1754 г.). 10–11
- Александр I**, Александр Павлович (1777–1825), российский император (с 1801 г.). 37
- Александр VI**, наст. имя — Родриго Борха (Борджа) (*исп.* Rodrigo de Borja y Doms, *ит.* Rodrigo Borgia, *лат.* Alexander VI; 1431–1503), Папа Римский (с 1492 г.); отличался неумеренным честолюбием и распущенностью нравов; не гнушался никакими средствами для достижения своих целей. 235
- Альба**, Фернандо Алварес де Толедо-и-Пиментель, герцог де (Fernando Álvarez de Toledo y Pimentel, duque de Alba; 1507–1582), испанский военачальник и государственный деятель, известный деспотическим правлением в качестве генерал-губернатора Нидерландов (1567–1573 гг.) и завоеванием Португалии (1580 г.). 253
- Альдобрандини**, Пьетро (Pietro Aldobrandini; 1572–1621), итальянский

- прелат и государственный деятель; племянник Папы Римского Климента VIII; кардинал (1593 г.); государственный секретарь Святого престола. 225
- Альенора Аквитанская** (*фр.* Aliénor d'Aquitaine, *англ.* Eleanor of Aquitaine; ок. 1122–1204), супруга французского короля Людовика VII (с 1137 по 1152 г.), затем Генриха II Плантагенета (с 1152 г.); мать Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного; пользовалась огромным влиянием. 234
- Альфонсо V** де Трастамара, Великодушный (Alfonso V de Trastámara, el Magnánimo; 1396–1458), король Арагона, Валенсии, Майорки, Сицилии и Сардинии, граф Барселонский (с 1416 г.); король Неаполя (с 1442 г.). 233
- Амело де Ла Уссе**, Авраам-Никола (Abraham-Nicolas Amelot de La Housaye; 1634–1706), французский историк, публицист и переводчик; секретарь французского посольства в Венеции; автор интересных «Записок» (*Mémoires historiques, politiques, critiques et littéraires*. Amsterdam: Michel Charles Le Cène, 1731) и чрезвычайно популярного в свое время сочинения «История Венецианского правительства» (*Histoire du gouvernement de Venise*. P., 1676). 219
- Ангиль**, Луиза-Елизавета-Николь де Ларошфуко, герцогиня д' (Louise-Élisabeth-Nicole de La Rochefoucauld, duchesse d'Enville; 1716–1797), французская аристократка; хозяйка салона; почитательница Мабли. 19
- Ангулемский**, Шарль де Валуа, герцог (Charles de Valois, duc d'Angoulême; 1573–1650), внебрачный сын короля Карла IX; отличился в нескольких военных кампаниях; выполнял ряд дипломатических миссий; участвовал в интригах против Генриха IV. Оставил мемуары. 239
- Анжуйский дом** (Анжуйская династия) (*casa d'Angiò*), разветвленный род, представители которого правили на протяжении средних веков во многих европейских странах. 233, 236
- Анна Австрийская** (Anne d'Autriche; 1601–1666), дочь испанского короля Филиппа III, супруга французского короля Людовика XIII (с 1615 г.), после его смерти регентша (1643–1661 гг.) при их сыне Людовике XIV. 209, 261
- Анна Стюарт** (Anne Stuart; 1665–1714), королева Великобритании (с 1702 г.); последний правящий монарх из династии Стюартов. 245
- Аро-Сотомайор**, дон Луис Менендес де, маркиз де Карпио, герцог де Оливарес (Naro y Sotomayor, D. Luis Menéndez de, 6 marqués de Carpio, 3 duque de Olivares; 1598–1661), испанский государственный деятель; первый министр (1643–1661 гг.); подписал Пиренейский мирный договор с Францией (1659 г.). 226, 228
- Аттал III** Филометор Эвергет (ок. 170–133 до н. э.), царь Пергама (с 138 г. до н. э.), завещавший свои владения Риму. 248
- Баварский**, Максимилиан I, герцог (Maximilian I, Herzog von Bayern; 1573–1651), правитель Баварии (с 1597 г.); курфюрст (с 1623 г.); союзник императора в Тридцатилетней войне (1618–1648 гг.). 239

- Баварский дом** (нем. Haus Bayern), известное с X в. немецкое аристократическое семейство Виттельсбах. 138
- Барберини** (Barberini), римское аристократическое семейство, пользовавшееся большим влиянием. 249
- Барнав**, Антуан-Пьер-Жозеф-Мари (Antoine-Pierre-Joseph-Marie Barnave; 1761—1793), видный политический деятель ранних этапов Французской революции; один из наиболее уважаемых членов Национального собрания; казнен во время якобинского террора. 8
- Бель-Иль**, Шарль-Луи-Огюст Фуке, герцог де (Charles-Louis-Auguste Fouquet, duc de Belle-Isle; 1684—1761), французский полководец, государственный деятель и дипломат; вовлек Францию в Войну за австрийское наследство; военный министр (1758—1760 гг.); маршал Франции; член Французской академии (1749 г.). 259
- Бертье** (Berthier; 1-я пол. XVI в.), французский издатель; политический агент кардинала Ришельё. 219—220
- Бёрк**, Эдмунд (Edmund Burke; 1729—1797), британский государственный деятель, парламентский оратор и политический мыслитель. Соч.: «Размышления о революции во Франции» (1790). 25
- Бинг**, Джон (John Bving; 1704—1757), английский адмирал; был казнен по обвинению в халатности за то, что не сумел освободить от французов морскую базу на Майорке накануне Семилетней войны. 252
- Боден**, Жан (Jean Bodin; 1530—1596), французский политический философ; один из первых теоретиков государственного суверенитета. Соч.: «Шесть книг о государстве» (1576). 24
- Болингброк**, Генри Сент-Джон, виконт, барон Сент-Джон (Henry Saint John, 1st Viscount Bolingbroke, Baron Saint John of Lydiard Tregoze; 1678—1751), видный английский политический деятель; автор ряда философских и исторических сочинений. 12, 108, 124
- Борджа**, Чезаре, герцог Валентино (Cesare Borgia, duca di Valentino; ок. 1475—1507), сын Папы Александра VI; полководец, стремившийся укрепить папскую власть и создать для самого себя княжество в центре Италии; погиб в стычке с наваррскими повстанцами. 235
- Ботрю**, Гийом, граф де Серран, сьер де (Guillaume, sieur de Vautru, comte de Serrant; 1588—1665), французский дипломат и писатель; посол в Испании (1628, 1632 гг.), во Фландрии (1629—1630 гг.), в Савоие (1638 г.); вводителю послон (1631—1635 гг.); автор сатирических сочинений; член Французской академии (1634 г.). 219—220
- Бурбоны** (фр. Bourbons, исп. Borbóns, ит. Borbone), один из наиболее известных королевских домов в Европе (как дворянский род известен с нач. XI в.); правили во Франции (1589—1792, 1814—1830 гг., младшая, Орлеанская ветвь 1830—1848 гг.), Испании (1700—1808, 1813—1868, 1874—1931, 1975 — по наст. время), в Неаполе и на Сицилии (1734—1806, 1815—1861 гг.), в Парме (1748—1802, 1847—1859 гг.). 245, 247
- Бургундский**, Людовик Французский, герцог (Louis de France, duc de

- Bourgogne; 1682–1712), внук Людовика XIV; наследник престола (1711–1712 гг.). 152, 256
- Бургундский дом** (maison de Bourgogne), династия правителей герцогства Бургундского. 51, 236
- Васко да Гама**, граф Видигейра (Vasco da Gama, conde da Vidigueira; ок. 1460–1524), португальский мореплаватель, открывший для европейцев путь в Индию в обход мыса Доброй Надежды. 241
- Вашингтон**, Джордж (George Washington; 1732–1799), американский полководец и государственный деятель; первый президент США. 252
- Вельгорский**, Михаил (Michał Wielhorski; ок. 1730 – ок. 1814), выходец из польской шляхты; посол Барской конфедерации во Франции (1770–1776 гг.); политический писатель. 17
- Виктор-Амедей II** (Vittorio Amedeo II; 1666–1732), герцог Савойский, сумевший с помощью искусной дипломатии приобрести титул короля Сардинии-Пьемонта (1720 г.); отрекся от престола в пользу своего сына, Карла-Эммануила III (1730 г.), однако затем предпринял попытку вновь вернуть себе трон, за что был помещен под стражу до конца своих дней. 152, 245, 256
- Вильгельм I**, принц Оранский, граф Нассау, по прозвищу Молчаливый (Willem I, Prins van Oranje, Graaf van Nassau, Willem de Zwijger; 1533–1584), первый из наследственных штатгальтеров Соединенных провинций (с 1572 г.); вождь голландского восстания против испанского владычества; убит католиком-фанатиком Б. Жераром. 255
- Вильгельм III** (William III; 1650–1702), штатгальтер (правитель) Соединенных провинций под именем Виллема-Хендрика (Вильгельма-Генриха), принца Оранского (Willem Hendrik, Prins van Oranje; 1672–1702 гг.); король Великобритании (1689–1702 гг.). 95, 96, 107, 108, 137, 146, 248, 249, 257
- Вильруа**, Никола де Нёвиль, сеньор де (Nicolas de Neufville, seigneur de Villegoi; 1543–1617), французский дипломат и государственный деятель; государственный секретарь по иностранным делам (1567–1588 гг., 1594–1613 гг.). 174, 217, 257
- Висконти** (Visconti), известная с XI в. династия правителей Милана (фамилия происходит от *um. visconti* – виконты, правители), игравшая первостепенную роль в делах Северной Италии в XIV и XV вв. 236
- Висконти**, Валентина (Valentina Visconti; 1371–1408), дочь Джангалеаццо Висконти, первого герцога Миланского; супруга Луи де Валуа, герцога Орлеанского, младшего брата французского короля Карла VI. 236, 237
- Витт**, Ян де (Johan de Witt; 1625–1672), выдающийся государственный деятель Нидерландов; фактический правитель Соединенных провинций (1650–1672 гг.); великий пенсионарий (глава правительства) провинции Голландия (с 1653 г.); убит в ходе народного восстания. 135, 136, 254
- Вольтер**, наст. имя – Франсуа-Мари Аруэ (François-Marie Arouet, dit Voltaire; 1694–1778), знаменитый философ, историк, драматург и писатель эпохи Просвещения. 7, 13, 38, 244–245

- Габсбурги** (*фр.* les Habsbourg; *нем.* die Habsburger; *исп.* los Habsburgo; *ит.* gli Asburgo), др. назв. — Австрийский дом (*фр.* la maison d'Autriche; *нем.* Haus Habsburg; *исп.* la casa de Austria; *ит.* la casa d'Austria), германская королевская династия, представители которой правили Священной Римской империей (с XIII в.) и Испанией (с XVI в.), а также многими зависимыми от этих государств территориями в Европе и во всем мире. 52, 68, 69, 73, 80, 83, 85, 89, 94, 96, 98, 100, 103, 107, 112, 124, 125, 127, 129–130, 134, 137, 138, 190, 237, 238, 240, 244, 246, 247, 250, 251, 256–258, 260
- Гамарра-и-Контрерас**, дон Эстебан де (Don Estévan de Gamarra y Contreras; ум. 1671), испанский дипломат, посол в Гааге (1655–1671 гг.). 221–222
- Гамильтон**, Александр (Alexander Hamilton; 1755/57–1804), один из творцов американской Конституции; один из главных авторов журнала «Федералист»; первый министр финансов США (1789–1795 гг.); погиб на дуэли. 8, 38
- Ганибал** (ок. 247–ок. 183/181 до н. э.), карфагенский генерал, один из величайших полководцев древнего мира. 63, 79, 241, 248
- Гвицчардини**, Франческо (Francesco Guicciardini; 1483–1540), итальянский государственный деятель, дипломат и историк. Соч.: «История Италии» и др. 235
- Гельвеций**, Клод-Адриан (Claude-Adrien Helvétius; 1715–1771), французский философ, энциклопедист. 12
- Генрих II Плантагенет** (Henry II Plantagenet; 1133–1189), герцог Нормандский (с 1150 г.); граф Анжуйский (с 1151 г.); герцог Аквитанский (с 1152 г.); король Англии (с 1154 г.); приобрел огромные владения во французской Аквитании. 234
- Генрих IV Великий** (Henri IV le Grand; 1553–1610), король Наварры под именем Генриха III (1572–1589 гг.), первый король Франции из династии Бурбонов (с 1589 г.), выдающийся государственный деятель; был убит католиком-фанатиком. 53, 94, 95, 105, 174, 217, 224, 238, 246, 249, 257
- Генрих VIII** (Henry VIII; 1491–1547), король Англии (с 1509 г.). 68
- Гизо**, Франсуа-Пьер-Гийом (François-Pierre-Guillaume Guizot; 1787–1874), французский политический деятель и историк; лидер консервативных конституционных монархистов во время Июльской монархии (1830–1848 гг.). Соч.: «История Франции с незапамятных времен до 1789 г.» в 5-ти томах (1872–1876). 8
- Гогенштауфены** (Hohenstaufen или Stauffer), немецкая династия правителей Священной Римской империи (1138–1208, 1212–1254 гг.). 233
- Гонзага** (Gonzaga), династия правителей Мантуи. 249
- Грещицев** Г., цензор. 231
- Гримм**, Фридрих-Мельхиор, барон фон (Friedrich Melchior, Baron von Grimm; 1723–1807), немецкий литератор и дипломат; известен своей перепиской, отразившей все сколько-нибудь значительные события в жизни литературно-философских кругов Парижа (1753–1773 гг.);

- выполнял дипломатические поручения ряда германских князей в Париже, затем Екатерины II в Гамбурге. 19, 37
- Гроций**, Гуго (голл. Hugo, Huig или Huguëianus de Groot, лат. Hugo Grotius; 1583–1645), крупнейший голландский правовед; выполнял дипломатические миссии. Соч.: «О праве войны и мира» (1625) и др. 37
- Густав II Адольф** (Gustav II Adolf; 1594–1632), король Швеции (с 1611 г.); погиб в сражении при Лютцене. 53–54, 239
- Декарт**, Рене (René Descartes; 1596–1650), великий французский философ, ученый, математик. 191
- Джефферсон**, Томас (Thomas Jefferson; 1743–1826), третий президент США (1800–1809 гг.); главный автор Декларации независимости (4 июля 1776 г.); влиятельный политический философ. 8, 38
- Джованна II** (Иоанна II) (Giovanna II; 1371–1435), королева Неаполя (с 1414 г.). 233
- Дион Кассий** Кокцеян (Cassius Dio Cocceianus; ок. 150–235), римский чиновник и историк; автор истории Рима (последние годы республики и начало империи), написанной по-гречески. 244
- Дионисий Галикарнасский** (I в. до н. э.), древнегреческий историк; автор истории Рима с момента основания до начала Первой Пунической войны и др. соч. 244
- Дураццо** (Durazzo), одна из ветвей Анжуйской династии. 233
- Дюпор**, Адриан-Жан-Франсуа (Adrien-Jean-François Duport; 1759–1798), французский магистрат; один из ведущих сторонников конституционной монархии во время Французской революции 1789 г.; умер в эмиграции в Швейцарии. 8
- Евгений**, принц – см. *Савойский*-Кариньяно, Франц-Евгений, принц.
- Екатерина II** Великая, урожд. Софья-Фридерика-Августа, принцесса Ангальт-Цербстская (Sophie Friederike Auguste, Prinzessin von Anhalt-Zerbst, Екатерина Алексеевна; 1729–1796), императрица России (с 1762 г.). 38, 252
- Елизавета I** Английская (Elizabeth I of England; 1533–1603), последняя королева Англии из династии Тюдоров (с 1558 г.). 68–69, 94, 95, 246
- Елизавета Петровна** (1709–1761), дочь Петра I; императрица России (с 1741 г.). 252
- Епископ Бовэ** – см. *Потье*, Огюстен.
- Жаннен**, Пьер (Pierre Jeannin; 1540–1623), выдающийся французский государственный деятель и дипломат; сын портного; президент парламента (верховного суда) Дижона (с 1580 г.); посол в Соединенных провинциях (1607–1609 гг.), способствовал заключению их перемирия с Испанией сроком на 12 лет (1609–1621 гг.). 217, 238
- Иаков I** Стюарт (James I Stuart; 1566–1625), сын шотландской королевы Марии Стюарт; король Шотландии (с 1567 г.) и первый английский король из династии Стюартов (с 1603 г.). 53, 69
- Иаков II** (James II; 1633–1701), герцог Йоркский (1634–1685 гг.); король

- Великобритании (1685–1688 гг.); был свергнут в результате так наз. Славной революции (1688–1689 гг.), приведшей на английский престол его дочь Марию и ее супруга Вильгельма Оранского. 107, 248
- Изабелла I**, прозванная Изабелла-Католичка (Isabel I, Isabel La Católica; 1451–1504), королева Кастилии (с 1474 г.) и Арагона (с 1479 г.), управляла объединенным королевством вместе со своим мужем, Фердинандом II Арагонским. 48, 235
- Иисус Христос** 261
- Иннокентий X**, наст. имя – Джанбаттиста Памфили (*ит.* Gianbattista Pamphili, *лат.* Innocentius X; 1574–1655), Папа Римский (с 1644 г.). 249
- Иоани Безземельный** (John Lackland; 1167–1216), король Англии (с 1199 г.); в войне с Филиппом Августом утратил почти все владения английской короны во Франции; в результате мятежа баронов был вынужден подписать Великую хартию вольностей (1215 г.). 233
- Иосиф I** (Joseph I; 1678–1711), император – правитель Священной Римской империи (с 1705 г.); безуспешно пытался вернуть испанскую корону во владение Габсбургов. 251
- Кальер**, Франсуа де (François de Callières; 1645–1717), французский дипломат и литератор; полномочный представитель на конгрессе в Рисвике (1697 г.), в немалой степени способствовал заключению Рисвикского мирного договора; кабинет-секретарь Людовика XIV (с 1698 г.); член Французской академии (1689 г.). 221
- Кантйон**, Ричард (Richard Cantillon; ум. 1734), ирландский финансист и ученый-экономист; выходец из древнего нормандского рода, значительную часть жизни провел во Франции; был убит из мести уволенным слугой. Известен сочинением «Опыт о природе коммерции» (*Essai sur la nature du commerce en général*, 1730–1734, publ. 1755). 203
- Карл I** (Charles I; 1600–1649), принц Уэльский (1612–1625 гг.), затем король Англии и Ирландии (1625–1649 гг.); сын Иакова I; авторитарное правление Карла, а также внешнеполитические и военные неудачи, вызвавшие конфликт с Парламентом, спровоцировали гражданскую войну, в которой король потерпел поражение, после чего был подвергнут суду, признан виновным в государственной измене и казнен. 69, 242
- Карл I Анжуйский** (*фр.* Charles d'Anjou, *ит.* Carlo d'Angiò; 1226–1285), граф Анжуйский, Прованский и Мэнский (с 1246 г.); основатель первой Анжуйской династии; король Неаполя (1266–1285 гг.) и Сицилии (1266–1282 гг.); номинальный король Иерусалима (с 1278 г.) и Албании (с 1272 г.); номинальный князь Ахайи (с 1272 г.). 232, 233
- Карл II** (Charles II; 1630–1685), король Великобритании и Ирландии (1660–1685 гг.); сын Карла I; был восстановлен на престоле после долгих лет изгнания во время Английской революции и правления Кромвелей. 31, 69, 106, 107, 149, 191, 214, 242, 248
- Карл II** (Carlos II; 1661–1700), последний испанский монарх из дина-

- стии Габсбургов (с 1665 г.); тот факт, что он умер бездетным, привел в борьбе европейские держав за обширное испанское наследство (территории в Европе и Америке). 154, 170, 257
- Карл II Неаполитанский**, Карл Анжуйский, или Хромой (Carlo II d'Angiò, lo Zorpo; ок. 1254—1309), король Неаполя; правитель обширных земель, которые приобрел, заключив выгодные браки своих детей; покровительствовал ремеслам, наукам и искусствам. 233
- Карл IV** (Карл Люксембургский), наст. имя Венцеслав (Wenzel, Karl IV von Luxemburg; 1316—1378), король Богемии (Чехии) под именем Карела (с 1346 г.); император — правитель Священной Римской империи (с 1355 г.); выпустил так наз. Золотую буллу (1356 г.) — основополагающий акт Империи. 234
- Карл V**, Габсбург (Carlos V; 1500—1558), испанский король под именем Карла I (1516—1556 гг.), император — правитель Священной Римской империи (1519—1556 гг.); отрекся от обоих престолов и закончил жизнь в монастыре. 50, 51, 58, 59, 68, 70, 80, 116, 124, 235, 236, 244, 246, 250
- Карл V Анжуйский** (Charles V d'Anjou; 1436—1481), граф Мэнский и де Гиз (с 1472 г.); герцог Анжуйский и граф Прованский и де Форкалькье (1480—1481 гг.); после его кончины Анжу, Мэн и Прованс перешли к французскому королю Людовику XI. 233
- Карл VI** (Karl VI; 1685—1740), эрцгерцог Австрийский, король Венгрии (под именем Карла III), император — правитель Священной Римской империи (с 1711 г.). 107, 108, 125, 138, 139, 170, 171, 250, 251, 254, 256, 257
- Карл VII** (Charles VII; 1403—1461), король Франции (с 1422 г.); одержал окончательную победу над Англией в Столетней войне; укрепил французскую государственность. 235
- Карл VIII** (Charles VIII; 1470—1498), король Франции (с 1483 г.). 46, 48, 49, 232, 233, 235, 236, 249
- Карл XII** (Karl XII; 1682—1718), король Швеции (с 1697 г.); провел важнейшие реформы внутри страны, потерпел сокрушительное поражение в войне с Россией (1707—1709 гг.), в результате чего Швеция утратила статус великой державы. 207, 261
- Карл Великий** (лат. Carolus Magnus, фр. Charlemagne, нем. Karl der Große; ок. 742—814), франкский король из династии Каролингов (с 768 г.), в результате многочисленных завоеваний создал в Европе огромную империю и был коронован как император (800 г.). 46, 138, 232
- Карл Смелый**, герцог Бургундский (Charles le Téméraire, duc de Bourgogne; 1433—1477), последний из великих герцогов Бургундских (с 1467 г.); вел борьбу с французским королем Людовиком XI, стремясь превратить Бургундию в королевство; погиб в сражении при Нанси. 236—237
- Каролинги** (фр. Carolingiens, нем. Karolinger), королевская династия, царствовавшая в Западной Европе (за исключением Иберийского п-ова, Британских о-вов и Южной Италии) с середины VIII по начало X вв. Названа по имени наиболее выдающихся представителей: майордома

- Карла Мартелла (Charles Martel; ок. 688—741) и императора Карла Великого. 232
- Катон-старший**, Марк Порций, Катон-цензор (Marcus Porcius Cato Maior; 234—149 до н. э.), римский государственный деятель, оратор и писатель; автор знаменитого изречения «Карфаген должен быть разрушен». 21
- Керуаль**, Луиза-Рене де, герцогиня Портсмутская, графиня Фейрхем, баронесса Питерсфилд, герцогиня д'Обиньи (Louise-Renée de Kéroualle, Duchess of Portsmouth, Countess of Fareham, Baroness Petersfield, duchesse d'Aubigny; 1649—1734), фаворитка английского короля Карла II (1671—1685 гг.); по происхождению бретонка; проявила себя искусным политиком и имела огромное влияние на короля. 214
- Клевские герцоги** (les ducs de Clèves), правители герцогства Клеве. 238
- Колумб**, Христофор (исп. Cristóbal Colón, ит. Cristoforo Colombo; 1451—1506), испанский мореплавател, открывший Америку и ее богатства. 241
- Кольбер**, Жан-Батист (Jean-Baptiste Colbert; 1619—1683), крупный государственный деятель Франции; выходец из купеческого сословия; генеральный контролер финансов (с 1665 г.), морской министр (с 1668 г.); основал четыре академии: литературы, наук, музыки, архитектуры (1663—1671 гг.); член Французской академии (1667 г.). 204, 249, 253, 261
- Конде**, Луи II де Бурбон, принц, прозвище — Великий Конде (Louis II de Bourbon, prince de Condé, le Grand Condé; 1621—1686), до 1646 г. именовался герцогом Энгиенским; выдающийся французский полководец; один из лидеров Фронды (1648—1653 гг.). 248, 254
- Кондильяк** или Кондийяк, Этьенн Бонно де (Étienne Bonnot de Condillac; 1715—1780), французский философ; брат Габриэля Бонно де Мабли; член Французской академии (1768 г.); ряд его сочинений переведены на рус. яз.: «Логика, или Умственная наука, руководствующая к достижению истины» (М., 1805), «О выгодах свободной торговли» (СПб., 1817, ч. 1—2), «Трактат о системах» (М., 1938). 10, 20
- Константин** Павлович (1779—1831), великий князь; младший брат императоров Александра I и Николая I; управлял Польским королевством, созданным Венским конгрессом (с 1815 по 1830 гг.). 37
- Королева-императрица** — см. *Мария-Терезия*.
- Кристина** (Kristina; 1626—1689), королева Швеции (1644—1654 гг.), одна из образованнейших женщин своего времени; отреклась от престола, перешла в католичество и поселилась в Риме. 191
- Кромвель**, Оливер (Oliver Cromwell; 1599—1658), английский государственный деятель; выходец из небогатой дворянской семьи; в результате гражданской войны добился свержения короля Карла I и упразднения Палаты лордов; лорд-протектор Англии, Ирландии и Шотландии (с 1653 г.), фактически полновластный правитель. 69, 70, 249

- Ксенофонт** Афинский (455–355 до н. э.), греческий историк, писатель и военный; ученик Сократа. 11
- Лагарп**, Фредерик-Сезар (Frédéric-César de La Harpe; 1754–1838), швейцарский политический деятель; наставник и приближенный российского императора Александра I; один из основных создателей Гельветической республики (1798 г.). 37
- Ла Кот**, Катрин де (Catherine de La Coste), супруга (примерно с 1695 г.) Габриэля Бонно, виконта де Мабли; мать философов Габриэля Бонно де Мабли и Этьена Бонно де Кондильяка. 10
- Лейбниц**, Готтфрид-Вильгельм (Gottfried Wilhelm Leibniz; 1646–1716), видный немецкий философ, математик и политический советник. 16
- Леопольд I** (Leopold I; 1640–1705), император – правитель Священной Римской империи (с 1657 г.). 83, 84, 130
- Летелье**, Мишель (Michel Le Tellier; 1603–1685), французский государственный деятель; военный министр (1643–1677); канцлер (с 1677 г.). 217, 226, 253
- Лещинский**, Станислав (Stanisław Leszczyński; 1677–1766), великопольский дворянин; воевода Познаньский; король Польши (1704–1711, 1733–1734 гг.); последний герцог Лотарингский (1737–1766 гг.); отец Марии Лещинской, супруги (с 1725 г.) французского короля Людовика XV. 251, 261
- Ликург** (VII в. до н. э.?), согласно исторической традиции, считается законодателем, основавшим большинство государственных институтов древней Спарты, хотя точно установить, был ли он реальным историческим лицом, ученым пока не удалось; упоминается древнегреческими историками Геродотом, Ксенофонтом и Плутархом. 30, 76
- Локк**, Джон (John Locke; 1632–1704), крупный английский философ-либерал. 12
- Ломоносов**, Михаил Васильевич (1711–1765), крупнейший русский ученый-естествоиспытатель, поэт и реформатор русского языка. 38
- Лонгвиль**, Генрих II Орлеанский, герцог де (Henri II d'Orléans, duc de Longueville; 1595–1663), французский принц и пэр Франции; губернатор Пикардии, затем Нормандии; вторая супруга – Анна-Женевьева де Бурбон, сестра Великого Конде, активная участница Фронды. 258
- Лувеа**, Франсуа-Мишель Летелье, маркиз де (François-Michel Le Tellier, marquis de Louvois; 1639–1691), государственный секретарь по военным делам Франции (с 1677 г.); один из наиболее влиятельных министров Людовика XIV. 253
- Луиза Савойская** (ит. Luisa di Savoia, фр. Louise de Savoie; 1476–1531), дочь Филиппа Безземельного, герцога Савойского, и Маргариты де Бурбон; супруга (с 1490 г.) Шарля де Валуа, графа Ангулемского; мать Франциска I, короля Франции, и Маргариты Ангулемской, королевы Наваррской; дважды регентша Франции во время итальянских походов Франциска I (1515, 1525–1526 гг.). 237

- Луис**, дон — см. *Аро*-Сотомайор, дон Луис Мендес де, маркиз де Карпио, герцог де Оливарес.
- Людвик IX**, Святой Людвик (Louis IX, Saint Louis; 1214—1270), король Франции (с 1226 г.); участник 7-го и 8-го крестовых походов; канонизирован (1297 г.). 233
- Людвик XI** (Louis XI; 1423—1483), король Франции (с 1461 г.); чрезвычайно талантливый дипломат и государственный деятель. 233, 235
- Людвик XII**, Отец народа (Louis XII, Père du peuple; 1462—1515), король Франции (с 1498 г.). 50, 51, 57, 58, 233, 236, 237, 240
- Людвик XIII** Справедливый (Louis XIII le Juste; 1601—1643), король Франции (с 1610 г.). 53, 209, 237—239, 242, 261
- Людвик XIV** Великий, «король-солнце» (Louis XIV le Grand, le Roi Soleil; 1638—1715), король Франции (с 1643 г.). 31, 98, 99, 107, 114, 135, 146, 153, 179, 194, 245, 247, 253—255, 258
- Людвик XV**, Возлюбленный (Louis XV, le Bien-aimé; 1710—1774), правнук Людовика XIV; король Франции (1715—1774 гг.). 8, 15
- Люин**, Шарль д'Альбер, герцог де (Charles d'Albert, duc de Luynes; 1578—1621), французский государственный деятель; мелкий дворянин из Прованса; приобрел влияние на молодого Людовика XIII и организовал заговор, приведший к убийству всесильного министра Кончино Кончини, советника королевы-регентши Марии Медичи (1617 г.); главный министр, герцог (1619 г.), коннетабль (1621 г.). 52
- Мабли**, Габриэль Бонно, виконт де (Gabriel Bonnot, vicomte de Mably; 1666—1726), отец французских философов Габриэля Бонно де Мабли и Этьена Бонно де Кондильяка. 10, 11
- Мабли**, Жан Бонно де (Jean Bonnot de Mably; 1696—1761), французский чиновник; брат Габриэля Бонно де Мабли; начальник военной полиции в Лионе. 10
- Мазарини**, Джулио (*ит.* Giulio Raimondo Mazzarino или Mazarini, *фр.* Jules Mazarin; 1602—1661), французский государственный деятель; по происхождению итальянец; кардинал (1641 г.), первый министр Франции (с 1643 г.); выдающийся дипломат. 130, 178, 190, 191, 217, 223, 226—228, 249, 253, 261
- Макиавелли**, Никколо (Niccolò Machiavelli; 1469—1527), итальянский дипломат, политический деятель и писатель; один из основоположников политической науки. 39, 58, 241
- Максимилиан I** (Maximilian I; 1459—1519), император — правитель Священной Римской империи (с 1493 г.). 50, 235, 237, 240, 261
- Мандвиль**, Бернар де (Bernard de Mandeville; 1670—1733), живший в Англии голландский писатель и философ, получивший европейскую известность благодаря сочинению «Басня о пчелах» (1-е изд. — 1714). 242
- Манфред** (*нем.* Manfred, *ит.* Manfredi; ок. 1232—1266), побочный сын германского императора Фридриха II; король Сицилии (с 1258 г.); потерпел поражение от Карла I Анжуйского; погиб в сражении при Беневенто. 233

- Мария II** Стюарт (Mary II Stuart; 1662—1694), дочь Якова II и Анны Хайд; супруга (с 1677 г.) принца Вильгельма Оранского, будущего Вильгельма III, короля Англии; королева и соправительница Англии (с 1689 г.). 248
- Мария-Аделаида Савойская**, герцогиня Бургундская (*ит.* Maria Adelaide de Savoia, *фр.* Marie-Adélaïde de Savoie, duchesse de Bourgogne; 1685—1712), дочь Виктора-Амедея II, герцога Савойского, и Анны-мари Орлеанской; супруга (с 1697 г.) Людовика Французского, герцога Бургундского; мать Людовика XV. 256
- Мария-Анна** Австрийская (Maria Anna Eleanor Wilhelmina Josepha der Österreich; 1718—1744), дочь императора Карла VI, сестра императрицы Марии-Терезии; эрцгерцогиня Австрийская; супруга (с 1744 г.) Карла-Александра, герцога Лотарингского. 251
- Мария Бургундская** (Marie de Bourgogne; 1457—1482), дочь Карла Смелого, последнего из великих герцогов Бургундских, и Изабеллы де Бурбон; супруга (с 1477 г.) Максимилиана I, будущего императора Священной Римской империи, которому принесла в приданое герцогство Бургундское, Южные Нидерланды и Франш-Конте. 237
- Мария Медичи** (*фр.* Marie de Médicis, *итал.* Maria de' Medici; 1573—1642), королева Франции; супруга короля Генриха IV (с 1600 г.); регентша при их малолетнем сыне Людовике XIII (1610—1614 гг.); умерла в изгнании. 52, 53, 238
- Мария-Тереза** Австрийская (*исп.* María Teresa de Austria, *фр.* Marie-Thérèse d'Autriche; 1638—1683), дочь Филиппа IV, короля Испании, и Елизаветы (Изабеллы) Французской; супруга (с 1660 г.) Людовика XIV, короля Франции. 254
- Мария-Терезия** (Maria Theresia; 1717—1780), дочь императора Карла VI; эрцгерцогиня Австрийская, королева Венгрии и Богемии (с 1740 г.); супруга (с 1736 г.) будущего императора Франца I Стефана; императрица Священной Римской империи (с 1745 г.); мать императора Иосифа II. 139, 149, 171, 250—251, 254, 259
- Медичи** (Medici), богатое флорентинское семейство, из которого вышли правители Флоренции и Тосканы, а также некоторые кардиналы и Папы Римские. 235
- Медичи**, Пьеро (Piero de' Medici; 1472—1503), правитель Флоренции (1492—1494 гг.); был изгнан в результате народного восстания и остаток жизни провел в изгнании. 232
- Митридат VI Евпатор** (ум. 63 до н. э.), царь Понта в Восточной Анатолии (с 120 г. до н. э.); сумел расширить свои владения и на краткий период бросить вызов Риму. 248
- Моденский** и Реджо, Франческо II д'Эсте, герцог (Francesco II d'Este, duca di Modena e Reggio; 1660—1694), герцог Моденский и Реджо (с 1662 г.); сын Лауры Мартиноцци, племянницы кардинала Мазарини. 114
- Монтень**, Мишель Эйкем де (Michel Eyquem de Montaigne; 1533—1592),

- знаменитый французский философ-моралист, автор известного сочинения «Опыты». 242
- Монтескьё**, Шарль-Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де (Charles-Louis de Secondat, baron de La Brède et de Montesquieu; 1689–1755), знаменитый французский политический философ и правовед; автор теории разделения властей; член Французской Академии (1728 г.); оставил сочинения «Персидские письма» (1722 г.), «О духе законов» (1750 г.) и др. 14
- Муравьев**, Михаил Никитич (1757–1807), русский писатель, поэт, государственный деятель; наставник великих князей Александра (будущего императора Александра I) и Константина; занимался просвещением. 37
- Наполеон I**, Наполеон Бонапарт (*ит.* Napoleone di Buonaparte, *фр.* Napoléon Bonaparte, Napoléon Ier; 1769–1821), первый консул Франции (с 1799 г.); император французов (с 1804 г.); великий полководец и государственный деятель. 8
- Нуайе**, Франсуа Сюбле, сьер де, барон де Дангю (François Sublet, sieur de Noyers, baron de Dangu; 1589–1645), французский государственный деятель; генеральный контролер финансов (1626–1632 гг.); интендант в армии (1634–1635 гг.); государственный секретарь по военным делам (1636–1638 гг.); главный управляющий строениями (1639–1643 гг.); один из ближайших советников кардинала Ришельё. 220
- Оливьес**, Гаспар де Гусман-и-Пименталь, граф-герцог де, герцог де Санлукар де Баррамеда (Gaspar de Guzmán y Pimental, conde-duque de Olivares, duque de Sanlúcar de Barrameda; 1587–1645), испанский государственный деятель; первый министр (1622–1643 гг.); умер в ссылке. 220
- Оранские-Нассау, принцы** (Oranje-Nassau), династия принцев Оранских, с кон. XVI в. правивших в Соединенных провинциях в качестве штатгальтеров. 247
- Оранский**, Вильгельм, принц – см. *Вильгельм III*.
- Орлеанский**, Филипп II, герцог (Philippe II, duc d'Orléans; 1674–1723), племянник короля Людовика XIV; регент Франции при малолетнем короле Людовике XV (в 1715–1723 гг.). 164
- Осса**, Арно д' (Arnauld d'Ossat; 1536–1604), выдающийся французский юрист и дипломат; выходец из бедной семьи; кардинал (1599 г.); посол во Флоренции, Венеции и Риме. 174, 175, 223–225, 227, 257, 262
- Офосимов** Е., переводчик, подготовивший первый русский вариант «Принципов переговоров», не дошедший до печати. 231
- Палтти**, Уильям, граф Бат, виконт Палтти, барон Хедон (William Pulteney, 1st Earl of Bath, Viscount Pulteney of Wrington, Baron of Hedon; 1684–1764), английский политический деятель. 137
- Пармский**, Одоардо I Фарнезе, герцог (Odoardo I Farnese, duca di Parma; 1612–1646), правитель Пармы; одержал победу в войне со Св. Престолом (1642–1644 гг.). 114, 249,

- Пармский**, Рануччо II Фарнезе, герцог (Ranuccio II Farnese, duca di Parma; 1630–1694), правитель Пармы (с 1646 г.). 249
- Персей** (ок. 212 – ок. 165 до н. э.), последний царь Македонии (179–168 до н. э.); потерпел поражение в войне с Римом, после чего Македония перестала существовать как независимое государство; попал в плен и умер в Риме. 248
- Пётр I Великий** (1672–1725), русский царь (с 1682 г.), российский император (с 1721 г.), выдающийся государственный деятель. 122, 207, 250
- Пётр III**, ранее – Карл-Петер-Ульрих, герцог Гольштейн-Готторпский (Karl Peter Ulrich, Herzog von Holstein-Gottorp, Петр Федорович; 1728–1762), российский император (январь–июль 1762 г.); супруг будущей императрицы Екатерины II; был убит заговорщиками, приведенными Екатериной на российский престол. 252
- Платон** (428/427–348/347 до н. э.), великий древнегреческий философ. 11, 76, 243
- Плутарх** из Херонеи (ок. 45 – ок. 127), древнегреческий философ, биограф, моралист. 11
- Полибий** (ок. 200 – ок. 118 до н. э.), древнегреческий государственный деятель; историк Древнего Рима. 244
- Помпадур**, Жанна-Антуанетта Пуассон, маркиза де (Jeanne-Antoinette Poisson, marquise de Pompadour; 1721–1764), супруга (1741–1745 гг.) Шарля-Гийома де Нормана, графа д'Этьоля; фаворитка (с 1744 г.) французского короля Людовика XV, пользовавшаяся огромным политическим влиянием; покровительствовала литераторам и художникам. 12
- Помпей Великий** (Gnaeus Pompeius Magnus; 106–48 до н. э.), один из крупнейших государственных деятелей и полководцев эпохи заката Римской республики. 141
- Потье**, Огюстен (Augustin Potier; ум. 1650), французский прелат; главный священник королевы Анны Австрийской; граф-епископ г. Бовэ (1617–1650 гг.); церковный реформатор. 209
- Пуфендорф**, Самуил, барон фон (Samuel, Freiherr von Pufendorf; 1632–1694), крупный немецкий правовед и историограф. Соч.: «О естественном праве и праве народов» (1672) и др. 37
- Пфальцский курфюрст** – см. *Фридрих V*.
- Пуго** (Pugos), художник, написавший портрет аббата Мабли. 21
- Радищев**, Александр Николаевич (1749–1802), русский писатель либерального направления; за произведение «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) был сослан в Сибирь (до 1797 г.); покончил жизнь самоубийством. 8, 37, 79
- Рене I Анжуйский**, «добрый король Рене» (René Ier d'Anjou, le bon roi René; 1409–1480), сеньор, затем граф де Гиз (1417–1425 гг.); герцог Барский (с 1430 г.); герцог-супруг Лотарингии (1431–1453 гг.); король Неаполя (1435–1442 гг.); герцог Анжуйский, граф Прованский и де

- Форкалькье (с 1434 г.); номинальный король Иерусалима (с 1435 г.) и Арагона (с 1466 г.); писатель, художник, покровитель литературы, наук и искусств. 233
- Ришельё**, Арман-Жан дю Плесси, кардинал-герцог де (Armand-Jean du Plessis, cardinal-duc de Richelieu; 1585–1642), выдающийся государственный деятель; первый министр и фактический правитель Франции (с 1624 г.). 21, 52, 53, 71, 106, 132–133, 135, 176, 219–220, 229, 237, 239, 242–245, 249, 254, 257, 258
- Ришельё**, Луи-Франсуа-Арман де Виньеро дю Плесси, герцог де Фронзак, затем де (Louis-François-Armand de Vignerot du Plessis, duc de Fronsac, затем duc de Richelieu; 1696–1788), французский полководец; маршал Франции (1748 г.); прославился тем, что внес решающий вклад в победу при Фонтенуа (1745 г.), а также экспедицией на Майорку (1756 г.). 20, 252
- Роган**, Генрих II, герцог де (Henri, duc de Rohan; 1579–1638), вождь французских протестантов во время ряда их восстаний на юге Франции в первой трети XVII в.; впоследствии перешел на королевскую службу. 71
- Рудольф II** (Rudolf II; 1552–1612), император – правитель Священной Римской империи (с 1576 г.).
- Руссе де Мисси**, Жан (Jean Rousset de Missy; 1686–1762), журналист и литератор, проживавший в Голландии; выходец из семьи французских протестантов. 232, 249
- Руссо**, Жан-Жак (Jean-Jacques Rousseau; 1712–1778), видный французский философ эпохи Просвещения. 7, 10, 15, 17
- Руссо де Шамуа**, Луи (Louis Rousseau de Chamoy; ок. 1645–1711), французский дипломат; автор соч. «Представление об идеальном после» (М.: Научная книга, 2004). 262
- Савойский**, Карл-Эммануил I, Великий, герцог (Carlo Emanuele il Grande, duca di Savoia; 1562–1630), герцог Савойский (с 1580 г.). 109–110
- Савойский-Кариньяно**, Франц-Евгений, принц (Franz Eugen, Prinz von Savoien-Carignan; 1663–1736), выдающийся полководец; по происхождению француз; фельдмаршал и государственный деятель на службе у Священной Римской империи; известен в истории под именем принца Евгения. 171–172
- Сен-Пьер**, Шарль-Ирине Капель, аббат де (Charles-Irénée Castel, abbé de Saint-Pierre; 1658–1743), французский публицист и филантроп; одним из первых в Европе предложил создать международную организацию для поддержания «вечного мира». 12, 76, 243
- Сервиен**, Абель, маркиз де Сабле, граф де Ла Рош Дезобье (Abel Servien, marquis de Sablé, comte de La Roche des Aubiers; 1593–1659), французский дипломат и государственный деятель; посланник в Турине (1629–1632 гг.); полномочный представитель на конгрессе в Мюнстере (1645–1648 гг.); подписал от имени Франции Вестфальский мирный договор (1648 г.); хранитель печати (1651–1656 гг.); член Французской академии (1634 г.). 195, 258

- Сигизмунд III** (*польск.* Zygmunt III Waza; 1566–1632), король Польши (1587–1632 гг.) и Швеции (1592–1599 гг.); был свергнут со шведского престола дядей, регентом королевства, будущим королем Карлом IX. 239
- Сократ** (ок. 470–399 до н. э.), древнегреческий философ. 24, 81
- Стюарты** (the Stuarts, the House of Stuart), 1) династия шотландских (с 1371 г.) и английских (1603–1649, 1660–1714 гг.) королей; 2) претенденты на английский престол Яков Эдуард (Джеймс Эдвард), так наз. Старший претендент (1688–1766), его сын Карл Эдуард (Чарльз Эдвард), так наз. Младший претендент, или Красавец принц Чарли (1720–1788), а также Генри, кардинал-герцог Йоркский (1725–1807). 245, 248
- Сулла** (Феликс), Луций Корнелий (Lucius Cornelius Sulla (Felix); 138–78 до н. э.), полководец и политический деятель Древнего Рима; диктатор (82–79 до н. э.). 141
- Сфорца**, Лодовико, прозвище – Мавр (Lodovico Sforza, il Moro; 1452–1508), регент герцогства Миланского (1480–1494 гг.); герцог Миланский (1494–1498 гг.); хитрый политик и дипломат; потерпел поражение от Людовика XII и умер в плену во Франции; покровительствовал Леонардо да Винчи и другим художникам. 235, 236
- Сьейес**, Эмманюэль-Жозеф (Sieyès Emmanuel-Joseph; 1748–1836), священнослужитель; теоретик конституции; политический деятель времен Французской революции и правления Наполеона I. 8
- Сюлли**, Максимилиан де Бетюн, маркиз де Рони, позднее герцог де (Maximilien de Béthune, marquis de Rosny, duc de Sully; 1560–1641), крупный французский государственный деятель и дипломат; ближайший советник короля Генриха IV; главный управляющий финансами (1599–1611 гг.). 204, 246, 261
- Тансен**, Клодина-Александрина Герен, маркиза де (Claudine-Alexandrine Guérin, marquise de Tencin; 1682–1749), французская аристократка; держала в Париже блестящий салон, которые посещали лучшие умы и самые знаменитые люди того времени; мать философа д'Аламбера (которого бросила сразу после рождения); была на короткое время заключена в Бастилию по ложному обвинению одного чиновника, покончившего с собой в ее салоне (1726 г.); автор сочинений «Мемуары графа де Комменжа» (Mémoires du Comte de Comminge, 1735), «Осада Кале» (Le siège de Calais, 1739) и «Несчастья любви» (Les malheurs de l'amour, 1747). 10–13
- Тансен**, Пьер Герен де (Pierre Guérin de Tencin; 1680–1758), французский прелат и дипломат; брат маркизы де Тансен; кардинал (1739 г.), архиепископ Амбрана (с 1724 г.) и Лиона (с 1740 г.); посол в Риме (1739–1742 гг.); государственный секретарь по иностранным делам (1742–1747 гг.). 12–15
- Тацит**, Публий (или Гай) Корнелий (Publius (Caius) Cornelius Tacitus; ок. 56 – ок. 120 н. э.), один из величайших историков Древнего Рима; оратор; государственный деятель. 19

- Темпл**, сэръ Уильям, баронет (Sir William Temple, baronet; 1628–1699), английский государственный деятель и дипломат; посол в Гааге (1668–1677 г., с перерывами); автор многочисленных исторических и политических сочинений, а также мемуаров. 211, 230, 262, 263
- Тит Ливий** (Titus Livius; 59 до н. э. – 17 н. э.), наряду с Саллюстием и Тацитом, один из трех крупнейших историков Древнего Рима. 41, 244
- Тьерри**, Жак-Никола-Огюстен (Jacques-Nicolas-Augustin Thierry; 1795–1856), французский историк; один из виднейших историков-романтиков. 8
- Тюрени**, Анри де Ла Тур д’Овернь, виконт де (Henri de La Tour d’Auvergne, vicomte de Turenne; 1611–1675), выдающийся французский полководец. 71, 242, 254
- Уолпол**, Роберт, граф Орфорд (Robert Walpole, 1st Earl of Orford; 1676–1745), первоначально именовался сэръ Роберт Уолпол (в 1725–1742 гг.); английский государственный деятель; лидер партии вигов (либералов); обычно считается первым британским премьер-министром (1721–1742 гг.), хотя сам он отказывался именовать свою должность таким образом. 137
- Урбан VIII**, наст. имя – Маффео Барберини (ит. Maffeo Barberini, лат. Urbanus VIII; 1568–1644), Папа Римский (с 1623 г.). 249
- Фарнезе**, Изабелла (Елизавета) (ит. Isabella Farnese, исп. Isabel de Farnesio; 1692–1766), дочь Одоардо II Фарнезе, герцога Пармского; вторая супруга (с 1714 г.) Филиппа V, короля Испании; королева Испании. 250
- Федериго II** Неаполитанский (исп. Federico II de Nápoles; 1452–1504), король Неаполя (1496–1501 гг.); низложен французским королем Людовиком XII; умер пленником в Туре. 236
- Фелипе**, дон, герцог Пармский и Пьяченцкий (don Felipe, duca di Parma e Piacenza; 1720–1765), испанский инфант, сын короля Филиппа V; получил герцогство в 1748 г. в результате войны за австрийское наследство. 181
- Фердинанд II** (Ferdinand II; 1578–1637), император Священной Римской империи (1619–1637 гг.), король Богемии (1617–1619, 1620–1627 гг.), король Венгрии (1618–1625 гг.); как ученик иезуитов и убежденный католик был основным вдохновителем Контрреформации и поборником установления абсолютной власти католических Габсбургов над Европой; организованные им преследования протестантов стали причиной восстания в Богемии, что привело к общеевропейской Тридцатилетней войне (1618–1648 гг.), в которой победили Франция и созданная ею коалиция протестантских государств. 53, 239
- Фердинанд II Арагонский**, прозванный Фердинанд-Католик (Fernando II de Aragón, Fernando El Católico; 1452–1516), король Арагона под именем Фердинанда V (с 1479 г.), правил Арагоном и Кастилией совместно с Изабеллой I; в качестве правителя южной Италии был также известен как Фердинанд III Неаполитанский и Фердинанд II

- Сицилийский; объединил испанские королевства в единую нацию, начал процесс по расширению испанской империи. 39, 47, 48, 50, 58, 235, 236, 240, 261
- Филипп II** (Felipe II; 1527–1598), король Испании (1556–1598) и Португалии (1580–1598); сын императора Карла V; активнейший деятель Контрреформации; во время его правления Испания достигла величайшего могущества и влияния в Европе и мире, хотя ему не удалось подавить восстание в Нидерландах (началось в 1566 г.) и завоевать Англию с помощью «Непобедимой армады» (1588 г.). 68–69, 80, 132–133, 244, 247, 253
- Филипп II Август** (Philippe II Auguste; 1165–1223), король Франции из династии Капетингов (с 1179 г.); отвоевал часть владений французской короны, отошедших к английскому королю; один из главных участников Третьего крестового похода (1191 г.). 234
- Филипп II Македонский** (Φίλιππος Β΄ ο Έλλην Μακεδών; 382–336 до н. э.), выдающийся полководец и государственный деятель древнего мира; царь Македонии (359–336 гг. до н. э.); отец Александра Македонского. 79, 80
- Филипп V** (Felipe V; 1683–1746), до 1700 г. именовался герцогом Филиппом Анжуйским (Philippe, duc d'Anjou), первый испанский король из династии Бурбонов (с 1700 г., с перерывом в январе–августе 1724 г.). 99, 121, 153, 154, 245, 250, 256, 257
- Филипп V Македонский** (238–179 до н. э.), царь Македонии (с 221 г. до н. э.); в стремлении сохранить независимость государства потерпел поражение в борьбе с Римом. 248
- Флёри**, Андре-Эркюль де (André-Hercule de Fleury; 1653–1743), французский государственный деятель, кардинал (1726 г.), первый министр при короле Людовике XV (1726–1743 гг.). 125, 179, 180, 186, 187, 258–259
- Фокион** Афинский (ок. 402–318 до н. э.), афинский государственный деятель и военачальник; ученик Платона; фактический правитель Афин (322–318 гг.); был смещен, обвинен в измене и казнен. 18
- Франклин**, Бенджамин (Benjamin Franklin; 1706–1790), знаменитый американский ученый и государственный деятель; один из авторов Декларации независимости (1776 г.) и Конституции США; вел переговоры о признании Великобританией независимости и суверенитета ее американских колоний. 8, 38
- Франц I** Стефан Лотарингский (Franz I Stephan von Lothringen; 1708–1765), герцог Лотарингский (1729–1737 гг.); великий герцог Тосканский (1737–1765 гг.); эрцгерцог Австрийский (с 1740 г.); император – правитель Священной Римской империи (с 1745 г.); супруг (с 1736 г.) Марии-Терезии Австрийской. 251
- Франциск I** (François Ier; 1494–1547), до 1515 г. именовался Франциском

- Ангулемским; король Франции (с 1515 г.); покровительствовал наукам и искусствам. 43, 59, 94, 236, 237
- Фридрих I** (Friedrich I; 1657–1713), курфюрст Бранденбургский под именем Фридриха III (с 1688 г.); первый король Пруссии (с 1701 г.); продолжил политику расширения территорий, начатую его отцом, Фридрихом-Вильгельмом, Великим курфюрстом. 245
- Фридрих-Август II Саксонский** – см. *Август III*.
- Фридрих II** (Friedrich II; 1194–1250), правитель из династии Гогенштауфенов; король Сицилии (с 1197 г.); герцог Швабии под именем Фридриха VII (1228–1235 гг.); король Германии (с 1212 г.); император – правитель Священной Римской империи (с 1220 г.); участник шестого крестового похода (1228–1229 гг.); завоевал ряд территорий в Святой Земле и принял титул короля Иерусалимского (1229–1243 гг.); вел ожесточенную борьбу с Папами Римскими за гегемонию в Италии и Европе. 233
- Фридрих II Великий** (Friedrich II der Grosse; 1712–1786), третий король Пруссии (1740–1786 гг.), выдающийся государственный деятель. 13, 31, 36, 90–91, 184, 206, 246, 252, 259
- Фридрих V** (Friedrich V; 1596–1632), курфюрст Рейн-Пфальцский (1610–1623 гг.), король Богемии (под именем Фридриха I; 1619–1620 гг.); в начале Тридцатилетней войны возглавил союз протестантских князей против католической Империи; согласился стать королем восставшей против императора Богемии (1619 г.), однако был покинут союзниками и потерпел ряд серьезных поражений; испанские и баварские войска заняли Пфальц, принадлежавшие Фридриху права курфюрста были переданы Максимилиану I, герцогу Баварскому (1623 г.), а в 1628 г. Бавария захватила и Верхний Пфальц; до конца дней Фридрих жил в изгнании за границей. 53, 239
- Фуггеры** (die Fugger), швабский род, обосновавшийся в 1367 г. в Аугсбурге; благодаря банковским операциям к середине XVI в. собрали значительный капитал. 236
- Фукидид** (ок. 460 – ок. 399 до н. э.), великий древнегреческий историк; военный деятель Афин. 11
- Цезарь**, Гай Юлий (Caius Julius Caesar; 100–44 гг. до н. э.), крупнейший государственный деятель, полководец и писатель Древнего Рима. 141
- Цицерон**, Марк Туллий (Marcus Tullius Cicero; 106 до н. э. – 43 н. э.), древнеримский политик и философ, блистательный оратор. 11
- Чаадаев**, Пётр Яковлевич (1794–1856), русский философ; его написанные по-французски «Философические письма» (1827–1831), где он выступил за западный путь развития России, положили начало спору западников и славянофилов; был объявлен сумасшедшим и помещен под медицинское наблюдение; исповедовал мистическое христианство. 8
- Честерфилд**, Филип Дормер Стэнхоуп, граф (Philip Dormer Stanhope, 4th Earl of Chesterfield; 1694–1773), британский государственный деятель и писатель. 12

- Шамийяр**, Мишель (Michel Chamillart; 1652–1721), французский государственный деятель; генеральный контролер финансов (1699–1708 гг.); государственный секретарь по военным делам (1700–1709 гг.). 253
- Шаню**, Эктор-Пьер (Nector-Pierre Chanut; 1600–1662), талантливый французский дипломат, резидент в Стокгольме (1645 г.), посол в Швеции (1649–1653 гг.), полномочный представитель-посредник на Любекском конгрессе по заключению мирного договора между Польшей и Швецией (1651–1653), посол в Гааре (1653–1655 гг.). 191
- Эстрад**, Годфруа-Луи, граф д' (Godefroy-Louis, comte d'Estrades; 1607–1686), один из самых способных дипломатов и военачальников короля Людовика XIV; играл важную роль при заключении Вестфальского мира (1648 г.); чрезвычайный посол в Голландии (в 1646 и 1663–1668 гг.) и в Англии (1661 г.); маршал Франции (1675 г.); автор мемуаров. 107, 135, 145, 146, 195, 254
- Ювенал**, Децим Юний (Decimus Iunius Iuvenalis; 55/60 – ок. 127), самый видный из римских поэтов-сатириков; автор огромного количества крылатых слов и выражений, вошедших в разные языки мира. 21
- Юлий II**, наст. имя – Джулиано делла Ровере (*ит.* Giuliano della Rovere, *лат.* Julius II; 1443–1513), Папа Римский (с 1503 г.); покровитель искусства. 240, 261
- Юм**, Дэвид (David Hume; 1711–1776), шотландский философ, историк, экономист и литератор. 200, 202, 260

Указатель географических названий¹

- Австрия** (нем. Österreich) 27, 33, 37, 103, 119, 122, 124, 125, 137, 138, 194, 247, 251, 252, 256, 258–260
- Азия** (фр. Asie) 104, 248
- Аквитания** (фр. Aquitaine, лат. Aquitania) 234
- Албания** (фр. Albanie, алб. Shqipëria) 233
- Альпы** (фр. les Alpes) 110, 232, 249
- Амазонка** (исп. Río Amazonas, порт. Rio Amazonas) 245
- Америка** (фр. Amérique) 51, 66, 69, 89, 106, 241
- Амстердам** (голл. Amsterdam) 17, 133
- Амьен** (фр. Amiens) 174, 257
- Англия** (англ. England) – см. *Великобритания*.
- Анжу**, графство (фр. comté d'Anjou) 233, 234
- Анжуйское герцогство** (фр. duché d'Anjou) 233
- Апеннинский п-ов** (ит. la penisola Appennina) 249
- Апулия** (ит. Apulia, фр. Pouille) 232
- Арагон** (исп. Aragón) 47, 233, 235, 261
- Армения** (фр. Arménie) 248
- Арденны** (фр. Ardennes) 248
- Артуа** (фр. Artois) 237
- Африка** (фр. Afrique) 69, 259
- Ахайя** (лат. Achaia) 233
- Бавария** (нем. Bayern, фр. Bavière) 138, 239, 254, 256, 258, 259
- Балтийское море** (фр. la mer Baltique, нем. die Ostsee, Baltisches Meer) 258
- Бар**, герцогство (фр. la duché de Bar) 187
- Бардонеккья** (ит. Bardonecchia, оксит. Bardonnèche) – местность в Пьемонте 110
- Барселона** (исп. Barcelona, фр. Barcelone) 257
- Белая Гора** (чеш. Bílá hora) 239
- Бельгия** (фр. Belgique, голл. België) 253
- Берг** (нем., фр. Berg) 239
- Берлин** (нем. Berlin) 231, 252
- Берн** (фр. Berne, нем. Bern) 17
- Бидассоа** (фр. Bidassoa, исп. Bidasoa) 246
- Богемия** (чеш. Chechy, фр. Bohême, нем. Böhmen) 53, 138, 239, 251, 258, 259
- Брабант** (фр. Brabant, голл. Brabant) 237
- Бразилия** (порт. Brasil) 245
- Бреда** (голл. Breda) 13
- Бремен** (нем. Bremen) 255, 258
- Бресс** (фр. Bresse) 249
- Британская империя** (англ. the British Empire) – см. *Великобритания*.
- Бургуния** (фр. Bourgogne) 94, 237

¹ В указателе не включены географические названия, встречающиеся только в Указателе имен.

- Бургундское герцогство** – см. *Бургундия*.
- Бургундское графство** – см. *Бургундия*.
- Бюже** (*фр.* Bugey) 249
- Вальроме** (*фр.* Valromeu) 249
- Варшава** (*польск.* Warszawa) 59
- Везер** (*нем.* Weser) 258
- Великобритания** (*англ.* Great Britain) 16, 27, 36, 39, 46, 53, 59, 68, 69, 73, 85, 89, 93, 98–100, 102, 107, 108, 124, 125, 127, 135, 137–139, 148, 150, 199, 214, 233, 239, 243, 245, 247, 248, 251–254, 257–259
- Вена** (*нем.* Wien) 122, 124, 125, 127, 140
- Венгрия** (*венг.* Magyarország) 119, 121, 125, 147, 233
- Венецианская республика** – см. *Венеция*.
- Венеция** (*ит.* Venezia) 49, 73, 140–141, 208, 240, 243, 246, 261
- Верден** (*фр.* Verdun) 174
- Верден**, архиепископство (*нем.* Werden) 258
- Версаль** (*фр.* Versailles) 18
- Вестфалия** (*фр.* Westphalie, *нем.* Westfalen) 190, 260
- Висмар** (*нем.* Wismar) 258
- Вустер** (*англ.* Worcester) 242
- Гаага** (*голл.* Den Haag, s'Gravenhage) 44, 135, 145, 146, 170, 179, 210, 231, 254, 258
- Гамбург** (*нем.* Hamburg) 255
- Ганзейские города** (*нем.* Hansestädte) 145, 255
- Гасконь** (*фр.* Gascogne) 234
- Гельдерланд** (*голл.* Gelderland) 238
- Геннегау** (*фр.* Hainaut, *флам.* Henegouwen) 237
- Генуэзская республика** – см. *Генуя*.
- Генуя** (*ит.* Genova) 149
- Германия** (*нем.* Deutschland) 18, 51, 53, 116, 128, 147, 148, 190, 231, 234, 238, 247, 253
- Гертруденберг** (*голл.* Geertruydenberg) 179, 258
- Гибралтар** (*англ.* Gibraltar) 245, 252
- Голландия** (*голл.* Holland) 133, 221, 237, 238, 243, 245, 250, 253, 255, 258
- Гранада** (*исп.* Granada) 235
- Гренобль** (*фр.* Grenoble) 9–11
- Греция** (*греч.* Ελλάδα) 22, 76, 77–80
- Гронинген** (*голл.* Groningen) 238
- Дания** (*дат.* Danmark) 54, 103, 207, 250
- Днепр** 122
- Доброй Надежды мыс** (*фр.* cap de Bonne Espérance) 66, 241
- Дрезден** (*нем.* Dresden) 184, 259
- Дувр** (*англ.* Dover) 94, 242, 246
- Дунай** (*фр.* Danube, *нем.* Donau) 122, 138
- Дураццо** (*ит.* Durazzo) 233
- Дюнкерк** (*фр.* Dunkerque, *англ.* Dunkirk) 258
- Европа** (*фр.* Europe) 8, 33, 36, 37, 38, 40, 42, 45–47, 49, 50, 53–55, 58, 66–72, 75, 80, 81, 83, 85, 87, 89, 94–96, 99–101, 106, 108, 114, 116, 128, 131, 137–140, 147, 150, 153, 160, 167, 170, 171, 175, 177, 182, 196, 198, 211, 213, 231, 237, 243–245, 247, 249, 250, 255–257, 260
- Жекс** (*фр.* Gex) 249
- Жюмонвиль-Глен** (*англ.* Jumonville Glen) – местность в западной части Пенсильвании 252
- Зама** (*лат.* Zama) 248
- Западная Померания** (*нем.* Westliches Pommern) 258

- Зеландия** (голл. Zeeland) 237, 238
Иерусалим (фр. Jérusalem) 233
Империя – см. Священная Римская империя.
Индия (фр. les Indes) 252
Ирак (фр. Iraq) 248
Иран (фр. Iran) 248
Ирландия (ирл. Éire, англ. Ireland, шотл. Airlann) 68
Испания (исп. España) 27, 33, 39, 47, 51–53, 69, 95, 103, 106, 110, 121, 132–135, 137, 147, 149–150, 153, 154, 181, 187, 190–191, 194, 217, 219, 221, 222, 224, 234–238, 240, 245–248, 250, 251, 253–257, 260
Италия (ит. Italia) 46, 49–51, 110, 116, 149, 176, 181, 190, 233, 235, 237, 240, 249, 250, 261
Иудея (лат. Iudaea) 248
Казале (ит. Casale, фр. Casal) 114, 249–250
Калабрия (ит. Calabria) 232
Калькутта (англ. Calcutta) 241
Канада (англ., фр. Canada) 252
Канны (лат. Cannae) 241
Карибское море (фр. la mer Caribéenne) 255
Карфаген (лат. Carthago) 104, 138, 184, 248, 254, 259
Кастилия (исп. Castilla) 47, 235
Кастильское королевство – см. Кастилия.
Кастро (ит. Castro) 114
Каталония (исп. Cataluña, каталон. Catalunya, фр. Catalogne) 257
Кёльн (фр. Cologne, нем. Köln) 253
Киноскефалы (лат. Cynoscephalae) 248
Китай (фр. Chine) 40, 240
Киттаннинг (англ. Kittanning) – поселение индейцев-делава-ров в Пенсильвании 252
Клеве-Юлих-Бергское герцогство (фр. duché de Clèves-Juliers-Berg, нем. Herzogtum Kleve-Jülich-Berg) 238
Клевское герцогство (фр. duché de Clèves) 239
Комаккьо (ит. Comacchio) 114, 249
Константинополь (фр. Constantinople, греч. Κωνσταντινούπολις) 59
Копенгаген (дат. København) 59
Лакедемон – см. Спарта.
Ла-Манш, пролив (фр. La Manche, англ. the English Channel) 233
Ла Марк, графство (фр. La Marck, нем. die Mark) 239
Левант (фр. Levant) 125
Лилль (фр. Lille) 258
Лимбург (фр. Limbourg, голл. Limburg) 237
Линц (нем. Linz) 258
Лион (фр. Lyon) 10, 11
Лиссабон (порт. Lisboa) 241
Ломбардия (ит. Lombardia) 251, 260
Лондон (англ. London, фр. Londres) 122, 140, 170, 242, 255
Лотарингия (фр. Lorraine) 187, 253
Луккская республика (ит. Repubblica Lucchese) 36
Любек (нем. Lübeck) 255
Люксембург (фр. Luxembourg, нем. Luxemburg) 237
Маастрихт (голл. Maastricht) 255
Мадрид (исп. Madrid) 220, 221
Майнц (фр. Mayence, нем. Mainz) 253
Македония (др.-греч. Μακεδονία) 104, 248
Мантуя (ит. Mantova) 249, 253, 261
Маон (исп. Mahón) 20, 252

- Мариньяно** (ит. Marignano) 237
Метц (фр. Metz) 174, 234
Милан – см. *Миланская область*.
Миланская область (исп. il Milanese-sado, фр. le Milanais, ит. lo stato di Milano) 50, 147, 236, 237, 250, 251
Миланское герцогство – см. *Миланская область*.
Минорка (исп. Menorca) 128, 245, 252
Монферрато (ит. Monferrato) 249
Мордейк (голл. Moerdijk) 258
Москва 38, 207
Мэн (фр. Maine) 234
Мюнстер (нем. Münster) 135, 178, 189, 196, 246, 254, 258
Мюнхен (нем. München) 259
Намюр, графство (фр. Namur, флам. Namen) 237
Нанси (фр. Nancy) 237
Неаполитанское королевство (ит. Regno di Napoli) 33, 46, 50, 51, 147, 149, 232, 233, 235–237, 240, 249–250
Неаполь (ит. Napoli) 49, 149–150, 232, 233, 235, 236, 250, 258, 260
Нёвшатель (фр. Neufchatel) 245
Нидерланды (голл. Nederlanden) 94, 107, 119, 132–135, 147, 222, 246, 247, 251, 255
Нидерланды Австрийские или **Испанские** (исп. Países Bajos Austríacos или Países Bajos Españoles, Países Bajos del Sur, нем. Österreichische Niederlande или südliche Spanische Niederlande) 27, 33, 107, 121, 237, 238, 248, 253–255, 257
Нимвеген (голл. Nijmegen, нем. Nimwegen) 195, 263
Новара (ит. Novara) 251
Новый Свет (фр. le Nouveau Monde) 66
Нюрнберг (нем. Nürnberg) 234
Оверэйссел (голл. Overijssel) 238
Одер (нем. Oder, польск., чеш. Odra) 258
Оснабрюк (нем. Osnabrück) 189, 196, 246, 258
Остенде (фр. Ostende) 125
Ост-Индия (фр. les Indes Orientales) 66, 69, 241
Оттоманская империя – см. *Турция*.
Павия (ит. Pavia) 237
Папское государство – см. *Рим*.
Пардо (исп. Pardo) 149, 255–256
Париж (фр. Paris) 11, 12, 17–19, 133, 135, 140, 231
Парма – см. *Пармское герцогство*.
Пармское герцогство (ит. ducato di Parma) 250, 251, 253, 260
Парфия (лат. Parthia) 248
Пассау (нем., фр. Passau) 179, 258
Пергам (лат. Pergamum) 248
Петербург – см. *Санкт-Петербург*.
Пидна (лат. Pudna) 248
Пиньероль (фр. Pignerol, ит. Pinerolo) 110
Пиренеи (фр. les Pyrénées, исп. los Pirineos) 48, 153, 246, 256
Пиренейский п-ов (фр. la péninsule Pyrénéenne, исп. la península Peninaica) 234
Польша (польск. Polska) 8, 17, 18, 54, 143, 233, 239, 260, 261
Порта – см. *Турция*.
Португалия (порт. Portugal) 245
Прага (чеш. Praha) 239, 258
Прагжелато (ит. Pragelato, оксит. Pradzalà) – местность в Пьемонте 110
Прованс (фр. Provence) 149, 233
Пруссия (нем. Preussen) 91, 206, 245, 246, 250–252, 254, 256, 259

- Пуату** (*фр.* Poitou) 234
- Пьяченца** – см. *Пьяченцское герцогство*.
- Пьяченцское герцогство** (*ит.* ducato di Piacenza) 250, 251, 260
- Равенсберг** (*фр., нем.* Ravensberg) 239
- Рейн** (*фр.* Rhin, *нем.* Rhein) 119, 138, 176, 253
- Рим** (*ит., лат.* Roma) 49, 174, 232, 236, 262
- Рим Древний** – см. *Римская республика*.
- Римская республика** (*лат.* Res publica Romanorum) 12, 63, 77–79, 81, 104, 175, 201, 236, 241, 242, 244, 248
- Рисвик** (*фр.* Ryswick, *голл.* Rijswijk) 257
- Рокруа** (*фр.* Rocroi) 106, 248
- Ронсильоне** (*ит.* Ronsiglione) 114
- Россия** 38, 39, 54, 101, 119, 122, 251, 252, 256
- Саарская область** (*нем.* Saarland) 257
- Савойя** (*ит.* Savoia, *фр.* Savoie) 110, 238, 245, 249, 250, 253
- Саксония** (*нем.* Sachsen) 184, 206, 256
- Салуццо** (*ит.* Saluzzo, *фр.* Saluces) 110, 249
- Санкт-Петербург** 36, 38
- Сан-Сальвадор** (*исп.* San Salvador, *англ.* Watling Island) 241
- Сан-Фелипе форт** (*исп.* fuerte de San Felipe) 128, 252
- Сардиния** (*ит.* Sardegna) 149
- Сардиния-Пьемонт** (*ит.* Sardegna Piemonte) 256
- Сардинско-Савойское королевство** (*ит.* Regno di Sardinia e Savoia) 251, 260
- Священная Римская империя** (*нем.* Heiliges Römisches Reich) 47, 50, 54, 94, 129–130, 138, 139, 147, 148, 196, 234–237, 239, 246, 247, 250, 251, 253, 257
- Северная Америка** (*фр.* Amérique du Nord) 102, 252
- Северная Германия** (*нем.* Nördliches Deutschland) 250
- Силезия** (*нем.* Schlesien) 246, 251, 252, 256, 259
- Сиракузы** (*лат.* Syracusae) 259
- Сирия** (*лат.* Syria) 248
- Сицилийское королевство** (*ит.* Regno di Sicilia) 232, 233
- Сицилия** (*ит.* Sicilia) 184, 232, 233, 236, 245, 250, 259, 260
- Соединенные провинции** (*голл.* de Republiek der Verenigde Nederlanden) 53, 94, 95, 121, 130, 132–133, 135, 143–146, 170, 191, 195, 209–210, 217, 238, 247, 253–257, 260
- Соединенные Штаты Америки** 8, 40, 240, 252
- Спарта** (*др.-греч.* Σπάρτη) 15, 31, 76, 81
- Средиземное море** (*фр.* la Méditerranée) 128, 150, 252
- СССР** 40, 240
- Стокгольм** (*швед.* Stockholm) 59
- Страсбург** (*фр.* Strasbourg, *нем.* Strassburg) 258
- Суассон** (*фр.* Soissons) 163, 256
- США** – см. *Соединенные Штаты Америки*.
- Тарент** (*ит.* Taranto) 233
- Тортонна** (*ит.* Tortona) 251
- Тоскана** – см. *Тосканское герцогство*.
- Тосканское герцогство** (*ит.* ducato di Toscana) 250, 251, 260
- Туль** (*фр.* Toul) 174
- Турция** (*тур.* Türkiye) 119, 122, 125, 250, 261
- Улькс** (*ит.* Oulx, *оксит.* Ors) – местность в Пьемонте 110

- Утрехт** (*голл.* Utrecht) 110, 163, 238
- Фазаний остров** (*фр.* L'île des Faisans, L'île de la Conférence, *исп.* Isla de los Faisanes) 246
- Феррара** (*ит.* Ferrara) 261
- Фландрия** (*фр.* Flandre, *флам.* Vlaanderen) 107, 121, 132, 176, 237
- Флоренция** (*ит.* Firenze) 232
- Форново** (*ит.* Fornovo) 49, 235
- Франция** (*фр.* France) 12, 15–19, 37, 39, 50, 52–54, 59, 68, 69, 71, 85, 89, 93–96, 98–103, 105, 106, 108, 110, 112, 119, 121, 122, 124, 125, 127–130, 132–135, 137–139, 145, 148–150, 153, 154, 164, 170, 174, 178–181, 187, 190, 191, 209, 222, 223, 225, 233–240, 243, 245–247, 249–261
- Французское королевство** – см. Франция.
- Франш-Комте** (*фр.* Franche-Comté) 237, 254, 255
- Фрисландия** (*голл.* Friesland) 237, 238
- Швейцария** (*фр.* Suisse, *нем.* Schweiz, *ит.* Svizzera) 22, 73, 119, 243
- Швейцарская конфедерация** – см. Швейцария.
- Швеция** (*швед.* Sverige) 53, 54, 119, 122, 135, 170, 190, 239, 246, 253, 254, 258
- Шотландия** (*англ.* Scotland) 242
- Штеттин**, совр. Щецин (*нем.* Stettin, *польск.* Szczecin) 258
- Эдинбург** (*англ.* Edinburgh) 261
- Элада Древняя** – см. Греция.
- Эльба**, река (*нем.* Elbe, *чеш.* Labe) 258
- Эльзас** (*фр.* Alsace, *нем.* Elsass) 94, 257
- Южная Америка** (*фр.* Amérique du Sud) 27
- Южная Германия** (*нем.* südliches Deutschland) 239
- Южная Фландрия** (*фр.* Flandre du sud, *флам.* Suid-Vlaanderen) 255
- Южные Нидерланды** – см. Нидерланды Австрийские или Испанские.
- Юлих** (*фр.* Juliers, *нем.* Jülich) 239

DE
LA LÉGISLATION,
OU
PRINCIPES DES LOIX.

Par M. l'Abbé DE MABLY.

Ad Respublicas firmandas, & ad stabiliendas
vires, sanandos populos, omnis nostra pergit
oratio. *Cic. de Leg. l. 1. c. 37.*

PREMIERE PARTIE.

A LAUSANNE.

Chez la SOCIÉTÉ TYPOGRAPHIQUE.

M. DCC. LXXVII.

Титульный лист книги аббата Мабли
«О законодательстве, или Принципы законов»
(Лозанна, 1777)

Приложение

I. Сочинения аббата Мабли

А. Произведения, включенные в Полное собрание сочинений (Œuvres complètes. Lyon, 1792)

1. Les observations sur l'histoire de France: En 8 livres (Genève, 1765)¹ [Заметки по истории Франции, в 8-ми книгах].

2. Les observations sur l'histoire de la Grèce, ou Des causes de la prospérité et des malheurs des grecs [Заметки по истории Греции, или О причинах благоденствия и несчастьях греков].

3. Les observations sur les Romains (Genève, 1751) [Заметки по истории римлян].

4. Des principes des négociations, pour servir d'introduction au droit public de l'Europe, fondé sur les traités (La Haye, 1757) [Принципы переговоров, введение к сборнику европейского публичного права, основанного на договорах].

5. Le droit public de l'Europe, fondé sur les traités, depuis la paix de Westphalie, en 1648, jusqu'à nos jours (P., 1748) [Европейское публичное право, основанное на договорах, от Вестфальского мира 1648 г. до наших дней].

6. Du gouvernement et des lois de la Pologne (P., 1781) [О государственном устройстве и законах Польши].

7. Observations sur le gouvernement et les lois des États-Unis d'Amérique (P., 1784) [Заметки об управлении и законах Соединенных Штатов Америки].

8. De la législation, ou principes des loix (Amsterdam, 1776) [О законодательстве, или Принципы законов].

9. Les entretiens de Phocion, sur le rapport de la morale avec la politique, trad. du Grec de Nicoclès avec des remarques (Zürich, 1763) [Беседы с Фокионом о взаимоотношениях морали и политики, перевод с греческого Никоклеса с примечаниями].

10. Les principes de morale (P., 1784) [Принципы морали].

11. Les doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques (P., 1768) [Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ].

12. Des droits et des devoirs du citoyen (написана в 1758 г.; P.; Lausanne, 1789) [О правах и обязанностях гражданина].

¹ В круглых скобках здесь и далее указаны место и год первого издания.

13. De l'étude de l'histoire, dédié à monseigneur le prince de Parme [Об изучении истории, посвящено монсьеору принцу Пармскому].
14. De la manière d'écrire l'histoire (P., 1778) [Как надо писать историю].

Б. Произведения, включенные только во второе Полное собрание сочинений (Collection complète des œuvres de l'abbé de Mably, P., 1794–1795)

15. De la situation politique de la Pologne en 1776 [О политическом положении Польши в 1776 г.].
16. Le banquet des politiques [Пир политиков].
17. De l'étude de la politique [Об изучении политики].
18. Des maladies politiques et de leur traitement [О политических недугах и об их исцелении].
19. Du commerce des grains [О торговле зерном].
20. De la superstition [О суеверии].
21. Notre gloire ou nos rêves [Наша слава или наши грёзы].
22. De la paix d'Allemagne [О мире в Германии].
23. De la mort de l'Impératrice-Reine [О кончине королевы-императрицы].
24. L'Oracle d'Apollon [Дельфийский оракул].
25. Des talens [О дарованиях].
26. Du beau [О прекрасном].
27. Du développement, des progrès et des bornes de la raison [О развитии, поступательном движении и границах разума].
28. Le Compte rendu [Отчет].
29. La retraite de M. Necker [Уход в отставку г-на Неккера].
30. Du cours et de la marche des passions dans la société [О течении и движении страстей в обществе].

В. Произведения, не включенные в собрания сочинений

31. Lettres à Madame la marquise de P. . . sur l'Opéra [Письма г-же маркизе П. по поводу Оперы].
32. Parallèle des Romains et des François par rapport au gouvernement: En 2 tomes. P., 1740 [Сравнительный обзор истории Рима и Франции с точки зрения политического устройства].
33. Observations sur les grecs. Genève, 1749 [Заметки по истории греков].

Г. Переписка

34. Le portefeuille de Madame Dupin // Villeneuve-Guibert (coll.).
35. *Champdeval J.B.* Lettres inédites.

36. Письмо капитана Лерса (Lerse) к Мабли (манускрипт). Французская национальная б-ка, Париж.

II. Сочинения аббата Мабли, изданные на русском языке

1. Разговоры Фокионовы о сходности нравоучения с политикою, собранные греком Никоклесом. СПб., 1772¹.

2. Размышления о Греческой истории, или О причинах благоденствия и несчастья Греков². СПб.: при Императорской Академии наук, 1773.

3. Начальные основания нравоучения³: В трех частях. М.: в тип. Московского университета, 1803; М.: в тип. Пономарева, 1812.

4. О изучении истории / Пер. с фр. Е. Чилиева. СПб.: в тип. Иос. Иоаннесова, 1812. Ч. 1–3.

5. О законодательстве, или принципы законов // Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений. Ч. I. М.; Л., 1928.

6. Избранные произведения⁴ / Пер. с фр. и коммент. Ф.Б. Шуваевой, вступит. ст. акад. В.П. Волгина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

а) О законодательстве, или принципы законов (кн. I полностью; кн. II, гл. 1);

б) Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ (два первых письма);

в) О правах и обязанностях гражданина (четыре первых письма).

7. Об изучении истории. О том, как писать историю / Пер. с фр. и ст. С.Н. Искуля, коммент. С.Н. Искуля и А.Н. Васильева, отв. ред. Г.С. Кучеренко. М.: Наука, 1993.

¹ Как установил Ю.М. Лотман, перевод этой книги был подготовлен П.П. Курбатовым. См.: *Лотман Ю.М.* Радищев и Мабли // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 286–289.

² Здесь и далее названия книг, вышедших до 1918 г., приводятся в современной орфографии.

³ Пер. с фр. А.Н. Радищева.

⁴ Пер. с фр. М.Н. Цветкова.

Содержание

Предисловие. Парадоксы Мабли	7
Принципы переговоров	43
<i>Глава первая.</i> Происхождение переговоров. События, положившие начало установлению взаимоотношений между европейскими державами. Предмет переговоров....	45
<i>Глава вторая.</i> Почему наука переговоров столь мало распространена в Европе. Каковы ее основополагающие принципы.....	57
<i>Глава третья.</i> Доминирующая европейская держава не должна рассчитывать на расширение территории посредством переговоров, если намерена совершать завоевания в сопредельных странах	66
<i>Глава четвертая.</i> Каким образом доминирующая европейская держава может с помощью переговоров добиться увеличения благосостояния.....	75
<i>Глава пятая.</i> О том, что доминирующая в Европе держава должна думать лишь о сохранении своего превосходства. Каким образом этому могут способствовать переговоры. О поведении доминирующей державы по отношению к державе-сопернице.....	83
<i>Глава шестая.</i> О преимуществах державы-соперницы перед доминирующей державой на переговорах. В ее ли интересах становиться доминирующей державой? Размышления о нынешнем положении Франции и Англии	93
<i>Глава седьмая.</i> Второстепенные державы. Принципы их политики. О поведении двух доминирующих держав по отношению к ним	103
<i>Глава восьмая.</i> Третьестепенные державы. Об их интересах. О том, какую политику проводят по отношению к ним главенствующие державы	113

<i>Глава девятая.</i> О союзах. Об их разнообразных типах. О том, как опасно их смешивать. О естественных союзниках и врагах.....	118
<i>Глава десятая.</i> О союзах, заключенных исходя из сиюминутных интересов или по случаю.....	129
<i>Глава одиннадцатая.</i> О том, что необходимо обращать внимание на форму правления, положение и умонастроение государств, с которыми заключаются союзы.....	140
<i>Глава двенадцатая.</i> О союзах, основанных на родственных отношениях.....	152
<i>Глава тринадцатая.</i> О том, какую роль в политике играет стечение обстоятельств. О переговорах, проводимых непосредственно после заключения мира.....	155
<i>Глава четырнадцатая.</i> О процессах, которые могут свидетельствовать о подрыве мира и грядущей войне. Принципы ведения переговоров в такой ситуации.....	160
<i>Глава пятнадцатая.</i> О переговорах во время войны. Принципы, лежащие в их основе.....	173
<i>Глава шестнадцатая.</i> О переговорах, направленных на достижение мира. О конгрессах. О перемириях. Об окончательном мирном договоре.....	185
<i>Глава семнадцатая.</i> О торговых договорах. Отступление касательно роскоши.....	198
<i>Глава восемнадцатая.</i> Об из ряда вон выходящих событиях. Размышления, относящиеся к этому предмету.....	205
<i>Глава девятнадцатая.</i> О подборе лиц на должности послов и министров второго разряда. Об их взаимодействии с правительством, у которого они состоят на службе.....	213
<i>Глава двадцатая.</i> Об обязанностях послов.....	223
Примечания	231
Указатель имен	264
Указатель географических названий	284
Приложение	291

Научное издание

Аббат Мабли
Принципы переговоров

Макет

Ю. В. Балабанов

ООО «Издательский дом «НАУЧНАЯ КНИГА»

Тел. 8(903) 720-87-35

E-mail: flerus@mail.ru

Подп. в печать 3.03.2014 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 18,5. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз.